

**Поиски
БЕСЦЕННОГО
НАСЛЕДИЯ**

Р. Тересветов

ПОИСКИ БЕСЦЕННОГО НАСЛЕДИЯ

(О СУДЬБЕ НЕКОТОРЫХ РУКОПИСЕЙ В.И. ЛЕНИНА)

Государственное издательство
политической литературы
Москва • 1963

Это первая книга о неутомимом и кропотливом труде собирателей литературного наследия В. И. Ленина. Написана она в форме рассказов и очерков. Читатель узнает из нее историю розыска важнейшего ленинского произведения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», текст которого был утрачен в конце прошлого века.

В книге рассказывается также о судьбе первых рефератов Ленина, о находке на чердаке одного дома на Урале переписки Ленина с Масловым, о том, как был восстановлен текст первого проекта партийной программы, написанного Лениным молоком в тюрьме.

Читатель ознакомится с интересными историями не только отдельных рукописей, но и целых ленинских архивов, с перспективами дальнейших поисков утраченных рукописей В. И. Ленина.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во многих томах разных изданий Сочинений В. И. Ленина в конце книги перечисляются не разысканные до сих пор его работы. Обычно приводятся только их названия. Иногда даются сведения и о содержании, называются имена близких и товарищей Владимира Ильича, читавших эти не дошедшие до нас ленинские произведения.

В приложениях к Сочинениям В. И. Ленина упоминаются, разумеется, далеко не все его неразысканные рукописи, а лишь важнейшие из них. Как много уже сделано для выявления и исследования драгоценного ленинского литературного наследства, можно судить по следующим цифрам: в первом издании Сочинений В. И. Ленина было опубликовано около 1500 ленинских произведений. В следующих двух изданиях прибавилось еще 1250, а в тридцатипяти томное четвертое издание вошло уже больше трех тысяч произведений Ленина, и к этому изданию добавляется еще восемь томов.

Новое, пятое издание Сочинений В. И. Ленина, выпускаемое Институтом марксизма-ленинизма, будет состоять уже из пятидесяти пяти томов. А ведь многие рукописи Владимира Ильича не вошли в собрание Сочинений и опубликованы в изданных тем же институтом Ленинских сборниках!

Только за последние четыре года удалось выявить 579 новых документов В. И. Ленина. Среди них преобладают письма, записки, наброски партийных и советских документов, относящиеся к последним годам его жизни.

Но многие более ранние работы и письма Владимира Ильича не обнаружены до сих пор. Они были утрачены

при разных обстоятельствах, главным образом в те годы, когда их автор находился под неусыпным наблюдением полиции как в России, так и за границей. Преследуемый полицейскими агентами, Владимир Ильич вынужден был часто менять адреса и псевдонимы, не всегда мог хранить у себя подлинники своих сочинений.

Настоящие очерки лишь скромная попытка напомнить читателю о судьбах некоторых работ В. И. Ленина, рассказать о том, как и какие из них удалось обнаружить после долгих лет тщательных и упорных поисков.

«ЖЕЛТЕНЬКИЕ ТЕТРАДКИ»

Известная работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — важнейшая из всего написанного им в начальный период революционной деятельности — долго считалась утраченной. Рукопись, вероятно, погибла во время частых обысков и арестов в Петербурге в конце прошлого столетия, когда усилилась активность подпольных кружков, объединенных молодым Лениным в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Она была утрачена уже после опубликования книги, вышедшей нелегально.

«Что такое «друзья народа»...» зачитывалась до дыр, неоднократно издавалась и размножалась разными способами и распространялась во многих городах. Но та же причина, которой можно объяснить гибель подлинника, — трудность сохранения ленинских произведений, привлекавших внимание полиции, привела к тому, что сделанные с него копии — гектографические и рукописные — исчезли из обращения, по-видимому, еще в конце прошлого века.

Полный текст этой замечательной работы Ленина до сих пор не восстановлен окончательно. Книга появилась на свет без имени ее автора на обложке. Она выходила отдельными выпусками, отпечатанными на гектографе или мимеографе. При тогдашнем уровне техники на этих аппаратах можно было делать не более полусотни оттисков. Поэтому отдельные части размножали несколько раз. В условиях подполья не всегда удавалось печатать одну за другой, и тираж разных частей ленинской брошюры был неодинаков.

Первую часть, посвященную критике взглядов вождя народников Михайловского, удалось напечатать пять раз — всего около трехсот экземпляров. Тираж второй части, направленной против буржуазного экономиста С. Южакова, из-за возникших во время ее издания затруднений был уже вдвое меньше. Третья, посвященная еще одному мнимому народолюбцу, тоже экономисту, С. Кривенко, написанная В. И. Лениным в дни начавшегося разгула реакции, была напечатана всего один раз, и только в Петербурге. От первых двух третий выпуск отличался тем, что на титульном листе было указано: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Полиция не должна была знать, что эта «литературная бомба» — так оценивали в конце прошлого века произведения Владимира Ильича некоторые его читатели — была напечатана в столице, под посом у самой охраны.

Работу Ленина, горячо встреченную в первых русских марксистских кружках, переписывали также и от руки. Но «Друзья народа», как гектографированные, так и рукописные, уничтожались не только полицией. Нередко в ожидании обыска или ареста брошюру сжигали и ее владельцы. Именно при таких обстоятельствах был сожжен почти весь тираж пятого издания первого выпуска, размноженного на гектографе в одной из деревень Борзенского уезда, Черниговской губернии. Об этом стало известно уже после Октябрьской революции из сообщения М. Могилянского, примыкавшего в молодости к «легальным марксистам».

Один из друзей Могилянского, выйдя из тюрьмы весной 1894 года, прочел работу Ленина и привез в Черниговскую губернию. Там, в деревне, он тайком размножил ее на спрятанном в сарае гектографе с помощью жены и ее отца — сочувствовавшего революционерам сельского священника. Весь тираж был перевезен на квартиру Могилянского в Чернигов. Но в городе как раз в это время прокатилась волна арестов среди учащейся молодежи. Опасались обыска и в семье уехавшего куда-то Могилянского. Его младшего брата и сестру уже вызывал на допрос жандармский офицер. Вернувшись домой, Могилянский узнал, что почти весь тираж брошюры Ленина сожжен членами его семьи. Только двадцать пять экземпляров сумела спрятать мать Могилянского. Десять из них он отвез потом в Петербург. Произведения Ленина, попадавшие в

руки полиции, разумеется, часто уничтожались. Лишь немногие уцелели в ее тайниках, в архивах вещественных доказательств.

Все эти обстоятельства привели к тому, что известная сравнительно узкому кругу первых русских марксистов и немало способствовавшая их сплочению работа Ленина «Что такое «друзья народа»...» долго считалась полностью и бесследно пропавшей. И только в 1923 году в Петрограде будущим директором Ленинской библиотеки Владимиром Ивановичем Невским были найдены две ее части — первая и третья. Он обнаружил их среди книг, хранившихся раньше в департаменте полиции.

По синему цвету шрифта и другим приметам удалось установить, что оба выпуска издал в 1894 году руководимый Лениным марксистский кружок — тот самый, который стал основой знаменитого «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». О том, что эти экземпляры побывали в руках охранки, говорят проставленные, очевидно, жандармским чиновником номера в верхнем углу титульного листа.

Почти одновременно еще два экземпляра этих выпусков, первого и третьего, были извлечены из одного заграничного социал-демократического архива, находившегося в Берлине.

В начале 20-х годов работник советского торгпредства в Германии Я. Вишняк случайно встретил в немецкой столице своего товарища по реальному училищу — Германа Ароновича Вязьменского, давно уехавшего из России меньшевика. Бывшие одноклассники разговорились. Вязьменский сказал Вишняку, что работает теперь в социал-демократическом архиве, размещенном в здании газеты «Форвертс», и предложил осмотреть достопримечательности этого архива. Среди хранившихся там редких изданий была и работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

«Насколько помню, она состояла из трех выпусков, сброшюрованных вместе», — сообщил впоследствии Я. Вишняк директору Института Ленина.

Вскоре после посещения архива Вишняк рассказал своему хорошему знакомому Александру Сидоровичу Шаповалову, что видел там произведения Ленина. Встречавшийся с Лениным раньше в Сибири и в эмиграции, Шаповалов тоже работал в Берлине, и Вишняк уговорил

Вязьменского показать и ему редкие издания. В результате этой встречи представитель Института Ленина Н. С. Ангарский с помощью Шаповалова приобрел еще две части «Друзей народа». Но среди них опять не было второй.

Почему именно второй?

Все выпуски «Друзей народа» по техническим причинам и соображениям конспирации печатались отдельно и в разных местах; впоследствии они нередко соединялись. В воспоминаниях близких Владимира Ильича и тогдашних его соратников все три выпуска не раз упоминаются вместе, как единое целое. Почему же оказался утраченным именно второй, и есть ли надежда, что он будет найден, а значит, полный текст работы Ленина будет когда-нибудь восстановлен? На этот вопрос, интересующий, несомненно, миллионы читателей ленинских произведений, можно ответить, только выяснив все обстоятельства издания и распространения именно этого исчезнувшего выпуска.

Весной 1894 года молодой инженер-технолог Алексей Александрович Ганшин, тесно связанный с руководимым Лениным петербургским марксистским кружком и с московскими социал-демократами, обрадовал товарищей заманчивым предложением: размножить работу Ленина о «друзьях народа» типографским способом. Осуществить этот проект он надеялся в Москве с помощью своих двоюродных братьев — студентов высшего технического училища Александра и Владимира Масленниковых, сумевших раздобыть типографский шрифт.

Предложение было горячо принято, но на пути к его осуществлению встретились серьезные трудности. В Москве Ганшин установил, что Масленниковым пришлось вернуть шрифт испугавшемуся ревизии наборщику.

Тогда Ганшин поехал к другому типографскому рабочему, жившему в Юрьев-Польском, и попытался уговорить его отпечатать тайком сочинение безыменного автора или по крайней мере раздобыть шрифт. Но и эта попытка сорвалась. Наборщик не решился рисковать. Типография была маленькая, и недостачу шрифта в кассах легко было обнаружить. Однако литографский камень для Ганшина он все же достал.

Приехав из Петербурга, Владимир Ильич на квартире у молодого врача С. И. Мицкевича встретился с Ганши-

ным и передал ему рукопись первого выпуска. А спустя несколько месяцев в подмосковном дачном поселке Кузьминках Ленин отдал ему и другие два выпуска. По сообщениям конспирации осторожный инженер решил напечатать книгу в имени отца, находившемся во Владимирской губернии. Туда он перевез пишущую машинку, валик и типографскую краску, а в помощники себе взял своего двоюродного брата — Владимира Масленникова. Но и на этот раз его постигла неудача: оттиски получились плохими, потому что и Ганшин и Масленников были недостаточно знакомы с литографской техникой.

Масленников вернулся в Москву и раздобыл у одного из своих товарищей мимеограф, приспособленный для выпуска листовок небольшого размера. По этому образцу смастерили аппарат, пригодный для печатания брошюры. Но работа на самодельном мимеографе, изготовленном в столярной мастерской, подвигалась медленно, и в Петербурге стали проявлять нетерпение. По поручению Ленина к Гапшину приехал член кружка студент Александр Малченко за готовыми экземплярами и увез в Петербург также и рукопись. К тому времени петербургский кружок обзавелся уже своим гектографом, на котором и были отпечатаны сравнительно быстро, одно за другим, несколько изданий ленинской работы. Член того же кружка М. А. Сильвин утверждал, что по просьбе Владимира Ильича они печатались в такой последовательности: вслед за первым был напечатан не второй, а третий, только что им законченный выпуск. Быть может, это произошло потому, что второй выпуск печатался в Москве. В докладной записке петербургского градоначальника от 27 мая 1894 года, найденной после Октябрьской революции в делах департамента полиции, сказано, что деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» выражалась в издании брошюры, озаглавленной «Что такое «друзья народа»...», два выпуска которой были напечатаны в Петербурге, а один — в Москве.

Однако департамент полиции мог ошибиться. Изучение его архивов после революции показало, что полиция не располагала точными данными о распространении революционной литературы и нередко попадала впросак. И в самом деле, есть несколько свидетельств близко знакомых с книгой Ленина людей о том, что в Петербурге были изданы все три выпуска. Они были переплетены в

одинаковую обложку желтого цвета и курсировали под названием «желтенькие тетрадки».

«Хорошо отгектографированная петербургская новинка состояла из трех частей»,— писал, например, Ю. Мартов в своих «Записках социал-демократа». Об этом же упоминает один из первых читателей ленинской работы, С. И. Мицкевич, в вышедшем в 1906 году сборнике «Текущий момент».

Рассказывая о том, как рукопись возвратилась из Москвы в Петербург, издатель первых двух выпусков А. Ганшин тоже счел нужным отметить, что в северной столице она была вскоре «вновь издана полностью». Тот же Ганшин сообщает, что ему удалось напечатать в имении отца только сто экземпляров первого выпуска. Второй, по его словам, он размножал на самодельном мимеографе уже на московской квартире отца, на Первой Мещанской улице. Третий выпуск Ганшину напечатать не удалось.

Московское издание отличалось от петербургского прежде всего тем, что было напечатано не на гектографе, а на мимеографе и не синими чернилами, а черной типографской краской. Из всего этого издания, однако, до сих пор ни один экземпляр не найден. Не попало ли оно полностью в руки полиции? Не было ли оно уничтожено кем-нибудь «из предосторожности», как это случилось с изданием той же работы Ленина в Чернигове? Из воспоминаний Ганшина мы знаем, что по настоянию Ленина значительная часть тиража московского издания была увезена в Петербург. Но там следы его затерялись. В Москве же действительно вскоре создалась тревожная обстановка, затруднявшая хранение и распространение ленинского труда. В конце 1894 года был арестован С. И. Мицкевич. Через полгода арестовали и Ганшина. Из протоколов обысков, сохранившихся до наших дней, видно, что ни одного экземпляра московского издания ленинской работы арестованные у себя не хранили.

У С. И. Мицкевича был обнаружен лишь один неброшюрованный экземпляр третьего выпуска с пометкой: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Эти тридцать пять согнутых пополам и вложенных в желтенькую обложку маленьких листков с гектографированным текстом привез из Петербурга Ганшин. Еще одну такую неброшюрованную тетрадь в желтой обложке

третьего выпуска конфисковала полиция при обыске на квартире Ганшина.

И все же есть основания предполагать, что по крайней мере один экземпляр второго выпуска «Друзей народа» уцелел. Утраченная часть работы Ленина была найдена и снова исчезла при довольно загадочных и до сих пор полностью не выясненных обстоятельствах, которые, вероятно, будут учтены при ее дальнейших розысках.

Почти одновременно с созданием Института Ленина при нем было организовано книгохранилище, в котором предполагалось собрать все печатные работы основателя партии и Советского государства, все издания, на страницах которых были опубликованы его произведения, в том числе и конфискованные цензурой. Одним из таких редких изданий был запрещенный цензурой сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Заведующий библиотекой института Д. Гиммер долго охотился за этим сборником, расспрашивал книговедов и букинистов и в конце концов пришел к выводу, что в Москве эту книгу достать нельзя. Тогда он выехал в Ленинград — город, где она печаталась, и там действительно ему удалось приобрести один экземпляр редчайшего издания при содействии Алексея Ивановича Кудрявцева, специалиста-книговеда и оценщика ленинградской Публичной библиотеки, носящей теперь имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Разговорившись с представителем института и рассказывая ему разные книжные новости, Кудрявцев заметил, что недавно держал в руках любопытную тетрадь: пачку сшитых вместе прокламаций основанного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В эту же тетрадь был вшит и один экземпляр второго выпуска «Друзей народа»¹.

Естественно было заключить, что работой Ленина интересовались не только единомышленники, но и его противники, подвергавшиеся в ней беспощадной и глубоко обоснованной критике. Отсюда напрашивался вывод: отдельные экземпляры могут оказаться и в частных библиотеках, принадлежавших тем или иным «друзьям народа», их наследникам или родственникам. Гиммер вспомнил, что участвовавший в распространении этой работы М. А. Сильвин просил В. И. Ленина обязательно послать

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 35.

один экземпляр первого выпуска главарю народников Михайловскому. Ленин ответил, что он писал не для Михайловского, а для широких кругов читателей, недостаточно разбирающихся как в сущности марксизма, так и в буржуазном характере народничества. Но один экземпляр первого выпуска был все же послан в редакцию руководимого Михайловским «Русского богатства», посылались оттиски и в некоторые другие журналы. По тем же адресам мог быть отправлен и второй выпуск.

В Ленинграде Гиммер узнал также, что архив редакции «Русского богатства» находился у книголюба Витязева и затем был куда-то увезен. Куда именно, до сих пор не установлено. Правда, Гиммеру удалось обследовать часть архива С. Н. Южакова, того самого «друга народа», который главным образом и был взят под обстрел во втором выпуске. Но в его уцелевших бумагах этой работы Ленина не оказалось. Все три выпуска «Друзей народа», вероятно, были представлены среди образцов революционных изданий, собранных в библиотеке жандармского управления. Но в Ленинграде Гиммеру сообщили, что эта библиотека сгорела дотла в марте 1917 года. Такая же участь постигла и собрание революционных изданий жандармского генерала Иванова, купленное еще до Октябрьской революции букинистом Котовым. И вдруг в случайном разговоре выясняется, что разыскиваемую книгу встречали в том самом доме, где происходит беседа!

Кудрявцев рассказал Гиммеру, что тетрадь с прокламациями и подшитым к ним вторым выпуском он обнаружил в «россыпи» ленинградского книжного фонда и вместе с другими извлеченными из этой россыпи ценными книгами передал в хранилище Публичной библиотеки.

«Кудрявцев довольно подробно описал внешность тетради, и в частности обложку второго выпуска», — рассказывал впоследствии Гиммер. Оценщик производил впечатление очень культурного библиофила «с колоссальной памятью на книги». «Ошибиться он не мог, не мог он и просто «болтнуть», — уверял Гиммер в докладной записке, написанной после возвращения в Москву. Ведь, по словам заведующего библиотекой института, в то время в Ленинграде еще не занимались розыском второго выпуска, и он не говорил Кудрявцеву, что институту нужна именно эта ленинская брошюра. Такую докладную записку Гиммер

счел необходимым написать потому, что тогда он эту брошюру так и не смог получить. По настоятельной просьбе Гиммера Кудрявцев занялся розыском безымянной тетради, им же самим переданной в хранилище Публичной библиотеки. К своей большой досаде, он так и не установил, в какой реестр она была записана и под каким шифром.

Конспектируя содержание взятой из библиотеки книги, Ленин часто тут же записывал и ее шифр. По этому шифру спустя много лет Институт Ленина находил эти книги даже в заграничных библиотеках. В данном случае поиски сильно затруднялись именно из-за отсутствия шифра.

«Кудрявцев искал тетрадь, но всякие следы ее были потеряны. Она исчезла в массе поступавших тогда в библиотеку материалов» — такой неутешительный вывод делает Гиммер в объяснительной записке. В этой же записке он сообщил дирекции, что перед отъездом из Ленинграда он беседовал также с помощником заведующего тем самым книжным фондом, где Кудрявцев обнаружил второй выпуск, и «мог только установить, что действительно какой-то сборник прокламаций и подпольных изданий передавался не так давно в Публичную библиотеку»¹.

Дирекция института обратилась в Публичную библиотеку с просьбой провести в ее фондах тщательный розыск второго выпуска.

В библиотеке очень внимательно отнеслись к этой просьбе. Страница за страницей, лист за листом были просмотрены книги, брошюры, журналы и листовки, хранившиеся в фонде «Вольной русской печати». Отделом нелегальной литературы библиотеки вскоре стал заведовать С. Н. Валк, опытный исследователь революционных изданий, мимо внимания которого не могло проскользнуть ленинское произведение². В 1947—1949 гг. по просьбе ИМЛ в Публичной библиотеке повторили розыски второго выпуска. На этот раз было проверено более 35 000 единиц хранения, в том числе все дубликаты и неразобранные книги

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 35.

² Сигизмунд Натанович Валк — историк-археограф, в настоящее время доктор исторических наук, автор монографии «Советская археография», редактор многочисленных изданий «Советской археографии», редактор «Советской археологии», редактор «Советской археологии», в том числе сборников «Декреты советской власти».

фонда «Вольной русской печати». В рукописном отделе было обследовано 300 книжных полок, просмотрены реестры всех материалов, поступивших в первые годы после Октябрьской революции, и книги выдачи рукописей. Но и на этот раз поиски утраченной работы В. И. Ленина оказались тщетными.

Розыски второго выпуска, несомненно, протекали бы успешнее, если бы было известно его содержание. Отрывочные сведения о нем можно найти в двух других выпусках, а также в воспоминаниях тех читателей ленинского произведения, которые знали его полный текст. А. А. Ганшиц, хорошо знакомый со всей книгой, утверждал, что по своему объему второй выпуск был даже больше двух других.

Есть прямое указание самого Ленина на содержание этой части. Первый выпуск — критику взглядов вождя народников Михайловского — Ленин рассматривал только как начало ответа на выпады «Русского богатства» против марксистов. В послесловии к первому изданию он пояснил, что последующие два будут содержать «также и разбор общественно-экономических воззрений других главарей «Русского Богатства», гг. Южакова и С. Кривенко»¹.

Взгляды С. Кривенко разобраны Лениным в третьем выпуске, причем уже на первой странице этого выпуска имеется ссылка на содержание второго. Перечисляя некоторые не заслуживающие подробного анализа статьи Кривенко, Ленин объясняет, почему такой анализ был необходим во втором выпуске по отношению к Южакову, наиболее яркому выразителю политико-экономических теорий народников².

Кроме того, в послесловии к первому изданию Ленин обращал внимание читателей на «сноски», в которых содержалось указание «на дальнейший разбор некоторых вопросов»³. Речь, по-видимому, шла о вопросах, которые Ленин предполагал рассмотреть подробно именно в последующих выпусках, в том числе, конечно, и во втором.

К сожалению, никаких сносок, обычно помещаемых под текстом в конце страницы, в первом выпуске не оказалось. Таким образом, не оказалось и важнейшего источ-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 184.

² См. там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 184.

ника, который мог бы прямо свидетельствовать о содержании второго выпуска.

Внимательный исследователь текста книги историк Б. М. Волин объясняет это тем, что Ленин употребил выражение «споски» в смысле «отсылки», а такие отсылки читателя ко второму выпуску имеются не только в тексте первого, но и третьего выпуска. В конце первого выпуска, говоря о необходимости научного, марксистского анализа современного буржуазного режима, Ленин добавляет: «Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли, но мы видели уже у него самого (и увидим еще больше у его сотрудника экономиста) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку»¹.

Ленин не называет здесь даже фамилии «сотрудника экономиста». Но отсылка: «Увидим еще больше» — явно говорит о том, что одной из главных тем второго выпуска был разбор ошибочных взглядов народнического социолога и публициста С. П. Южакова на законы развития капиталистического общества.

«Мы ниже еще встретимся с этой ребячьей идеей наших «друзей народа»»², — сообщает Ленин в другом месте первого выпуска, критикуя утверждение Михайловского, что в России якобы нет «своего собственного» капиталистического производства. «Ниже», видимо, означает — во втором выпуске. Кого из приверженцев Михайловского имел в виду Ленин, нетрудно угадать. Именно Южаков развивал на страницах «Русского богатства» (1893, № 12) «ребячью идею», что капитализм якобы не оказывает никакого влияния на развитие кустарных промыслов. И Ленин во второй части своего труда показал всю смехотворность и несостоятельность этой идеи.

«Мы, впрочем, еще ниже увидим, что это — постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России»³.

Прямые отсылки к содержанию второго выпуска встречаются и в тексте третьего. Объяснив, почему статьи

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 168.

² Там же, стр. 178.

³ Там же, стр. 179.

С. Южакова заслуживают подробного разбора, Ленин перечисляет несколько тем, рассмотренных им «выше», то есть во втором выпуске. Мы узнаем, что в этом выпуске получило отпор стремление Южакова отделяться «ничего не говорящими фразами о народной аренде, поддерживающей народное хозяйство, и т. п., прикрывая ими свое непонимание экономики наших земледельцев»¹, а также замалчивание им капиталистической организации кустарных промыслов.

Тщательный анализ всех «отсылок» ко второй части даст возможность составить довольно длинный список разобраных в ней вопросов. Это, прежде всего, «политико-экономические теории» Южакова; ошибочные взгляды народников на законы развития капиталистического общества, выражающиеся, в частности, в отрицании этого процесса в России; либеральное фразерство по поводу народной аренды как способа укрепления «народного хозяйства»; преувеличение значения крестьянской реформы; идеализация роли капиталиста «как богатого и образованного предпринимателя», ведущего крупное машинное хозяйство; непонимание сущности кустарного производства, как части капиталистического; наивность утверждения о неизбежной гибели русского капитализма якобы из-за отсутствия внутренних рынков; недооценка тяжелого положения трудящихся, которое будто бы может быть облегчено обращением за помощью к буржуазии и к царскому правительству.

Но в послесловии к первому выпуску есть еще и прямое указание Ленина на то, что во втором читатель найдет разбор общественно-экономических воззрений С. Южакова «в связи с очерком экономической действительности России»². Это и дает основание видеть в статьях Южакова косвенный, но очень важный источник для выяснения содержания этого выпуска. Именно с этой точки зрения Б. М. Волин и проанализировал социально-экономические работы Южакова и сделал вывод, что главное место во втором выпуске, очевидно, заняла критика большой статьи Южакова «Вопросы экономического развития России», опубликованной в «Русском богатстве». Ведь в ней поли-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 189—190.

² Там же, стр. 184.

тико-экономические теории ее автора получили наиболее полное выражение¹.

Перефразируя заглавие этой статьи, Ленин умышленно назвал свой ответ на нее «Очерком экономического развития России». Опровержение ненаучных воззрений Южакова, основанное на марксистском анализе экономического развития России, по-видимому, и было главным содержанием утраченного выпуска.

¹ См. *Б. М. Волин*. Из истории появления работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» М. Госполитиздат, 1944.

ПО СЛЕДАМ САМАРСКИХ РЕФЕРАТОВ

Ценные сведения о содержании утраченного второго выпуска «Друзей народа» можно найти не только в тексте уцелевших частей этой работы В. И. Ленина, но, вероятно, и в некоторых его других трудах, написанных в те же годы. Еще до переезда в Петербург Ленин в своих рефератах, прочитанных в самарском кружке марксистов, критиковал философские, экономические и политические взгляды народников. Некоторые из этих рефератов он записал и привез потом в Петербург. По свидетельству Анны Ильиничны, там он переработал эти записи, сделал к ним добавления и примечания. Этот новый труд и получил название «Что такое «друзья народа»...».

Но, уезжая в Петербург, Ленин оставил рукописи некоторых своих рефератов в Самаре для того, чтобы ими могли пользоваться участники марксистского кружка. Быть может, среди этих рукописей были дублиеты тех рефератов, которые легли в основу «Друзей народа», в частности об экономических воззрениях С. Н. Южакова, то есть будущий второй выпуск. Следы вдумчивой работы Владимира Ильича над этими рефератами удалось обнаружить в архиве самарской Публичной библиотеки.

На 764-й странице библиотечного журнала за 1893 год есть запись, какие книги были взяты сестрой Владимира Ильича Анной Ильиничной, несомненно по поручению брата. Это прежде всего журнал «Русское богатство». В двух книжках этого журнала на полях статей по экономическим вопросам карандашные пометки, сделанные рукой Ленина. Анна Ильинична получила для брата также журналы «Северный вестник», «Русская мысль» и «Вест-

ник Европы», печатавшие рассуждения народников по этим вопросам, тоже интересовавшие Владимира Ильича. Он проверял выводы народников и противопоставлял им свои собственные. О том, как усердно молодой Ленин изучал статистические сборники¹, также напоминает запись в библиотечном журнале. Процесс развития русского капитализма Владимир Ильич прослеживал по тем же материалам и работам экономистов, которыми пользовались его противники, в частности один из столпов пародничества В. В. (псевдоним профессора В. П. Воронцова)².

Когда Ленин готовил эти рефераты, в его распоряжении было также ценное книжное собрание подпольного марксистского кружка. Работы Владимира Ильича потом поступали в тайное хранилище этой библиотеки, в том числе, вероятно, и те, которые легли в основу «Друзей парода». Вот почему, выясняя судьбу ленинских рефератов, надо проследить и историю этой библиотеки.

В конце 80-х годов прошлого века, когда исключенный из Казанского университета поднадзорный студент Владимир Ульянов переехал в Самару, там уже существовали нелегальные кружки и тайные библиотеки. Самым влиятельным из них руководил молодой бунтарь Алексей Скляренко, изгнанный из гимназии «за опасный образ мыслей». Библиотеку кружка он составил из книг и журналов, изданных легально, но потом исчезнувших из обращения, а также из хранившейся отдельно откровенной «нелегалщины» — отпечатанных на тонкой гладкой бумаге маленьких брошюр, выпущенных за границей группой «Освобождение труда». После переезда Владимира Ильича в Самару это нелегальное отделение пополнилось марксистской литературой, и прежде всего рукописями его рефератов. Там же хранились и экономические исследования Алексея Скляренко, которые Ленин всегда внимательно просматривал и, вероятно, оставил на их полях свои замечания. Заведовала библиотекой фельдшерница Мария Ивановна Лебедева. В свободные часы она занималась перепиской рукописей Скляренко; вероятно, она же переписывала рефераты Владимира Ильича. По

¹ «Статистическое обозрение России», «Статистика Российской империи», «Сборник сведений по России».

² «История промышленности», «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности», «Свод материалов по кустарной промышленности».

свидетельству Надежды Константиновны Крупской, Ленин в ссылке впоследствии нередко вспоминал эту скромную труженицу самарского подполья. Но у болезненной Лебедевой вскоре обнаружился туберкулез, и ей пришлось уехать в Крым для лечения. Библиотекарша увезла с собой для переписки и некоторые рукописи. М. И. Лебедева вскоре умерла, и следы этих рукописей затерялись.

После отъезда Лебедевой Скляренко передал библиотеку кружку, известному под названием «Мельница», так как его участники собирались на квартире жившего при мельнице бухгалтера мукомольной фирмы. Участники кружка были не очень опытными конспираторами, и тревога за судьбу библиотеки заставила Скляренко еще раз изменить ее местонахождение.

Книги, помеченные буквами «БСГ» (библиотека самарских гимназистов), он упаковал в мешки и, когда стемнело, доставил на место нового хранения — квартиру члена кружка Матвея Семенова (Блан). Но полиция, очевидно, уже следила за ним. Новый библиотекарь был арестован в тот же вечер вместе со своей женой и братом Тимофеем, бывшим студентом, высланным из Петербурга за участие в демонстрации. Спустя несколько дней жандармы схватили и самого Скляренко. Владимир Ильич к этому времени уже переехал в Петербург, но Скляренко не успел уничтожить адрес его сестры Анны Ильиничны, жившей на даче под Москвой, и там был сделан тщательный обыск, не давший, однако, никаких результатов.

Библиотеку из квартиры Семенова увезли в жандармское управление. Однако спрятанная в вентиляционной трубе нелегальщина не была найдена. Часть ее Семенов ухитрился сжечь в печке, обманув бдительность жандармов, устроивших засаду у входа в его квартиру.

Не сжег ли Семенов тогда же и рукописи хранившихся в библиотеке ленинских рефератов?

Нет. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1940 году, Семенов признает, что некоторые из рефератов, «в которых Ленин подвергал уничтожающей критике ходячие догматы народнических учений», хранились у него или у его брата Тимофея, «пока их не отобрали жандармы». Бывший хранитель этих статей хорошо запомнил даже их внешний вид: «Это были тетради в четвертую долю листа, исписанные мелким четким почерком с многочисленными табличками, которыми всегда Владимир Ильич лю-

бил иллюстрировать и подтверждать изложенное»¹. Самарские рефераты Ленина, очевидно, не были спрятаны в вентиляционной трубе, а потому и попали в руки жандармов.

Изъятые при обыске у братьев Семеновых рукописи Владимира Ильича могли погибнуть в 1912 году. Именно тогда, по словам Матвея Семенова, пухлые папки дела самарского марксистского кружка (а значит, и материалы существовавшей при нем тайной библиотеки) были уничтожены самим же жандармским управлением. Этот факт был установлен сотрудниками Института Ленина, приезжавшими в Самару для розыска ленинских документов.

Но рукописи Ленина могли храниться в Самаре не только у библиотекаря марксистского кружка и его брата. Они могли находиться и у руководителя кружка Алексея Скляренко, поддерживавшего тесную связь с Лениным. Матвей Семенов рассказывает, что после налета жандармов его жена сообщила Скляренко о происшествии, и тот несколько дней до своего ареста метался по городу, ликвидируя и перепрятывая нелегальную литературу. Он мог спрятать и рукописи ленинских рефератов в каком-нибудь тайнике, следы которого потом были потеряны. Этот вечный скиталец три раза сидел в тюрьме, два раза его высылали, а потом Скляренко по собственному желанию переехал из Сибири на Дальний Восток, и, конечно, он не мог быть надежным хранителем ленинских рукописей и писем.

В переписке Владимира Ильича со своими близкими Скляренко не раз упоминается под разными кличками. Из нее видно, что и сам Скляренко был корреспондентом Ленина. Но ни одно из ленинских писем к «Япоцу» — так называл Владимир Ильич Скляренко после его отъезда на Дальний Восток — не уцелело. Если какие-нибудь ленинские рукописи или письма и сохранились среди его вещей, они могли сгореть во время пожара меблированных комнат в Петербурге, где Скляренко поселился после возвращения из своей последней длительной ссылки в Усть-Сысольск. Услышав однажды крики о помощи, не раз рискувавший собой Скляренко бросился спасать из огня «какую-то фефелу» — так он рассказывал об этом впоследст-

¹ М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940, стр. 69.

вии. А тем временем сгорело все его скудное имущество. Могли, конечно, сгореть и рукописи.

Спустя тридцать лет, но не в Самаре, а в Москве все же удалось найти один из ранних рефератов Ленина, посвященных тем вопросам, которые, вероятно, были поставлены им и в утраченном выпуске «Друзей народа». Это реферат о книге чиновника по землеустройству В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», появившейся в начале 90-х годов и сразу же замеченной Владимиром Ильичем, внимательно следившим за такого рода новинками. Хотя содержанием книги были в основном статистические сведения и наблюдения, собранные автором только в южных губерниях, Ленин высоко оценил значение приведенных фактов для анализа экономического положения всего русского крестьянства, вступившего на путь капиталистического развития и в других районах. Критически переработанные и дополненные Лениным, эти сведения наглядно подтверждали правильность позиции русских марксистов в их спорах с народниками. Но реферат о книге Постникова дошел до нас уже переделанным в статью для либерального журнала. На его страницах Ленин, конечно, не мог высказать свои взгляды так свободно, как он это делал, выступая в марксистских подпольных кружках.

Придавая большое значение пропаганде выводов, вытекающих из книги Постникова, Ленин на основе своего реферата написал статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» и послал ее в редакцию либерального журнала «Русская мысль». По просьбе Владимира Ильича московский марксист С. И. Мицкевич взял на себя заботу о дальнейшей судьбе этой статьи.

Редакция, охотно предоставлявшая свои страницы народникам, поместить работу Ленина отказалась, как «не подходящую к направлению журнала». Во время обыска у Мицкевича рукопись была конфискована жандармами. Тридцать лет эта статья пролежала в папке «Дознание московского жандармского управления по обвинению лекаря С. И. Мицкевича и других лиц в организации кружка социал-демократов». Мицкевич нашел ее в начале 1923 года в архиве вещественных доказательств московской судебной палаты. Черновик этой статьи без добавлений, внесенных при окончательной редакции, был найден еще позже в личном архиве Ленина.

Интересно, что опять же в Москве спустя некоторое время был обнаружен и тот самый экземпляр книги Постникова, которым пользовался Ленин, подготавливая о ней реферат. Владимир Ильич передал книгу в ту библиотеку самарского марксистского кружка, которая была конфискована полицией в 1893 году после обыска у Матвея Семенова и ареста обоих братьев. Но спустя два года, вернувшись из ссылки в Самару, Матвей Семенов добился снятия ареста с «дозволенных цензурой» книг и возвращения ему бывшей «библиотеки самарских гимназистов». Часть этих книг он отослал их владельцу — отбывавшему ссылку в Архангельске Алексею Скляренко, которому в то время грозило обвинение по новому делу. По этой причине его книги перешли к ссыльному А. Г. Буянову — бухгалтеру, в квартире которого собиралась «Мельница». Основную же часть библиотеки — около трехсот томов — Семенов благополучно перевез в Саратов, а затем в Москву. После Октябрьской революции он передал книги в Центральное статистическое управление, откуда они и поступили в Институт Ленина.

Оказавшаяся в числе возвращенных жандармами книга Постникова была вдоль и поперек испещрена пометками Владимира Ильича. По этим пометкам и записанным тут же на полях вычислениям можно проследить все этапы кропотливой исследовательской работы, сделанной Лениным.

«У сеющих до 5 дес.» — гласит первая строка.

«У сеющих более 50 дес.» — озаглавлена последняя рубрика, в которой приводятся сведения, касающиеся зажиточных и кулацких хозяйств.

Колонки цифр наглядно показывают, как, тщательно отбирая и проверяя факты, переводя цифры из одной рубрики в другую и исправляя собранные Постниковым сведения, Ленин приходит к неопровержимому выводу о классовом расслоении русского крестьянства.

Многочисленные замечания Ленина на книге В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» дают живое представление о методах работы Владимира Ильича над утраченным рефератом, о его умении извлекать достоверные данные даже из «средних цифр», подтасованных земскими статистиками в угоду народническим экономистам. Вот почему все эти пометки, вычисления, подчеркивания теперь полностью воспроизведены в

«Подготовительных материалах» первого тома собрания Сочинений В. И. Ленина; в котором напечатана и самая ранняя из всех сохранившихся его литературных работ — статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»¹.

К цепным статистическим сведениям, содержащимся в книге Постникова, Ленин возвращался не раз, в частности и тогда, когда готовил в Петербурге свой знаменитый реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках»².

Надежда Константиновна вспоминала впоследствии, что именно осенью 1893 года она познакомилась с этой работой Ленина, раньше, чем с ним самим. Товарищи рассказывали ей о приезде с Волги какого-то очень знающего марксиста, а затем «принесли тетрадку «о рынках», порядком-таки зачиташую».

«В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой, взгляды приезжего воляжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрещанным почерком с пометками и вставками излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой стороне без пометок писал свои примечания и возражения приезжий»³.

Преподавательнице воскресной школы Надежде Константиновне сразу же бросилось в глаза, что «вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксист, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии»⁴.

Тетрадка с рефератом «О рынках», с огромным успехом прочитанным Лениным в петербургском марксистском кружке, также долго считалась навсегда утерянной. После смерти В. И. Ленина Надежда Константиновна очень жалела о том, что тетрадь не удалось сохранить. Эта утрата была, однако, возмещена. В 1937 году по поручению Института марксизма-ленинизма в одной швейцарской деревушке проводились розыски ленинских документов, и среди бумаг, оставленных Лениным, была неожиданно най-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 1, стр. 1—66.

² На эти сведения В. И. Ленин ссылался и в более поздних своих работах, например в одном из основных своих трудов — «Развитие капитализма в России».

³ «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1. М., 1956, стр. 71—72.

⁴ Там же.

дена другая его тетрадь с текстом реферата на ту же тему. Выяснилось, что Ленин вторично выступил с рефератом «По поводу так называемого вопроса о рынках». Находка работы Ленина, непосредственно предшествовавшей «Друзьям народа», позволила уточнить содержание второго выпуска, для которого она в известной мере служила наброском. Ведь, критикуя в последней части «Друзей народа» соратника Южакова Кривенко за замазывание роли кустарных промыслов в капиталистическом производстве, Ленин счел нужным напомнить, что с подобными примерами «мы достаточно познакомились уже у г. Южакова, который... вместо изучения того, как складывается внутренний рынок капитализма — философствовал о неминуемой гибели его по неимению рынков»¹. «Достаточно» познакомил читателя с этими примерами не кто иной, как сам Ленин,— в посвященном Южакову втором выпуске.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 202.

УРАЛЬСКИЕ НАХОДКИ

Есть еще один способ узнать содержание утраченного выпуска «Друзей народа». Надо пойти письма В. И. Ленина за тот период, когда он начал готовить этот труд¹. Ведь именно в нелегальной переписке Владимир Ильич мог свободно говорить о вопросах, поставленных в книге, с самого начала предназначавшейся для подпольного распространения. Но почти вся переписка Владимира Ильича Ленина со своими единомышленниками за те годы, к сожалению, утрачена, и только незначительную ее часть удалось обнаружить после многолетних поисков.

Как раз в те годы, когда Владимир Ильич приступил к работе над «Друзьями народа», он обменивался письмами с сосланным на Урал по делу Федосеева экономистом Петром Павловичем Масловым, примкнувшим впоследствии к меньшевикам.

Переписка эта завязалась еще в 1892 году и касалась основных вопросов, волновавших тогда умы первых русских марксистов. Ленин посылал Маслову рукописи своих рефератов «Обоснование народничества в трудах В. В.» и свои замечания на работу Н. Е. Федосеева об экономических причинах отмены крепостного права. Рукописи этих ранних произведений В. И. Ленина были давно утеряны. Такая же судьба постигла и письма Ленина к Маслову. Так, по крайней мере, считал сам их получатель.

¹ Например, письмо по поводу так называемого протеста самарцев против Струве и Туган-Барановского, как редактора журнала «Новое слово», письмо по вопросу о хлебных ценах (в связи с дискуссией в Вольно-Экономическом обществе), письмо из ссылки в Самару и др.

В 1908 году, полемизируя с Лениным о теории абсолютной ренты, П. П. Маслов в письме в редакцию меньшевистского «Голоса социал-демократа» самоуверенно утверждал, что он-де, Маслов, еще до выхода в свет III тома «Капитала» дал правильное решение вопроса о распределении прибыли. При этом он ссылаясь на свою переписку с Лениным до 1894 года, в частности на отзыв, который дал Ленин на его рукопись.

В едкой статье «П. Маслов в истерике», напечатанной в газете «Пролетарий», Ленин, подтрунивая над «чудовищной силой памяти тов. Маслова», предложил ему опубликовать эту рукопись, написанную шестнадцать лет назад и предвосхитившую якобы выводы Маркса¹. Но Маслов этого не сделал.

Вскоре после смерти В. И. Ленина экономист Маслов снова вспомнил о своей переписке с Владимиром Ильичем по поводу этой неопубликованной рукописи.

«В ответ на посланное мной письмо с моей рукописью,— утверждал Маслов,— я получил от него большое письмо-статью (это письмо так и осталось лежать на Урале зарытым на чердаке, но сохранилось ли оно, я не знаю)»². По словам Маслова, в статье, написанной Лениным в Самаре в 1892—1893 годах, было несколько десятков страниц.

Узнав, таким образом, о предполагаемом месте хранения утраченной ленинской рукописи, помощник директора Института Ленина Сорин написал два письма: секретарю Челябинского губкома партии и заведующему челябинским Истпартом.

Институт просил Истпарт направить в поселок Масловку, Уйского района, одного или двух работников на поиски рукописи. На Урал выехал сын Петра Павловича Маслова, Павел Петрович Маслов, научный сотрудник Коммунистической академии. Он должен был участвовать в розысках рукописи, спрятанной на чердаке каменного дома, выстроенного еще его дедом, удачливым золотоискателем из уральских старообрядцев. В этом суровом краю умели беречь тепло и потому в каждом доме на чердаке насыпали толстый слой земли. В институте надеялись, что

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 15, стр. 225.

² «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», 1924, № 2.

при раскопках кроме письма В. И. Ленина могут быть найдены и другие рукописные материалы 90-х годов прошлого века, например переписка Маслова с легальным марксистом Струве, подпольная литература, быть может, даже второй выпуск «Друзей народа».

Но первые розыски ленинских рукописей в земляной насыпи на чердаке дома П. П. Маслова не дали желаемого результата. Вызвавшиеся помогать его сыну жители поселка старательно перекопали на чердаке всю землю, но ничего не обнаружили. Ничего не было найдено и на чердаке дома, принадлежавшего одному из родственников П. П. Маслова. Внезапно серьезно заболевший сын Маслова вынужден был вернуться в Москву еще до окончания поисков.

Может быть, кто-нибудь уже рылся на этих чердаках и утащил документы, которыми интересуется Институт Ленина?

Секретарь Уйского райкома Бессопов, расспрашивая не очень-то разговорчивых казаков-старообрядцев, узнал довольно много интересного и сообщил об этом институту. Оказывается, в казачьем поселке Масловке действительно находили нелегальную литературу, и не один раз. Листовки, брошюры, печатанные на гектографе (уж не «Друзья народа» ли?), и другие бумаги. Среди «других бумаг» могли быть, конечно, и письма Ленина. Первая находка, однако, была сделана не на чердаке. Двоюродный брат П. П. Маслова, Иван Александрович Маслов, нашел переписку с Лениным, когда ломал каменную стену во дворе своего дяди, Алексея Алексеевича, граничившую со двором Петра Павловича. Он передал письма отцу Александру Алексеевичу Маслову.

Но куда они девались и что в них было написано, выяснить в точности не удалось. А. А. Маслова уже не было в живых.

Во второй раз документы действительно нашли на чердаке, но опять-таки не в земле. Они были замурованы в доме отца П. П. Маслова, около трубы. То ли в семнадцатом, то ли в восемнадцатом году в этом доме был пожар: в трубе загорелась сажа. Пожар затушили, но воды вылили так много, что пришлось ремонтировать потолок. И во время ремонта около трубы и нашли шкатулку, а в ней свернутую трубкой рукопись. «Тот, кто нашел, помер,— говорилось в сообщении секретаря райкома,— куда он ее

девал, как следует неизвестно. Некоторые говорят, слышали, будто бы шкатулка зарыта в огороде»¹.

Эти сведения объясняли причину неудачи розысков.

Получив запрос директора института, заведующий Уралоблестпартом 2 декабря 1929 года подтвердил, что переписка не обнаружена, «несмотря на самый тщательный осмотр стен и раскопки в доме Маслова»².

Трудно установить источник появившихся в ИМЛ в 1937 году новых сведений о том, будто в Челябинской области опять были найдены ленинские документы. Об этом известно только из хранящейся в делах коротенькой записки, ссылающейся на устное сообщение директора института Савельева.

По просьбе института Челябинский обком партии снова занялся выяснением судьбы утраченной переписки. В 1939 году заведующий областным партархивом Гаврилов выехал в поселок Масловку, расспрашивал там многих жителей, и вот что ему удалось узнать.

Письма В. И. Лепина к П. П. Маслову были обнаружены впервые в поселке его двоюродным братом, Иваном Александровичем Масловым, еще в 1913 году, то есть в те годы, когда Владимир Ильич жил в эмиграции — в Галиции. Иван Александрович, кузнец колхоза «Искра», рассказал:

По просьбе своих родных в 1913 году он ломал каменную стену двора Алексея Алексеевича Маслова, дяди Петра Павловича, переписывавшегося с Лениным. И вот, когда ограда обрушилась на полметра, он увидел в камнях завернутый в черное сукно какой-то сверток. Там оказались бумаги.

«Написано на полных листах, почерк мелкий и неправильный, местами чернила расплылись»³. Однако, когда юноша передал сверток своему отцу, Александру Алексеевичу Маслову, тот сразу же разобрал, что это секретные бумаги Маслова Петра, и крепко-накрепко наказал сыну никому не говорить о находке. Отец даже не стал держать эти письма у себя дома, а отдал Павлу Федоровичу Буторину, человеку, по его мнению, надежному и толковому, так как он водил дружбу со студентами.

¹ Центральный партийный архив (ЦПА) ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 39.

² Там же.

³ Там же, л. 36.

приезжавшими в Масловку на побывку. Уж он-то умеет держать язык за зубами и должен знать, как с этими письмами поступать. Но Буторин тоже побоялся храпить эту переписку у себя и уговорил жителя другой деревни, Прокопия Петровича Полетаева, ставшего потом председателем кредитного товарищества в Заманиловке, взять эти бумаги. Однако и у Полетаева они пролежали недолго, а были переданы жителю той же Заманиловской волости А. М. Кружкову, человеку будто бы тоже грамотному и не новичку в политике.

Дальнейшей судьбой этих писем кузнец Маслов не интересовался. Отец его умер в 1932 году, а годом позже скончался и Буторин. Впрочем, от одного пожилого колхозника, Гурия Афанасьевича Бочкова, он слышал, что тот самый Кружков, который держал у себя секретные бумаги Маслова, в том числе переписку Ленина, оказался не тем, за кого его принимали. После революции он переклинулся к белым и был расстрелян. Значит, хранившаяся у Кружкова переписка вряд ли уцелела.

Но заведующий партархивом не ограничился беседой с кузнецом Масловым. Узнав, что в колхозе живет Лука Алексеевич Шестаков, бывший председатель ревкома в деревне Масловке, он захотел поговорить и с ним. Судя по хранящейся в делах института докладной записке Шестакова секретарю райкома партии, состоявшей всего из семи строк, разговор был не очень долгим.

О судьбе писем, найденных еще до революции, Шестаков, по-видимому, ничего не знал, но он уточнил сообщение секретаря райкома Бессонова. В Масловке, не в 1917—1918 годах, а в 1921-м, была найдена не одна рукопись, свернутая трубкой, а много бумаг и «вторые письма Ленина», в том самом доме отца П. П. Маслова, где потом не удалось ничего разыскать. И шкатулка с этими письмами вовсе не была зарыта на огороде, а письма якобы растащили и раскурили рабочие, ремонтировавшие после пожара потолок.

Шестаков подтвердил это письменно: «В 1920 или 1921 годах были найдены в доме Маслова Петра Павловича бумаги по случившемуся пожару, и все они пошли, как известно, на раскурку. По предположению Маслова, большинство писем было Владимира Ильича Ленина, в чем и расписуюсь. Л. Шестаков»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 32.

Итак, расспрашивая жителей поселка, удалось собрать новые сведения об утраченных письмах В. И. Ленина. Заведующий партархивом не упустил случая поговорить и с Прокопием Петровичем Полетаевым, бывшим жителем деревни Заманиловки, который передал первую партию бумаг Кружкову, ставшему позже белобандитом.

Полетаев подтвердил рассказ кузнеца Маслова. По его словам, письма эти действительно «были закладены в каменной стене» и «свернуты в свертки». Он даже запомнил, что «листы были разного размера, штук около сорока». Получив эти листы в феврале 1913 года, Полетаев, «придержал их месяца три и передал Кружкову». Подтвердил он и то, что на бумагах «была подпись П. Маслова и тов. Ленина»¹. Но на этом он закончил свой рассказ о первой находке и перевел разговор на другую тему. Оказывается, в 1926 году, когда Полетаев был членом сельсовета, «в потолке» дома Кузьмы Маслова, приходящегося Петру Маслову братом, нашли еще один сверток с письмами и Полетаев якобы передал их в Уйский комитет партии. Однако на вопрос, кому и когда отдал эти письма, он так и не ответил. О находке «в потолке» дома Кузьмы Маслова в Челябинском партархиве почему-то не было никаких сведений.

Заведующий партийным архивом Гаврилов захотел побеседовать и с Гурием Афанасьевичем Бочковым, от которого Полетаев узнал, что Кружков оказался белобандитом. Но старика уже не было в живых. Зато другой Бочков, Николай Кузьмич, пришедшийся умершему родней, рассказал представителю из Челябинска еще одну новость, о которой умолчали другие. Всего несколько лет назад, в 1935 году, по поручению правления колхоза он отремонтировал ветхий дом того самого Кузьмы Павловича Маслова, где девять лет назад нашли «в потолке» какие-то письма. Прежде чем ломать потолок, он стал выбрасывать с чердака насыпанную там землю, и вот в этой-то земле, возле самой трубы, обнаружил ящичек, завернутый в три слоя газет. В ящичке была спрятана «разная переписка жителя деревни Маслова Петра Павловича»². Николай Бочков отнес ящичек в правление колхоза и сказал о своей находке старшему брату, работнику райкома, Васи-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 31.

² Там же, л. 33.

люю Кузьмичу Бочкову. Тот отчитал его за то, что он не догадался сразу передать письма в райком. Николай тут же забрал эти письма и отдал брату, прикатившему за ними на машине секретаря райкома.

Василий Кузьмич Бочков дополнил рассказ брата существенными подробностями. В свертке было сорок — пятьдесят листов почтовой бумаги «отдельными листочками». Василий Бочков их внимательно просмотрел. Все они «были написаны в адрес Маслова П. П. в 1896—98 и 1906 годах», но разобраться в их содержании было нелегко.

«Я особо обратил внимание на одно письмо, писанное на полном листе бумаги размером 20×30 см, — рассказывал Василий Бочков. — Рукопись очень мелкая, похожая на рукопись В. И. Ленина. Подписи никакой не было, и понять мне в чтении было трудно, слова во многом заключались в точках и не русских словах. Но речь шла о росте рабочего класса, экономике царской России, о работе среди беднейшего крестьянства в деревне. Приводятся факты о рабочих стачках, крестьянских волнениях, о наличии у небольшой кучки помещиков земель, безземелье беднейшего крестьянства...»¹

Попробуем подвести некоторые итоги. Итак, принятое по просьбе ИМЛ Челябинским партархивом исследование обстоятельств, при которых была утрачена переписка В. И. Ленина с П. П. Масловым, дало осязаемые результаты. Выяснилось, что в казачьем поселке Масловке четыре раза находили письма В. И. Ленина. Однако каждый раз их след терялся. Удалось установить, что дважды находки передавались в райком партии. Заведующий областным партархивом навел там справки. Но узнал лишь, что бывший секретарь райкома Смирнов, которому Василий Кузьмич Бочков передал найденные в последний раз в Масловке письма, был арестован в 1937 году...

Присланные из Челябинска отчет областного партархива с приложенными к нему материалами — короткими «докладными» опрошенных жителей поселка — не были просто «подшиты к делу». Они были тщательно изучены институтом, и в них оказались существенные противоречия, внушавшие сомнение в правильности выводов, сделанных составителями отчета².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 34.

² ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 1, ед. хр. 243, л. 199—202.

Коротенькая докладная бывшего председателя ревкома Шестакова грешила многими недомолвками. Можно ли верить его заявлению, что найденные при ремонте потолка письма пошли на раскурку? Как председатель ревкома, Шестаков должен был позаботиться о сохранности адресованных Маслову писем Ленина. Он был хорошо знаком с П. П. Масловым. Узнав о последней находке писем Николаем Бочковым, именно Шестаков сообщил Маслову в Москву, что эти письма находятся в сельсовете. Но Николай утверждает, что передал находку в правление колхоза. Где же находились письма с самого начала: в правлении колхоза или в сельсовете?

Почему Шестаков умалчивает в своей докладной о письмах, найденных в Масловке в 1926 году и тогда же переданных члену сельсовета Полетаеву?

Небезупречным оказался и облик Прокопия Полетаева, через руки которого прошли две находки. Этот бывший прапорщик выдал в 1918 году ворвавшимся в Заманиловку белогвардейцам большевика Ивана Тарасовича Коровдина. Беляки увели его с собой и упрятали в челябинскую тюрьму. Коровдину все же удалось бежать, и он вступил в Красную гвардию. В 1919 году, когда Заманиловку освободили от белых, Коровдин заскочил в родную деревню и, разыскав Полетаева, наставил на него винтовку со словами: «Ты хотел, чтобы белые меня прикончили, а теперь я тебя самого расстреляю». Полетаев валялся у него в ногах и выпросил прощение¹.

Выясняя причины загадочного исчезновения всех найденных в Масловке ленинских писем, нельзя было не считаться с такими фактами.

Весной 1940 года институт снарядил на Урал новую экспедицию. Вместе с его представителем С. М. Петровым в Масловку вторично выехал сын академика П. П. Маслова, Павел Петрович Маслов.

На этот раз решили обследовать чердаки в домах многочисленных родственников Маслова, носивших ту же фамилию, в частности в доме его двоюродного брата Кузьмы Павловича, отличавшегося в свое время далеко не верноподданническими взглядами. Предположение оказалось правильным. Именно в его доме, в толстом слое земли на

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 67, л. 39.

чердаке, были найдены большая пачка революционных листовок и брошюр конца прошлого столетия и подлинные письма В. И. Ленина к П. П. Маслову, написанные как раз в то время, когда подготавливался второй выпуск «Друзей народа».

Возвращаясь к анализу книги Постникова, Ленин формулировал в этих письмах «самый важный», по его собственному определению, вывод о путях развития русского крестьянства: «буржуазность экономических отношений в крестьянстве» и наличие антагонистических классов в среде «общинного» крестьянства, притом таких классов, «которые только и свойственны капиталистической организации общественного хозяйства»¹.

Эти выводы Ленин по цензурным соображениям не мог высказать в статье для либеральной «Русской мысли», но они, несомненно, были выражены во втором выпуске «Друзей народа», распространявшемся, как известно, нелегально.

В одном из писем к Маслову Ленин пишет, что свою статью «О новых хозяйственных движениях в крестьянской жизни», отвергнутую «Русской мыслью», он намерен дополнить и несколько изменить и издать отдельной брошюрой². Не осталось ли это намерение Владимира Ильича несуществленным именно потому, что многое из того, о чем он хотел сказать в этой брошюре, вошло во второй выпуск «Друзей народа»? В том же письме к Маслову Ленин коснулся и вопроса о рынках — темы, которой он посвятил специальный реферат и которая, конечно, не могла быть обойдена во втором выпуске.

На этот раз представителю ИМЛ С. М. Петрову удалось обнаружить и другие письма В. И. Ленина к Маслову, очевидно именно те, которые были найдены Николаем Бочковым на чердаке около трубы и переданы в райком его братом. Они оказались не там, где их искали раньше, а в общем архиве райкома, в большом запечатанном конверте, среди многих писем, полученных Масловым от разных корреспондентов и первоначально тоже спрятанных им в одном из многочисленных тайников.

Весть о том, что наконец-то отыскалось несколько ленинских писем, всколыхнула поселок. Прощаясь с послан-

¹ Ленинский сборник XXXIII, стр. 17.

² См. там же, стр. 16.

цами института, жители Масловки обещали продолжать поиски ленинских рукописей. Спустя всего несколько месяцев после возвращения в Москву Павла Петровича Маслова пришло письмо с Урала от Ивана Александровича Маслова — того самого колхозного кузнеца, который еще юношей первым нашел в Масловке ленинские письма... Он писал, что два крепких старика: Лука Алексеевич Шестаков, тот, что когда-то был здесь председателем ревкома, и Кузьма Афанасьевич Бочков, отец уже знакомого нам Николая Бочкова, начали опять копать в самой Масловке «по плану Петра Павловича». На этот раз копали они не на чердаке жилого дома, а в том месте, где раньше стоял амбар. Под одним из его углов, по словам Петра Павловича, был тайничок для хранения нелегальщины. И старики не ошиблись. Лука Алексеевич Шестаков именно в этом месте открыл сверток в красной тряпке с какими-то бумагами. «Печатаны машиной, но все перетрухло, даже одного слова составить не представилось возможным, все перемешалось с землей»¹.

«...Печатаны машиной...»

По словам Павла Петровича Маслова, его отец, академик Петр Павлович Маслов, был твердо убежден, что старики наконец нашли именно тот экземпляр второго выпуска «Друзей народа», который был прислан ему Лениным.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 1, ед. хр. 243, л. 78.

РОЗЫСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Письмо кузнеца Ивана Александровича Маслова переслали в Институт марксизма-ленинизма. Там усомнились в том, что истлевшие до такой степени бумаги, «что даже ни одного слова не представилось возможным составить», именно и есть второй выпуск. П. П. Маслов ведь мог спрятать какую-нибудь другую «печатанную машиной» брошюру. Вот если бы старик, нашедший тряпку с бумагами, догадался прислать эти бумаги в Москву, в лаборатории института, возможно, сумели бы восстановить текст или по крайней мере прочесть его методом фотоанализа¹.

Приступая к подготовке четвертого издания Сочинений В. И. Ленина, в первый том которого должны были войти «Друзья народа», институт продолжал усиленно разыскивать утраченный выпуск. Вопрос о том, в каком направлении вести поиски, обсуждался в 1940 году на двух специальных совещаниях. В одном из них приняли участие старые большевики, хорошо знакомые со способами распространения нелегальной литературы; в другом — московские книговеды-букинисты, умевшие разыскивать редкие книги.

Опытный подпольщик М. Н. Лядов посоветовал тщательно просмотреть в фонде департамента полиции личные дела «второстепенных лиц», привлекавшихся к следствию

¹ Еще в середине прошлого века русский ученый Евгений Федорович Буринский прочел таким способом текст истлевших грамот, около пяти веков пролежавших в кремлевской земле в наполненном водой медном сосуде. А в наши дни с помощью люминесцентного анализа удается выявлять и «безнадежные» тексты.

за связь с издателем второго выпуска инженером Ганшиным и его помощниками братьями Масленниковыми. «В то время,— сказал он,— было много людей, участие которых в революционном движении выражалось только в том, что они прятали нелегальную литературу. Узнав их имена и адреса, можно набрести на след второго выпуска».

В первые годы после Октябрьской революции в государственных хранилища поступало много частных архивов. Описи их составлялись наспех, иногда неопытными библиотечными работниками, не знавшими, что в сборник статей, вырезанных из легальных журналов, часто под вымышленным названием влетались и нелегальные издания. Надо тщательно просмотреть такие сборники — а вдруг между страницами окажется второй выпуск? Петербургское издание «Друзей народа» напоминает по шрифту листовку «Царскому правительству», также написанную Лениным. М. П. Лядов подтвердил, что «Друзья народа» были величиной с обыкновенную тетрадь, по относительно цвета обложки он не был уверен. Она могла быть и красной, хотя все три выпуска ходили под названием «желтые тетрадки». Лядов напомнил участникам совещания, что в Москве первые подпольные листовки печатались на стеклографе в помещении библиотеки Высшего технического училища. Подпольную литературу часто прятали и библиотекари университета Шанявского. Это, конечно, не отражено в каталогах, но в библиотечном фонде кое-что могло сохраниться.

Н. Н. Вашков, со студенческой скамьи участник революционного движения, вспомнил, что во время допроса он видел в кабинете начальника московской охранки Зубатова большой книжный шкаф с нелегальной литературой. Разговор о коллекции Зубатова зашел и на собрании букинистов. Один из них рассказал, что у Зубатова было еще одно собрание редких подпольных изданий, хранившееся на квартире. «Коллекционер» революционной литературы, писавший в департамент полиции о Ленине, что «срезать эту голову с революционного тела было бы желательнее поскорее»¹, как известно, вскоре после Февральской революции застрелился и сын его тут же принялся распродавать книги отца. Хорошо бы выяснить, кто их приобрел, не было ли среди них второго выпуска?

¹ «Красный архив», 1934, № 1, стр. 138.

Книговеды вспомнили, что Румянцевской библиотеке в Москве было разрешено покупать нелегальщину для «особого фонда». Книги из этого фонда продавались «благонамеренным» читателям, чином не ниже генерала. Значит, в книжных собраниях таких сановников можно обнаружить второй выпуск. Далекие от революции библиофилы, собиратели книжных редкостей, приобретали иногда работы Ленина только потому, что они были причислены к редким изданиям. Нет ли и у кого-нибудь из этих книголюбов второго выпуска?

Заведующий партийным архивом института Г. А. Тихомирнов рассказал о розысках за границей. В том же самом берлинском социал-демократическом архиве, где в 1923 году был приобретен один неполный экземпляр «Друзей народа», Тихомирнову удалось в 1936 году достать еще такой же экземпляр, но с редакционными поправками на полях, сделанными самим Владимиром Ильичем.

Нет ли «Друзей народа» в амстердамском Институте социальной истории? Или в архиве Буида — еврейской социал-демократической организации, входившей раньше в состав РСДРП? Именно из этого архива, тоже находящегося за границей, были извлечены некоторые материалы V съезда партии и текст неопубликованной статьи В. И. Ленина «По поводу profession de foi», критиковавшей взгляды молодых «экономистов» из Киевского комитета партии. Статья эта была написана в конце 1899 или в начале 1900 года и распространялась только в списках вместе с сочиненной «экономистами» программой.

Институт располагал точными сведениями, что и в папках хранящегося в Париже архива антипартийной группы «Вперед» есть ленинские документы и ранние издания его произведений. Может быть, среди них и «желтенькие тетрадки»?

Советы участников совещания и сообщенные ими сведения пригодились, когда составляли специальное обращение о розыске второго выпуска «Друзей народа». Институт предлагал всем областным партийным архивам тщательно проверить старые дела второстепенных участников революционного движения, осужденных за хранение нелегальщины. Обращение напоминало и о внешних приметах разыскиваемого издания: толстая ученическая тетрадь, может быть, даже не одна, а несколько... В целях конспи-

рации брошюра могла быть вплетена в книгу под другим названием.

Спустя всего несколько лет подтвердилось, что второй выпуск может быть найден именно по этому признаку не только в Советском Союзе, но и за границей.

Весной 1947 года аспирант Академии общественных наук Н. С. Комаров, изучая заграничную переписку Истпарта за 1922—1923 годы, заинтересовался присланными из Берлина письмами Александра Сидоровича Шаповалова, старого большевика, встречавшегося с Лениным в сибирской ссылке и в эмиграции. Письма эти были написаны в те дни, когда Шаповалов уже после Октябрьской революции снова приехал за границу и побывал в помещавшемся в Берлине социал-демократическом архиве.

Перелистывая хранившуюся там книгу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Шаповалов обратил внимание на вшитую в середину тетрадь неизвестной ему ленинской работы под названием «Беседа по политической экономии». Аспирант Комаров считал, что это и был второй выпуск «Друзей народа».

Свое предположение он подкрепляет такими доводами. Когда Шаповалов смотрел в берлинском архиве «Друзей народа», он упустил из виду, что эта ленинская работа состоит из трех выпусков. Вот почему ему и не пришло в голову, что «Беседа по политической экономии» находилась там, где ей и следовало быть, то есть между первым и третьим выпусками.

Сам Шаповалов в письме, обнаруженном в архиве Истпарта, так объясняет свою ошибку:

«Первый раз я не имел возможности внимательно осмотреть брошюру «Беседа по политической экономии». В полтора часа времени я должен был осмотреть самое здание «Форвертса» и царский дневник и лишь в последние минуты, когда надо было уходить, д-р Вязьменский показал мне «Что такое «друзья народа»...» и «Беседу». Как в первый раз, так и во второй раз вторая брошюра почему-то Вязьменским была вложена в первую... Заголовок второй брошюры «Беседа по политической экономии» написан чернилами, и, очевидно, недавно и чужой рукой...»

По-видимому, хранитель архива меньшевик Вязьменский сознательно ввел в заблуждение Шаповалова, не

объяснив ему, что «Беседа по политической экономии» является вторым выпуском — такой вывод делает Н. С. Комаров.

Шановалов помог находившемуся тогда в Берлине Н. С. Ангарскому приобрести у Вязьменского первую и третью части «Друзей народа». Но Ангарский был убежден, что за границей есть и вторая. 26 ноября 1926 года он писал в институт: «Аксельрод утверждает, что Ленин привез в 1895 году за границу все три тетради работы «Что такое «друзья народа»...».

Неясно, однако, куда девалась «Беседа по политической экономии» спустя тринадцать лет. О работе под таким названием нет ни слова в письме Г. А. Тихомирнова, присланном в институт из Берлина в 1936 году. Тихомирнов сообщал в этом письме только о том, что ему удалось приобрести у другого хранителя того же архива, мельшевика Б. Николаевского, еще один экземпляр «Друзей народа» без второго выпуска.

Что помешало приобрести «Беседу»? Или этой части уже не было в архиве?

Посылая в Москву из Берлина первую часть «Друзей народа» с поправками Ленина, сделанными печатными буквами, очевидно, при подготовке текста к переизданию, Тихомирнов писал, что именно этот экземпляр Ленин привез за границу. Пометки Ленина имелись также к приложенной к третьему выпуску таблице.

«Замечательная поправка! — восхищался Тихомирнов исправлением, внесенным Лениным в характеристику упрямого противника марксизма Ю. Жуковского. — «Пошло-буржуазный господин» вместо «мелко-буржуазный». Владимир Ильич усилил отрицательные характеристики и других либеральных народников, в частности «героя» второго выпуска С. Южакова. О нем раньше было сказано, что он напутал «не меньше Михайловского». «Не меньше» превратилось теперь в «еще больше».

Ленин направлял внимание читателя, подчеркивая важнейшие места в своих работах одной или двумя чертами, выделяя некоторые слова и фразы разрядкой или курсивом. Но «Друзья народа» были напечатаны на гектографе, допускавшем только один способ выделения слов — заключение их в кавычки. Это придавало иногда слову противоположный смысл, искажало мысль автора. Все эти недостатки можно было теперь устранить. Институт рас-

полагал уже точным текстом двух частей «Друзей парода», исправленным самим Лениным.

В Париже Тихомирнов навел справки об архиве группы «Вперед», в котором могли быть ленинские документы. Он приобрел у владельца этого архива эмигранта Алексинского несколько книг и рукописей и выразил готовность купить весь архив, если Алексинский согласится его уступить. Но давно потерявший связь с родиной эмигрант предпочел продать этот архив Колумбийскому университету. ИМЛ, однако, договорился с университетом и получил уже от американцев часть материалов этого архива. Среди них было четыре ленинских документа.

Ни одного экземпляра «Друзей парода» не оказалось и в этом архиве. И все же есть основания предполагать, что второй выпуск «Друзей парода» может быть найден за границей, и даже не в одном экземпляре. Незадолго до начала второй мировой войны институт получил сведения, что второй выпуск можно приобрести у вдовы директора одного «частного розыскного бюро», организованного в Париже на средства царского департамента полиции для слежки за русскими революционерами. Архив бывшего директора бюро в то время так и не удалось осмотреть. Выяснилось, что он спрятан в каком-то тайнике в... гитлеровской Германии!

Второй выпуск все еще не найден. Не осталось в живых почти никого из тех, кто когда-то читал эту «желтенькую тетрадку». Но не становится меньше желающих познакомиться с полным текстом знаменитого произведения молодого Ленина, которое заканчивается пророческими словами о том, что русский рабочий, свалив абсолютизм, поведет массы *«прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОВЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»*¹.

«Друзьям парода» посвящено много работ советских историков, в частности и интересный труд источниковеда Е. П. Подъяпольской, попытавшейся проследить историю именно второго выпуска². Автор этого исследования

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 282.

² «Проблемы источниковедения», т. 4, 1955. «К истории нелегальных изданий книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

подала в институт марксизма-ленинизма докладную записку, в которой рассматривает вопрос, какие шансы на находку второго выпуска есть теперь, после того как советские архивные учреждения уже «в основном закончили разборку и описание фондов».

В 90-х годах прошлого столетия второй выпуск пользовался более широким спросом, чем, например, третий. Значит, он изнашивался быстрее? Но можно сделать и другой вывод: вероятно, по той же причине его текст чаще восстапавливался, переписывался или перепечатывался заново. «Друзья народа» распространялись не только в Петербурге и в Москве, но и во многих других городах, например во Владимире, в Вильно, Киеве, Пензе, Полтаве, Ростове-на-Дону, Томске и Чернигове. Эти сведения необходимо, однако, уточнить. Какие именно выпуски? И надо организовать тщательные поиски прежде всего в тех местах, где размножался как раз второй (например, в районе бывшей Черниговской губернии).

Исследовательница считает, что второй выпуск может быть обнаружен, если будут просмотрены все архивные документы, числящиеся в рубриках «Смесь», «Разное», «Россыпь».

Справедливое замечание! Именно в «россыпи», среди перазобранных дел, научным сотрудником Казанского государственного музея Е. Г. Башканец не так давно был найден неизвестный ленинский документ — заявление, поданное в 1887 году студентом Владимиром Ильичем Ульяновым ректору Казанского университета:

«...Не признавая возможным продолжать свое образование при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского университета». Почти шестьдесят лет пролежал этот автограф юного Ленина в забытой папке, не внесенной ни в одну архивную опись, среди заявлений других студентов, протестовавших против царящего в университете произвола.

Второй выпуск «Друзей народа» рано считать утерянным, вернее всего, он просто... не узан! Ведь брошюра была анонимной. И даже в 90-х годах прошлого столетия ее читатели не всегда знали, кем она написана. На это указывал, в частности, и меньшевик Ю. Мартов в своих «Записках социал-демократа».

«Я интересовался,— писал он,— личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, по-видимому, из группы «стариков». Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова»¹.

Е. П. Подъяпольская призывает внимательнее просматривать рукописи, первые листы которых могли быть оторваны, заменены другими, намеренно запутаны.

Именно так поступил молодой ленинградский источниковед Г. С. Жуиков. Зная, что Ленин передал все три выпуска «Друзей народа» Г. В. Плеханову во время встречи с ним в Швейцарии, Жуиков предпринял поиски в архиве Плеханова, хранящемся в Ленинграде. В папке с надписью «Неизвестные рукописи» он нашел какую-то отпечатанную на гектографе брошюру без первых листов. Это была последняя, третья часть «Друзей народа», найденная, таким образом, уже в четвертый раз.

Окрыленный этой находкой, источниковед в дни отпуска стал искать утраченный выпуск в других местах.

В Историческом архиве Московской области Жуикову удалось обнаружить среди вещественных доказательств, приобщенных к делу бывшего студента Московского университета Ляховского, еще один экземпляр третьей части «Друзей народа» (пятая находка третьей части!). Он был без обложки, без заглавия и без подписи, но зато полный — без единого пропуска! В том же архиве Жуиков просмотрел дело «О преступном кружке врача С. Мицкевича», того самого члена московской марксистской «шестерки», который был одним из первых читателей ленинской работы и хранил у себя некоторое время ее рукопись. Изучая это дело, Жуиков обратил внимание на интересную подробность: в протоколе осмотра вещественных доказательств, взятых при обыске у А. А. Ганшина, упоминается один напечатанный на машинке листок, вложенный между страницами третьего выпуска, привезенного им из Петербурга. В листке этом разбирались взгляды как раз того либерального народника С. Южакова, которого В. И. Ленин критиковал во втором выпуске. Причем Южаков в этой записи называется «другом народа» в кавычках, то есть так же, как и у Ленина.

¹ Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М. Изд. «Красная новь», 1924, стр. 240.

Сопоставив содержание листка с работами В. И. Ленина того периода и со статьями С. Южакова, Жуков делает вывод, что на обнаруженном им листке законспектировано содержание двух страниц утраченного второго выпуска. В пользу такого предположения говорит и то, что листок был изъят при обыске именно у А. А. Ганшина — одного из издателей этого выпуска — и по внешнему виду походит на московское издание, описанное в воспоминаниях Ганшина и А. И. Ульяновой-Елизаровой. Листок отпечатан на пишущей машинке «Ремингтон» — именно такая машинка была куплена Ганшиным в Москве — и размножен, видимо, на том самом mimeографе, который доставил Ганшину столько хлопот. В листке перечислены замечания, высказанные Лениным по поводу взглядов Южакова на вопрос о создании в России внутреннего рынка — а ведь этот вопрос и порождал ожесточенные споры между марксистами и пародниками! Найденный Жуковым документ изучался в Институте марксизма-ленинизма, и там пришли к выводу, что предположение исследователя нуждается в дополнительных доказательствах. Молодой преподаватель истории КПСС решил продолжить поиски. Недавно он нашел очень ценный документ в материалах Центрального государственного исторического архива в Москве — неизвестное письмо В. И. Ленина от 21 июля 1894 года, написанное как раз в тот период, когда он работал над вторым выпуском. В конспиративной форме Владимир Ильич упоминает, по-видимому, именно об этой своей работе.

Письмо неутомимый искатель обнаружил в деле «Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве», то есть московской охранки. Это была копия, снятая при перлюстрации сотрудником охранки.

Жандармский чиновник извлек письмо Ленина из конверта, посланного княжной Анпой Егоровной Кугушевой 25 июля 1894 года из Нижнего Новгорода в Швейцарию. Вместе со своим письмом она послала его Любови Федоровне Миловидовой, невесте Леонида Борисовича Красина, участника студенческого марксистского кружка, руководителем которого после приезда в Петербург стал Владимир Ильич.

В конце письма княжна Кугушева приписала:

«Да, Зинаида Павловна вам обоим шлет по поклону.

С ней часто вижу. Она больно хороший человек. Посылаю письмо по поручению У.». В скобках против имени «Зинаида Павловна» и буквы «У» тем же жандармским чиповником вставлены фамилии «Невзорова» и «Ульянов».

Зинаида Павловна Невзорова — петербургская курсистка, будущая жена другого участника марксистского кружка, Глеба Максимилиановича Кржижановского.

О чем же писал Владимир Ильич в письме?

«Получил экземпляр и засел. Дело в том, что вы бросили сие дело неоконченным. Когда взяли читать беловые тетрадки, оказалась куча ошибок (и чертежи, как я убедился, сильно путали). Наши общие знакомые отозвались по прочтении, что работа совсем плоха. Пришлось поэтому, как она мне нп чертовски надоела, сесть на пересмотр. В результате, из беловых тетрадок получились черновые.

Не пришлете ли мне Энгельса, с послесловием 1894 года. *Прислать можно также.* Адрес тот же примерно до 15 августа, а потом зимний»¹.

Под письмом, переписанном на пишущей машинке, стоит скопированная чернилами из подлинника подпись «Ульянов».

О каких же тетрадках говорится в письме, уж не о «желтеньких» ли?

Исследователь решил прежде всего выяснить, кто такая княжна Анна Егоровна Кугушева и где и когда Ленин с ней познакомился?

В биографических материалах о В. И. Ленине, приведенных в собрании его Сочинений, Жуйков не нашел никаких сведений о том, что Ленин посещал в 1894 году Нижний Новгород, где могла бы жить отправительница письма. Но эти сведения оказались в недавно вышедшем сборнике воспоминаний нижегородцев о В. И. Ленине. В статье Зинаиды Павловны Невзоровой источниковед прочел такие строчки:

«Не помню точно, в каком месяце, в конце ли мая, скорее в начале июня 1894 года приехал в Н. Новгород проездом из Питера... Владимир Ильич... Он захотел завязать сношения с нижегородской группой социал-демократов. Собрание для знакомства его с нашей организацией было

¹ «История СССР», 1961, № 2, стр. 125—126.

в комнате Анны Егоровны Кугушевой, бывшей слушательницы Надеждинских курсов в Питере»¹.

Княжна Кугушева училась, оказывается, на тех же жепских курсах, которые окончили Надежда Константиновна Крупская, З. П. Невзорова-Кржижановская и многие другие революционерки. Она была активной участницей социал-демократического движения, как и ее брат Егор Егорович Кугушев, студент того самого технологического института, где зародился руководимый Лениным марксистский кружок. В «обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи, по государственным преступлениям» сообщалось, что княжна Кугушева и ее братья не раз арестовывались и высылались «за социал-демократическую пропаганду среди рабочих». Из воспоминаний члена ленинского кружка Михаила Александровича Сильвина Жуиков узнал очень важную подробность. Один из братьев Кугушевых, именно Егор, был близко знаком с Лениным и принимал участие в издании первого выпуска «Друзей народа» в Петербурге². Именно Е. Е. Кугушеву Ленин послал потом из Сибири в подарок свой новый труд — «Развитие капитализма в России»³.

В письме не приведено название «экземпляра», за который «засел» Владимир Ильич, и не сказано, для какой цели его прислали. Очевидно, тетрадки были доставлены нелегально. На это указывают некоторые подчеркнутые Лениным в письме слова.

«Из текста явствует, — заключает Жуиков, — что, получив экземпляр своей работы, Ульянов вынужден был засесть за его правку, потому что отправители «бросили свое дело неоконченным»».

Жуиков считает, что Ленин исправлял все эти ошибки, подготавливая присланный ему экземпляр «Друзей народа» к переизданию за границей. Судя по тому, что в письме идет речь о приложенных к беловым тетрадкам чертежам, то есть о диаграммах, схемах, которые могли быть использованы для опровержения экономических расчетов народ-

¹ «Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине». Горький, 1960, стр. 75—76.

² М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Лепиздат, 1958, стр. 71.

³ «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 161.

ников, Владимир Ильич, по-видимому, занимался подготовкой к печати именно второго выпуска.

Предположение, что в письме идет речь о подготовке заграничного издания «Друзей народа», исследователь подкрепляет и таким доводом. В 1936 году Институт Ленина приобрел в берлинском социал-демократическом архиве неполный экземпляр этой работы с многочисленными редакционными поправками, сделанными Владимиром Ильичем. По мнению Г. С. Жуйкова, письмо подтверждает факт подготовки заграничного издания «Друзей народа» его единомышленниками, связанными разными нитями с петербургским кружком марксистов.

Находка источниковеда заслуживает серьезного внимания, хотя, анализируя содержание письма, он оставил открытым вопрос: кому же писал Ленин? Ведь из того факта, что письмо Владимира Ильича было вложено в конверт, адресованный Л. Ф. Миловидовой, еще не вытекает, что и это письмо предназначалось именно ей.

Автор специального исследования о «Друзьях народа» Е. П. Подъяпольская, ознакомившись с найденным Г. С. Жуйковым документом, обратила внимание на одну строчку в письме княжны Кутушевой к Миловидовой, посланном в одном конверте с ленинским письмом.

«...Да, Зинаида Павловна вам обоим шлет по поклону». Из этих слов следует, что по тому же адресу, куда было послано письмо Владимира Ильича, проживал еще кто-то, чье имя осталось невыясненным. С другой стороны, возможно, что именно Миловидова попыталась летом 1894 года нелегально переиздать второй выпуск, только не за границей, а в Нижнем Новгороде, но не довела дело до конца из-за отъезда в Швейцарию. Тогда становится понятен упрек Ленина — «вы бросили мне дело неоконченным».

В записке, поданной в Институт марксизма-ленинизма, Е. П. Подъяпольская напоминает еще о таком факте. В ночь с 8-го на 9 декабря 1895 года, когда был арестован В. И. Ленин, петербургские жандармы отвезли в так называемую «предварилку» еще двадцать восемь человек и обыскали сорок шесть квартир. Как видно из следственного дела, кое у кого были найдены брошюры революционного содержания, но «Друзей народа» среди них не было. Не говорит ли это о том, что работа Ленина была заблаговременно спрятана в какой-нибудь тайник? Спрятать ее мог Анатолий Ванеев, один из главных помощни-

ков Владимира Ильича по изданию «Друзей народа» и исполнитель многих его конспиративных поручений. Но Ванеев погиб в ссылке и, вероятно, унес с собой в могилу секрет этого тайника.

Переписка В. И. Ленина с А. А. Ванеевым считается утраченной. Долго ничего не было известно и о судьбе литературного наследия А. А. Ванеева. Однако осенью 1938 года в ИМЛ пришло письмо одного инженера Ярославского автозавода, проводившего свой отпуск в селе Бор, Горьковской области. Вот что он сообщил: зайдя в гости к своей знакомой, служащей местной аптеки, инженер увидел на стене прикрепленные кнопками фотокарточки. Одна из них сразу же привлекла его внимание. Это был портрет Карла Маркса с его автографом на немецком языке и пометкой: «Лондон, 1880 год». Инженер узнал, что снимок принадлежит девушке из этой же квартиры — Валентине Ванесовой. Снимок перешел к ней от матери, вдовы Анатолия Ванеева, умершей от тифа в первые годы революции. У этой же девушки хранились и некоторые письма Ванеева¹.

Много писем было найдено позже в Горьком у дочерей старой революционерки Нины Алексеевны Рукавишниковой, много лет дружившей с Ванеевым. В них он не раз упоминает о Владимире Ильиче, но по цензурным соображениям иногда прибегает к шифровке, пока еще полностью не раскрытой. Может быть, и эти письма, если разгадать все неясные места, помогут найти второй выпуск «Друзей народа».

Е. П. Подъяпольская называет одно сибирское книгохранилище — знаменитую красноярскую библиотеку купца Г. В. Юдина, в которой Ленин работал весной 1897 года в ожидании отправки в Шушенское.

Вряд ли сам Ленин мог передать какую-нибудь свою работу в эту библиотеку. «Некто Ульянов» получил разрешение заниматься в ней по ходатайству местного врача и общественного деятеля В. М. Крутовского. Но известно, что Юдин был страстным собирателем всех бесцензурных или запрещенных цензурой изданий и мог, конечно, раздобыть «желтенькие тетрадки» у кого-нибудь из ссыльных.

Книжное собрание, насчитывающее более 80 тысяч названий, было продано «на своз» в 1907 году библиотеке

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 1, ед. хр. 243, л. 10.

конгресса Соединенных Штатов, после того как царское правительство отказалось его купить «из-за недостатка средств». Желание Юдина, чтобы его библиотека была «приведена в надлежащий порядок и стала доступной для всякого интересующегося литературой и прогрессом России», осталось, по-видимому, невыполненным. Об этом ценнейшем книгохранилище молчит новый, «наиболее полный» путеводитель по архивам и рукописным коллекциям Соединенных Штатов Америки, вышедший в 1961 году.

Спустя несколько лет Юдин снова начал собирать книги, которые после Октябрьской революции были переданы Красноярскому музею. Сибирский винокур и золото-промышленник собирал, кроме того, и рукописи не только старины, но также и эпистолярное наследие современников из самых различных слоев населения. Огромная коллекция этих рукописей осталась в Красноярске и лишь сравнительно недавно была перевезена в Москву в Центральный государственный архив литературы и искусства.

«Справочные каталоги и картотеки, которые были при Юдине, не сохранились, — сообщает обследовавший эту коллекцию источниковед. — Качество инвентарных записей весьма неудовлетворительно, что значительно затрудняет пользование документами коллекции»¹. Из такого сообщения можно сделать вывод, что среди этих документов возможны всякие находки. Обнаружил же историк А. А. Преображенский именно в этой коллекции отчет инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, о состоянии некоторых школ в Симбирской губернии, написанный в марте 1871 г. Эта рукопись отца В. И. Ленина была передана в Институт марксизма-ленинизма.

¹ «Археографический ежегодник Академии наук», 1958. А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Госуд. архиве Красноярского края.

Шесть статей написал В. И. Ленин для «Рабочего дела». Разумеется, не для журнала «экономистов», носившего такое название, а для нелегальной газеты, намеченной к выпуску петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», но так и не увидевшей света. Статьи эти не были напечатаны. Только рукопись одной из них — «О чем думают наши министры?» — дошла до нас, и она включена в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. О содержании пяти остальных мы, к сожалению, можем судить лишь по косвенным свидетельствам¹.

Во втором томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина (издание пятое) рядом с заглавием статьи «О чем думают наши министры?» можно прочесть выразительное примечание: «Печатается по машинописной копии, сохранившейся в делах департамента полиции». Точных сведений о том, когда статья была написана, не сохранилось. Но известно, что это могло произойти не позднее 8 декабря 1895 года, так как в ночь с 8-го на 9-е статья была изъята при обыске. После этого она пролежала в полицейском архиве около тридцати лет.

Уже после Великой Октябрьской социалистической революции, за два дня до смерти Владимира Ильича, работник ЦК РКП(б) И. П. Товстуха неожиданно обнаружил копию этой статьи в архивном деле департамента полиции «О преступном сообществе социал-демократов в Петербурге». А через несколько дней, 27 января 1924 года, в день похорон Ленина, она была впервые напечатана. Статья появилась в обрамленном траурной рамкой номере газеты «Петроградская правда».

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 2, стр. 575, прим. 33.

В том же самом архиве еще раньше был найден пространный доклад департамента полиции по делу «О возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»¹. Как раз из этого доклада и видно, что статья «О чем думают наши министры?» была изъята в ночь на 9 декабря 1895 года, во время обыска у студента Петербургского технологического института Анатолия Александровича Ванеева. Вместе со статьей жандармы захватили пачку рукописей, предназначавшихся для первого номера подпольной газеты «Рабочее дело». Что же это была за статья?

На допросе жандармы, как и следовало ожидать, узнали от Ванеева немного. Он сообщил всего-навсего, что «найденные у него рукописи были принесены к нему для хранения за несколько дней до обыска в общем свертке одним лицом, которое он не желает назвать; он этого свертка не развортывал и потому не знает содержания рукописей»².

Следователю ничего не оставалось, как подвергнуть рукопись статьи «О чем думают наши министры?» экспертизе. В результате он пришел к заключению, что статья написана не Ванеевым, а другим студентом технологического института — Петром Кузьмичом Запорожцем, так же как и еще три из взятых у Ванеева статей.

Кто же на самом деле был автором статей, взятых у Ванеева?

Среди захваченных рукописей оказались три, написанные рукой помощника присяжного поверенного Владимира Ильича Ульянова. В одной из них излагалось содержание первого номера газеты «Рабочее дело» и сообщалось, что она будет выходить в неопределенные сроки, «не мере накопления материала». Другие две рассказывали о стачках ткачей в Ивапово-Вознесенске и рабочих фабрики механической обуви в Петербурге. Из доклада видно, что при аресте Ульянова у него тоже было изъято несколько рукописей, в том числе одна о ярославской стачке, написанная его рукой. Эта же статья имелась и у Ванеева, но была написана другим почерком. Следователь узнал руку привлеченного по тому же делу студента Петербургского университета Павла Романенко, размножавшего на миме-

¹ См. «Сборник материалов и статей». Редакция журн. «Исторический архив», 1921, вып. 1, стр. 93.

² См. там же, стр. 126.

ографе нелегальную литературу и хранившего у себя революционные издания.

На допросе по поводу найденных у него рукописей заключенный Ульянов сообщил не больше Ванеева. Они, мол, находились у него случайно, были взяты для прочтения у лица, имени которого он не помнит. Статью о ярославской стачке он переписал с рукописи, взятой у этого же лица и возвращенной автору. Относительно трех рукописей, найденных у Ванеева, Ульянов не отрицал, что они переписаны его рукой, но от дальнейших показаний уклонился. Отказался он также сообщить что-либо по поводу свертка, в котором, по словам следователя, они были обнаружены.

Из всех этих протокольных записей видно, что производившие допрос жандармские подполковники Клыков и Филатьев так и не сумели установить подлинных авторов конфискованных статей. На основании заключения экспертов они сделали вывод, что найденные у Ванеева статьи революционного содержания составлены студентом Петербургского технологического института Запорожцем, а помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов только «участвовал в составлении статей для подпольной газеты»¹. Каких именно статей, следователи уточнить не смогли.

Лишь много лет спустя, находясь уже в эмиграции, В. И. Ленин сообщил в своей знаменитой книге «Что делать?» некоторые сведения о не увидевшем света первом номере газеты «Рабочее дело» и обрисовал вкратце его содержание². Начав с передовицы, призывавшей русский рабочий класс сплотиться для завоевания политической свободы, он назвал еще «О чем думают наши министры?» и упомянул о ряде корреспонденций, не раскрывая, впрочем, имени их авторов. Это сделали позже в своих воспоминаниях Ю. О. Мартов и М. А. Сильвин. Указав, что значительное число статей было написано Лениным, они прямо назвали четыре: передовицу и статьи «О чем думают наши министры?», «Ярославская стачка 1895 года» и «Фридрих Энгельс».

Но в действительности статей было не четыре, а шесть. Еще две статьи Ленин написал о стачках в Иваново-Воз-

¹ «Сборник материалов и статей». Редакция журн. «Исторический архив», стр. 159.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 6, стр. 31—32.

несеенске и на петербургской фабрике механической обуви — те самые, которые были найдены при обыске у Ванеева и были написаны рукой Ленина.

Почему не все статьи Ленина были написаны его почерком? Это объяснил М. А. Сильвин. Оказывается, за несколько дней до ареста Запорожец убедил Владимира Ильича не отдавать в типографию статьи, написанные характерным ленинским почерком, и сам переписал некоторые из них.

Почему из этих шести статей в департаменте полиции сохранилась только одна — «О чем думают наши министры?»? Логически в качестве вещественных доказательств к следственному делу должны были быть приобщены и другие. Не были ли они уничтожены ввиду переполнения архива? Ответ на этот вопрос до сих пор не получен.

Правда, утрата пяти статей Ленина отчасти восполняется тем, что в полицейском докладе, найденном в том же архиве, приводится содержание некоторых из них, и прежде всего той, судьбу которой почти угадал сам Ленин.

В своей работе «Что делать?», напоминая о судьбе первого номера «Рабочего дела», Ленин высказал прозорливое предположение, что редакция какого-нибудь исторического журнала, вроде «Русской старины», лет через тридцать извлечет передовицу этого номера из архива департамента полиции¹. Это предположение Владимира Ильича сбылось даже раньше названного им срока.

С того времени, когда оно было высказано, прошло не тридцать, а на восемь лет меньше, и написанная Лениным передовая действительно была найдена. К сожалению, ее обнаружили не в подлиннике, а в пересказе жандармского чиновника. Но так как последний в силу своего служебного положения старался подчеркнуть как раз ее революционную суть, мы все же получаем из этого казенного документа какое-то представление о содержании ленинского произведения.

Во вступительной статье газеты «К русским рабочим», сообщает автор доклада, «излагается, что богатство капиталистов создается рабочими, на долю которых достается лишь каторжный труд и бедность. Для того, чтобы изменить такое положение, рабочие должны соединиться и начать соединенною силою борьбу с капиталистами

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 6, стр. 32.

и с правительством, которое всегда является врагом рабочих,— правительство в борьбе рабочих с фабрикантом поступает с рабочим, как с преступником, направляет на него войско и полицию, сажает в тюрьму за стачки, лишает его права собраний и сходов для обсуждения своих нужд и преследует даже за знакомство с образованными людьми и чтение книжек»¹.

Заключительная часть ленинской статьи в докладе приводится дословно: «Итак, борьба с фабрикантом за человеческие условия жизни, борьба с произволом и всевластием правительства; рабочие, соединяйтесь и боритесь дружно и стойко за великое дело!»²

Из того же доклада мы узнаем о содержании и другой статьи Владимира Ильича — «Ярославская стачка 1895 года». Статья попала в руки жандармам сразу в двух экземплярах. Подлинник, написанный рукой Ленина, был отобраб при обыске у самого ее автора; копию, переписанную студентом Ромащенко для сдачи в набор, изъяли у Вансеева. В полицейском докладе подчеркивается важная мысль — напоминание Ленина, что ярославская стачка была прекращена силой оружия, что сам царь наложил одобрительную резолюцию на докладе о действиях войск и вынес благодарность их начальнику за умелое и своевременное употребление оружия.

Содержание статьи-некролога, посвященной памяти Энгельса, также обнаруженной у Вансеева, передано в жандармском изложении менее подробно. Докладчик сообщает лишь, что эта статья напоминает об Энгельсе, как о великом учителе социалистов, стоявшем, между прочим, и за интересы русских рабочих, которые должны почтить его память, следуя его призыву: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Статья Ленина о Фридрихе Энгельсе для «Рабочего дела» утрачена, но осенью того же 1895 года Ленин написал и опубликовал другую статью-некролог в женевском сборнике «Работник»³. Статья открывается эпитафией из стихотворения Некрасова «Памяти Добролюбова»:

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

¹ «Сборник материалов и статей». Редакция журнала «Исторический архив», стр. 125.

² Там же.

³ См. «Работник», 1896, № 1—2, стр. 69.

Вполне вероятно (такое предположение родилось в Институте марксизма-ленинизма при подготовке к печати Сочинений В. И. Ленина), что утраченная статья была сокращенным вариантом статьи, напечатанной позже в «Работнике». Эта догадка подтверждается и тем, что как раз в этот период Ленин делился с редакцией «Работника» материалами, предназначенными для «Рабочего дела»¹.

Остается проследить еще судьбу двух из шести статей — о стачках в Иваново-Вознесенске и на фабрике механической обуви.

Ивановский городской судья С. Шестерпин, связанный с петербургским «Союзом борьбы», вспоминал впоследствии, что составленный им отчет о стачке ткачей на фабрике Иваново-Вознесенской мануфактуры был отправлен Лениным за границу и напечатан в первом номере женевского «Работника». А в «Рабочем деле» отчет не появился только потому, что весь подготовленный для этой газеты материал был захвачен жандармами.

В двух письмах, посланных Лениным в ноябре 1895 года одному из редакторов «Работника», Л. Б. Аксельроду, Владимир Ильич сообщил о высылке статей для сборника и предлагал материал о пяти стачках, поясняя при этом: «Предполагаем издавать газету, куда и пойдет материал»². Некоторые материалы, посланные Лениным, были использованы в «Работнике» при составлении обзоров о внутреннем положении в России. Именно такое применение могли найти статьи о стачках ткачей в Иваново-Вознесенске и петербургских обувщиков.

Но еще не утрачена окончательно надежда на восстановление полного текста этих ленинских статей. Из воспоминаний Н. К. Крупской известно, что департамент полиции был не единственным их обладателем³.

Надежда Константиновна присутствовала на последнем редакционном совещании, когда Ленин, по словам Сильвина, читал вслух все статьи, подготовленные для первого номера, прежде чем передать их Ванею. Совещание происходило на квартире у Надежды Константиновны, и вторые экземпляры всех статей были переданы ей, так как

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. 1, стр. 463.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 34, стр. 3.

³ См. «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1. Госполитиздат, 1956, стр. 79.

в то время за Н. К. Крупской еще не было замечено никакой слежки. На следующее утро она зашла к Ванееву, жившему на улице Первая рота Измайловского полка. «Съехал с квартиры», — огорошила ее горничная. В тот же день она узнала об аресте Владимира Ильича и еще многих членов марксистского кружка. Надежда Константиновна спрятала тогда хранившиеся у нее экземпляры статей у своей школьной подруги Нины Александровны Герд, будущей жены Струве.

О судьбе этого второго экземпляра газеты «Рабочее дело» нет больше никаких сведений. Крупская вскоре уехала из Петербурга в связи с подготовкой V съезда партии, а по возвращении домой и сама была арестована. Нина Александровна Герд стала социал-демократкой, но впоследствии отошла от партии, так же как и ее муж, начавший, по характеристике В. И. Ленина, с «критики Маркса» и докатившийся в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма¹.

Таким образом, судьба второго комплекта статей для газеты «Рабочее дело» остается невыясненной. Но нет достоверных сведений и об их уничтожении. На возможность их гибели все же указывает одна фраза в воспоминаниях Надежды Константиновны: «Чтобы не всадить еще больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать»².

Вернемся, однако, к единственной из шести утраченных статей В. И. Ленина, текст которой дошел до нас полностью.

Находка этого произведения Владимира Ильича была большой удачей. Собирателей литературного наследства Ленина она навела на след еще одной статьи, по всей вероятности написанной им же.

В статье «О чем думают наши министры?» говорится о секретном письме министра внутренних дел Дурново к фактическому главе правительства Александра III обер-прокурору синода пресловутому Победоносцеву. Старательный проводник реакционной политики высказывает свою тревогу по поводу проникновения в число лекторов воскресных школ «лиц прямо революционной среды». Дурново подозревал в этом одну из форм легальной борьбы

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 24, стр. 330.

² «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1, стр. 79.

«с существующим в России государственным порядком» и настаивал на тщательной проверке преподавательского состава воскресных школ.

Приведя обширные цитаты из циничного письма царского сатрапа, Ленин едко высмеял его автора, подметив, что министр «смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру».

«Министр уверен,— подтрунивал Владимир Ильич,— что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство»¹. И тут же Ленин добавлял, что в этом редком случае он вполне и безусловно согласен со взглядами его высокопревосходительства.

В том же 1895 году, когда была написана эта статья, построенная на фактах, взятых из «совершенно доверительного» письма царского министра, в Берлине в центральном органе германской социал-демократической партии — «Форвертс» появилась другая статья на эту же тему, озаглавленная «Секретное письмо господина Дурново Победоносцеву». Автор статьи, напечатанной без подписи, приводил в ней те же цитаты из скандального письма Дурново, которые были использованы Лениным.

Не была ли и эта статья написана Владимиром Ильичем? Ведь именно в 1895 году, незадолго до ареста, он ездил через Германию в Швейцарию для переговоров с Плехановым и при этом дважды останавливался в Берлине и встречался там с германскими социал-демократами. На обратном пути он даже виделся с редактором «Форвертс» Вильгельмом Либкнехтом. Это подтверждается содержанием рекомендательного письма к Либкнехту, написанного Плехановым.

«Мой дорогой друг! — писал Плеханов. — Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию, вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлоттенбурга никому не было известно. Он расскажет Вам об одном, очень важном, для нас деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее. Он сообщит Вам также новости о нас. Приветствую Вас и г-жу Либкнехт.

Преданный Вам Г. Плеханов»².

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 2, стр. 78.

² «Воинствующий материалист», кн. 4, 1925, стр. 213.

Статья «Секретное письмо господина Дурново к Победоносцеву» появилась в газете «Форвертс» 15 сентября 1895 года¹.

В ранних изданиях Института Ленина и в других источниках, давно ставших библиографической редкостью, можно найти интересные сведения о том, каким образом были установлены даты вторичного посещения Лениным германской столицы. Эти сведения подтвердили предположения источниковедов, что напечатанная в «Форвертс» статья могла быть написана Лениным.

В 1926 году, чтобы прояснить ряд вопросов, связанных с пребыванием В. И. Ленина в Германии, и в частности для установления автора упомянутой статьи, в Берлин выехали по поручению института два научных работника. Прежде всего они направились в берлинский полицей-президиум, надеясь в его архиве найти какие-нибудь сведения о времени и месте прописки приезжавшего тридцать лет назад из Петербурга помощника присяжного поверенного Владимира Ильича Ульянова². Узнав, что это подлинная фамилия недавно умершего руководителя Советского государства, чиновники полицей-президиума с большим вниманием отнеслись к просьбе посетителей.

Посланцы института вместе с заведующим отделом прописки иностранцев дважды тщательно пересмотрели регистрационные карточки всех приезжих из других стран, фамилии которых начинались с буквы «У». На двух листках удалось обнаружить фамилию Ульянова. Одного из них звали Вольдемар! Уж не переделал ли Владимир Ильич из конспиративных соображений своё имя на немецкий лад? Однако даже тех кратких сведений, которые обычно приводятся в такого рода карточках, оказалось достаточно, чтобы убедиться: оба Ульянова только однофамильцы Владимира Ильича. Ни по возрасту, ни по месту рождения, ни по времени пребывания в Берлине ни один из них не мог быть Лениным.

Служащий архива любезно разъяснил, что сведения об иностранцах, приезжающих в Берлин, хранятся в полицей-президиуме не больше десяти лет, если прописка не возобновлялась до истечения этого срока. Значит, нельзя рассчитывать на то, что карточка господина Ульянова, по-

¹ См. «Летописи марксизма», т. 1, 1926, стр. 88.

² См. «Записки Института Ленина», 1, М., 1927, стр. 171.

сетившего Берлин тридцать лет назад, не была уничтожена. А может быть, сообщение о его прописке вообще не поступало в полицейский-президиум. Если он жил в Берлине недолго, отметка могла быть сделана только в книге полицейского участка по месту жительства.

Научные работники из Москвы не располагали сведениями о том, в каком районе Берлина останавливался Владимир Ильич. Они могли лишь предполагать, что это был рабочий район. Узнав, что в Берлине живут три ветерана рабочего движения, встречавшиеся в 1895 году с Лениным, представители института направились к ним. Берлинского адреса Ленина ни один из этих стариков не мог вспомнить.

Оставался еще один путь: попытаться узнать адрес в Берлинской государственной библиотеке, где Ленин, по его собственным словам, занесенным в протокол после его ареста, занимался «по предметам своей специальности»¹. Посещавший во время этой заграничной поездки также и Парижскую библиотеку, Владимир Ильич считал нужным подчеркнуть, что в берлинской он бывал особенно часто. В библиотеке же, как известно, при получении входного билета каждый читатель обязан сообщать свой адрес.

В Прусской государственной библиотеке, носившей раньше название королевской, приезжих из Москвы прежде всего спросили: пользовался ли господин Ульянов книгами в читальном зале или брал их домой?

Вопрос этот застал москвичей врасплох. В документах, которыми располагал институт, не было никаких сведений, что Владимир Ильич брал книги домой, но такая возможность не исключалась. Зная, что царская полиция имеет свои щупальца за границей, он мог избегать посещения публичных мест. Во время этого разговора выяснилось, что в прошлом столетии выдаваемые читателям книги записывались не на их именных карточках, а заносились в регистрационный журнал по фамилиям авторов. Для выяснения вопросов, когда стал читателем библиотеки абонент Ульянов и какие книги он брал, надо было проделать кропотливейшую работу: просмотреть регистрационные журналы за 1895 год на все буквы алфавита!

В журнале выдачи книг на дом 19 августа 1895 года под № 220 был записан абонент: «др. В. фон Ульянин».

¹ «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 111.

Здесь же была вписана и фамилия его поручителя, оказавшегося известным социал-демократом приват-доцентом Берлинского университета Лео Аронсом, часто оказывавшим услуги приезжавшим в Берлин русским революционерам.

Тщательно выписав названия всех книг, прочитанных в Берлине доктором фон Ульяниным, представители института вскоре пришли к неутешительному выводу: Владимир Ильич не мог интересоваться одними лишь научными трудами по физике и математике. Из общественно-политической литературы доктор фон Ульянин читал только либеральный журнал «Русский вестник». Сличение подписи абонента в регистрационном журнале с почерком Владимира Ильича окончательно убедило, что это был не Ленин. Впоследствии, по возвращении на родину, исследователи смогли установить, что молодой русский ученый Всеволод Александрович Ульянин вскоре после окончания университета в 1895 году действительно выезжал за границу для углубления своих знаний в области физико-математических наук. Любопытно, что потом он стал профессором физико-математического факультета в том самом Казанском университете, где учился В. И. Ленин.

Пришлось внимательно просмотреть еще несколько томов регистрационных книг за тот же 1895 год. И тут москвичам удалось наконец набрести на то, что они искали, ради чего они предприняли эту поездку за границу.

В одном из журналов осенне-зимнего семестра на первой же странице под № 11 был записан присяжный поверенный Владимир Ульянов, проживавший на Фленсбургерштрассе, в доме № 12. Эта запись была подтверждена подписью читателя, не внушавшей ни малейшего сомнения насчет ее принадлежности руке Владимира Ильича. Теперь уже нетрудно было установить, какие книги он читал и как долго посещал библиотеку.

За время с 15 августа до середины сентября В. И. Ленин прочел в берлинской библиотеке одиннадцать книг, вышедших главным образом в 60-х годах прошлого столетия и касавшихся различных вопросов экономического развития и революционного движения в России. Эти книги нельзя было достать в русских библиотеках.

Приезжие, конечно, сразу же направились на Фленсбургерштрассе — ничем не примечательную улицу в районе Моабит, где они и разыскали рядом с вокзалом над-

земной железной дороги «Бельвию» типичный многоэтажный доходный дом. В этом доме жил Ленин в Берлине перед своим возвращением на родину. Найти дом было нетрудно, так как номер его не изменился. Переменялись — и не один раз — только его владельцы и жильцы.

Из библиотечных записей вытекало, что Ленин при втором посещении Берлина в 1895 году прожил там больше месяца и, во всяком случае, находился в этом городе с 15 августа до середины сентября. Анонимная же статья «Секретное письмо господина Дурново к Победоносцеву», близкая по содержанию к статье «О чем думают наши министры?», была напечатана в «Форвертс» 15 сентября¹.

При сличении опубликованных в этой газете цитат из письма Дурново с цитатами, приведенными в статье «О чем думают наши министры?», выяснилась важная подробность. Автор статьи для «Рабочего дела», то есть Ленин, видимо, располагал не только цитатами из секретного письма министра, но и его полным текстом. Очевидно, Владимир Ильич получил этот текст из России еще во время своего пребывания в Берлине. Используя письмо для статьи в «Форвертс», Ленин переслал его также П. Б. Аксельроду для готовившегося к изданию сборника «Работник».

Это подтверждает сам Аксельрод, писавший в своих воспоминаниях: «Еще из Берлина, куда он уехал из Швейцарии, Ульянов прислал мне различные материалы и рукописи, представлявшие для меня большой интерес»². Благодаря помощи Ленина уже в первом номере «Работника» (№ 1—2) смогла появиться обзорная статья Д. Кольцова «Царское правительство и рабочие», в которой наряду с другими материалами было еще раз использовано письмо Дурново.

Ряд особенностей появившейся в «Форвертс» статьи также заставляет предполагать, что она написана В. И. Лениным.

И наконец, на это указывает еще одно важное совпадение. Автор статьи в «Форвертс» касается, между прочим, и вопроса о легализации деятельности русских социал-демократов, говоря: «...С каждым успехом хозяйственного развития русские министры будут становиться все

¹ См. «Летописи марксизма», т. 1, стр. 88.

² «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 1: Изд. Р. М. Плехановой, М., 1925, стр. 275.

более беспомощными перед «революционной борьбой на легальной почве»¹.

В статье «О чем думают наши министры?» этот вопрос не был затронут, но позже, находясь уже в ссылке, Ленин развивал ту же мысль в статье «Насущный вопрос», написанной для центрального органа партии — «Рабочей газеты» (но не увидевшей света из-за того, что издание газеты не было возобновлено). Текст этой статьи, переписанный неизвестной рукой, не сохранился полностью — не хватает половины пятого листа, — но уцелела как раз та часть, где Ленин вспоминает совет «Форвертс» частично легализовать революционную деятельность, не пренебрегая возможностями вести ее в законных рамках, и находит этот совет заслуживающим серьезного внимания².

Ездившие в Берлин в 1926 году научные работники посетили и редакцию «Форвертс». Но в архиве ее не сохранилось никаких данных об авторе статьи, анонимно напечатанной в этой газете 15 сентября 1895 года.

«В распоряжении Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС нет других, более веских аргументов, подтверждающих принадлежность статьи В. И. Ленину, поскольку отсутствует архив газеты «Форвертс», — говорится во втором томе (стр. 567) последнего, пятого издания Сочинений В. И. Ленина.

Эти другие, более веские аргументы теперь уже вряд ли могут быть найдены. Ведь в период, предшествовавший второй мировой войне, социал-демократическая партия Германии, как известно, была запрещена вслед за коммунистической и значительная часть ее имущества, в том числе, конечно, и многие архивы, была утрачена навсегда.

¹ «Летописи марксизма», т. 1, стр. 88.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 4, стр. 197.

ЧЬИ ЛИСТОВКИ!

Первую листовку, выпущенную осенью 1894 года в Петербурге по поводу волнений на Семянниковском заводе, конечно, написал Ленин. Ведь именно он настойчиво внушал участникам петербургских марксистских кружков, что пора переходить от слов к делу, от пропаганды к агитации и применению на практике идей марксизма.

Волнения на Семянниковском заводе были подходящим поводом для выпуска агитационного листка. Задержки в выплате зарплаты происходили здесь часто и давно уже вызывали негодование рабочих. Но на этот раз получку задержали накануне рождественских праздников. До позднего вечера толпились рабочие около завода, дожидаясь артельщиков с деньгами. А те все не появлялись. Возбуждение нарастало. В окна заводской конторы полетели камни. Потом стали бить фонари и стекла в корпусах. Метким ударом подбили железного двуглавого орла на воротах. Рабочие разгромили и опустылевшую им заводскую лавку, где часто навязывали залежавшийся, негодный товар. Перепуганная дирекция вызвала полицию, казаков и даже пожарную часть из Шлиссельбурга. В воздухе засвистели нагайки. В двадцатиградусный мороз пожарные обливали толпу из шлангов ледяной водой. Но рабочие не расхотелись, и градоначальник в конце концов распорядился выплатить зарплату. Банки были уже закрыты. Все же деньги выдали по требованию жандармского офицера, и выплата длилась до поздней ночи.

На занятиях вечернего кружка за Нарвской заставой, посещавшихся и семянниковцами, было много разговоров о происшедшем. Новый лектор на очередном занятии не только отвечал на вопросы слушателей, но и задавал мно-

го вопросов сам. Это был Владимир Ильич. Он хотел до мельчайших подробностей знать, как развивались события. Очень ценные сведения сообщил их очевидец — рабочий этого завода Иван Бабушкин, на квартире которого собирались кружковцы. Ленин тут же написал воззвание, разъяснявшее значение достигнутого успеха и призывавшее продолжать борьбу. Воззвание надо было быстро размножить, и он надеялся это сделать с помощью студента-технолога Петра Запорожца, также занимавшегося с семинариками. Но напечатать листовку на гектографе все же не удалось. При тогдашнем уровне техники на это ушло бы слишком много времени. Поэтому Владимир Ильич вместе с «Василием Федоровичем» — так кружковцы называли Запорожца — написал четыре экземпляра от руки печатными буквами. Разбросать их по заводу взялся Бабушкин. Вскоре стало известно, что два листка сразу же подобрали сторожа и, вероятно, уничтожили или отнесли в контору. И только два попали к тем, кому они были адресованы, и оживленно обсуждались рабочими.

По словам одного современника этих событий, в то время начал складываться обычай: если листовка нравилась рабочим, они посылали ее со сторожем к директору — здесь, мол, все сказано, чего мы хотели. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» усвоил даже привычку посылать свои листовки по почте фабричным инспекторам, а иногда и министрам. Возможно, что благодаря этому некоторые из листовок сохранились в полицейских архивах и дожили до наших дней.

Но как выяснилось впоследствии, рукописная листовка к семинарикам не была даже занесена в список прокламаций петербургского «Союза борьбы», приложенный царским министром юстиции Муравьевым к докладу о деятельности революционных организаций¹. Все четыре экземпляра, написанные Лениным от руки печатными буквами, по-видимому, утрачены. Нет никаких сведений и о судьбе подлинника или снятой с него копии, пересланной Владимиром Ильичем Запорожцу, чтобы размножить на гектографе.

Единственный человек, который мог бы дать ценные сведения о судьбе утраченного подлинника, — сам Запорожец — не успел сделать по этому вопросу никаких разъяс-

¹ «Записки Института Ленина», кн. 2, стр. 149.

нений. Арестованный и осужденный вскоре по делу «Союза борьбы», он не перенес выпавших на его долю испытаний. Заболев психическим расстройством во время долгого одиночного заключения, он умер, не оставив никаких воспоминаний.

История выпуска листовки к рабочим Семянниковского завода очень интересовала составителей научной биографии В. И. Ленина. Ведь это было первое обращение к массам руководимой им петербургской социал-демократической организации. Была ли эта листовка выпущена действительно уже в конце 1894 года, или это произошло во второй половине 1895 года? Последнюю дату назвал меньшевик Мартов. Можно ли считать авторство Ленина доказанным? По этим вопросам высказывались разные мнения.

О том, что листовка к семянниковцам была написана именно Лениным, стало впервые известно через двадцать три года после ее появления. 26 мая 1917 года большевистская «Солдатская правда» напечатала статью Н. К. Крупской «Страничка из истории партии», в которой говорилось:

«Было это в 1894 году... о социал-демократических газетах не было и помину в то время. Решено было выпустить листок. Написал этот листок Ленин, обсудили и исправили его сообща в рабочем кружке и распространили на Семянниковском заводе».

Кроме Надежды Константиновны об авторстве Владимира Ильича писали и другие товарищи, например Михаил Сильвин¹ и Гришин².

Почти через два десятка лет после смерти Бабушкина, когда уже и Ленина не было в живых, неожиданно выяснились новые факты, озадачившие некоторых исследователей ленинского литературного наследства.

В 1925 году вместе с женевским архивом партии в Москву был доставлен и архив старой «Искры». Среди бумаг архива были обнаружены нигде не опубликованные воспоминания И. В. Бабушкина, написанные для «Искры» при следующих обстоятельствах³.

В начале сентября 1902 года, когда Ленин, находясь в

¹ «Каторга и ссылка», 1934, № 1, стр. 95.

² Сборник «О Ленине», вып. III. М., 1925, стр. 21.

³ И. В. Бабушкин. Воспоминания. Л. «Прибой», 1925, стр. 3.

эмиграции, переехал вместе с редакцией «Искры» из Мюнхена в Лондон, в его крохотную квартирку на Роджерс-стрит пришел человек довольно странного вида. Волосы посетителя были малинового цвета, какие встречаются разве только у клоунов. Появление такого гостя, уже одной своей внешностью привлекавшего к себе внимание, вряд ли могло быть приятно скрывавшимся в Лондоне эмигрантам. Но Ульяновы ему искренне обрадовались. Владимир Ильич сразу узнал в этом «клоуне» Ивана Васильевича Бабушкина, своего бывшего ученика по рабочему кружку за Нарвской заставой.

Теперь это был опытный революционер, пропедший суровую школу подпольной работы, тюрем и ссылок. Отличный пропагандист и агитатор, Бабушкин успешно работал на юге России, на Дальнем Востоке и под Москвой — в Орехово-Зуеве. После очередного ареста Бабушкин сумел перепилить толстые прутья тюремной решетки припрятанными в сапоге маленькими пилками. Принимавшие участие в подготовке побега гимназисты помогли выкрасить волосы какой-то краской, неожиданно изменившей свой цвет... К счастью, это произошло уже после перехода границы.

Бабушкин сообщил Владимиру Ильичу о своем намерении вернуться на родину. Прежде чем дать ему новое партийное поручение, Ленин уговорил Бабушкина написать воспоминания о своей революционной работе, о том, как он стал приверженцем «Искры». В этих своих воспоминаниях без названия — вместо заглавия поставлены три звездочки — Бабушкин рассказал и историю выпуска листовки к рабочим Семянниковского завода. Но он почему-то ни одним словом не упомянул о том, кем был составлен этот листок. Совпадая в некоторых деталях с сообщением Надежды Константиновны, рассказ Бабушкина в то же время заметно от него отличается. В этом рассказе говорится уже не о четырех экземплярах листовки, а об «очень большом листке», оттиснутом гектографическим способом и сшитом в маленькие тетради.

Бабушкин подробно описывает, как он «разнес часть брошюрок по ретирадам, остальные рассовал как мог: где сунул в разбитое стекло в мастерскую, где в дверь, где в котел, где на паровозную раму. Словом, старался, чтобы они попали по всем мастерским. На другой стороне завода точно так же все было выполнено, местами клали в ящики

с инструментами, за вальцы, где часто сидят рабочие, и т. д.»¹.

Из этого описания видно, что листовки были отпечатаны в значительном количестве, и уж во всяком случае больше, чем в четырех экземплярах. Но Владимир Ильич, несомненно, читал эти воспоминания Бабушкина, написанные по его заказу, так же как читал позже и статью Крупской. Почему же он не внес в статью Бабушкина никаких исправлений? Больше того, когда эти воспоминания были впервые опубликованы в 1925 году ленинградским издательством «Прибой», составители приложили к нему краткую биографическую справку о Бабушкине, в которой прямо называли его автором обращения к семяниковцам.

Но если листовка к семяниковцам получила такое широкое распространение, почему же ни один экземпляр ее не сохранился? Вызывали недоумение и некоторые факты, приведенные Н. К. Крупской в 1917 году в «Страничке из истории партии». Надежда Константиновна утверждала, что листок «отгектографировали в 4-х экземплярах»², а в других, появившихся позже воспоминаниях — что он был переписан Лениным от руки³. Это подтверждал и Сильвин⁴. Не вытекало ли отсюда, что рукописная листовка позже была размножена на гектографе?

Все эти сомнения, а также стремление уточнить обстоятельства появления первой листовки, написанной Владимиром Ильичем, заставили исследователей обратиться за разъяснениями к Надежде Константиновне Крупской.

26 марта 1929 года она ответила: «Листок написал Ленин, переписал его от руки печатными буквами. Бабушкин разбросал его по заводу»⁵.

Это было сказано ясно и точно. Но откуда же в таком случае взялась отпечатанная на гектографе листовка, распространенная Бабушкиным? Или на одну и ту же тему было выпущено два листка?

Ответ на этот вопрос был получен неожиданно несколькими годами позже. При разборе личного архива П. Б. Аксельрода, одного из основателей группы «Освобождение

¹ *И. В. Бабушкин*. Воспоминания, стр. 64—65.

² «Записки Института Ленина», кн. 2, стр. 149.

³ См. *Н. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1930, стр. 17.

⁴ См. «Каторга и ссылка», 1934, № 1, стр. 95.

⁵ «Красная летопись», 1937, № 3, стр. 138.

труда», была найдена безыменная брошюрка-прокламация, переданная ему, видимо, Лениным во время встречи в Швейцарии в 1895 году. Прокламация не имела ни начала, ни заглавия, ни даты выпуска. Отпечатана она была на гектографе шрифтом, похожим на тот, каким пользовались при издании последнего выпуска «Друзей народа». В брошюре сперва шли общие рассуждения о способах облегчения тяжелой доли рабочих, а затем приводился такой пример: «Знаете, есть такая игрушка: подавишь пружину — и выскочит солдат с саблей. Так оно вышло и на Семянниковском заводе, так будет выходить везде: заводчики и заводские прихвостни, это пружина: подавишь ее разок — и появятся те куклы, которых она приводит в движение: прокуроры, полиция и жапдармы...»¹

Дальше развивалась мысль, что «если постоянно, неотступно давить на эту пружину, не отпуская ее, то слабеет ее сила и портится весь механизм, хотя бы и такой хитрой игрушки...» Читателю подсказывался вывод: «Подавили семянниковские рабочие, глядь и жалованье выдали, и куколок своих, струхнув, прислали. Сам г-н градоначальник послал офицера с деньгами... Значит, давить-то нужно, но уж давить так давить дружнеей, всем в одну сторону, и не отпускать, а то опять только еще большее ударит».

Вслед за этим призывом опять шли общие рассуждения: о тяжелом положении русских рабочих, о необходимости их объединения по примеру рабочих Англии и Америки. Листовка давала советы, как добиваться исполнения хотя бы нескольких маленьких требований «без напрасных жертв». Заканчивалась она словами: «Борьбы и знаний — вот чего требует от русского рабочего русская жизнь!»²

Ясно было, что листовка обращалась к рабочим Семянниковского завода вскоре после случившейся на этом заводе заварухи. В том же конверте лежал еще изданный значительно позже «Союзом борьбы» короткий листок «К рабочим Нового адмиралтейства», автором которого был Сильвин.

Но кто автор первой?

Надежда Константиновна категорически отвергла предположение, что им мог быть Ленин.

¹ «Листовки петербургского «Союза борьбы». М., 1934, стр. 1.

² Там же, стр. 6.

«В листовке имеются такие фразы, сравнения и выражения, которых Владимир Ильич никогда не употреблял», — ответила она на посланный ей новый запрос и подтвердила этот ответ примером: «В листовке имеются такие выражения: «Но грусть-то грустью, а работа работой». Сравнение с игрушкой: «Подавишь игрушку — и выскочит солдат с саблей» — также, по ее мнению, было чуждо литературному стилю Владимира Ильича.

«Таких выражений и сравнений не делал Ленин, — поясняла Крупская. — В листке есть подделывание под народный язык, к чему В. И. никогда не прибегал. Стоит сравнить язык этой листовки и язык брошюрок Ильича, чтобы увидеть, что брошюру о Семяниковском заводе писал не он»¹.

Опубликование текста найденной листовки на страницах журнала «Летописи марксизма»² все же помогло прояснить вопрос. Редакция журнала вскоре получила письмо от одного из ближайших соратников Ленина, входившего в 1895 году в группу «стариков», — Глеба Максимилиановича Кржижановского. Останавливаясь на предположении, высказанном в комментариях к тексту листовки, что она написана в 1895 году кем-либо из группы «стариков», автор письма пишет: «Вывод этот совершенно правилен. С большим трудом и крайним напряжением памяти я в конце концов отчетливо припомнил, как и при каких условиях писал я эту прокламацию, одобренную к «печати» нашими тогдашними подпольными способами — центром нашей группы, состоявшей из В. И. Ульянова, В. В. Старкова и меня»³. Несмотря на категорический характер этого заявления, оно все же вызвало сомнения у одного из исследователей ленинского наследия. Автор книги «Первые шаги Ленина по созданию партии» В. Г. Сорин высказал мнение, что Г. М. Кржижановский не мог написать эту брошюру хотя бы уже по одному тому, что, как явствует из воспоминаний его жены З. П. Невзоровой, он летом 1894 года уехал в Нижний Новгород и вернулся в Петербург только в начале следующего года, когда волнения на заводе уже улеглись. На гектографированном экземпляре нет никакой даты. Однако из текста листовки ясно видно, что она написана уже после событий. Г. М. Кржижанов-

¹ «Красная летопись», 1937, № 3, стр. 139—140.

² См. «Летописи марксизма», 1927, кн. 3, стр. 64—66.

³ «Летописи марксизма», 1927, кн. 4, стр. 140.

скому мог рассказать о них тот же Бабушкин. Листовка могла быть составлена и в феврале, когда на том же заводе начались новые волнения¹.

Анализ второй листовки к семянниковцам, приобретенной Институтом марксизма-ленинизма в 1935 году, способствовал прекращению споров. Считается твердо установленным, что именно первая, до сих пор не разысканная листовка, обращенная к семянниковцам, была написана Владимиром Ильичем. Но сотрудник института Г. А. Тихомирнов вместе с отрывком второго листка к семянниковцам приобрел за границей единственный экземпляр еще одной листовки, распространявшейся в Петербурге в феврале 1896 года. Листовка эта была выпущена в феврале 1895 года под названием «Чего следует добиваться портовым рабочим» в связи с волнениями в Новом порту на Галерном острове, вызванными попыткой командира порта генерала Верховского удлинить рабочий день.

Относительно листовки «Чего следует добиваться портовым рабочим» также возникло предположение, что она написана Лениным. Тот же Бабушкин в своих воспоминаниях о стачке в Петербургском порту отметил, что выпущенные по этому поводу листки произвели на портовых рабочих более сильное действие, чем те, которые распространялись среди семянниковцев. А автор нескольких листовок, изданных «Союзом борьбы», М. А. Сильвин, утверждает, что Ленин, встретившись с ним однажды на квартире Вацесва, осведомился, не слышал ли Сильвин чего-нибудь в своих кружках о брожении среди рабочих Нового порта и о назревающей там забастовке.

«Тут же, при обсуждении этого вопроса, — рассказывает Сильвин, — я предложил Вл. Ильичу написать листовку на основании имевшихся у меня сведений, но выразил сомнения в возможности ее размножения и распространения. «Это мы сделаем», — заметил Вл. Ильич². Листовку, написанную и переписанную мной на всякий случай от руки печатными буквами под заголовком «Чего следует добиваться портовым рабочим», на следующее утро занес Вл. Ильичу. В конце февраля 1895 года она была выпущена и распространена без всякого моего в этом участия в количестве всего нескольких экземпляров, переписанных на «ремингтоне»».

¹ См. «Летописи марксизма», кн. 4, стр. 140.

² «Каторга и ссылка», 1934, № 1, стр. 100—101.

Из сообщения Сильвина вытекает, что листовка по поводу волнений в Петербургском порту была написана им. Однако, когда приобретенная за границей листовка «Чего следует добиваться портовым рабочим» была показана М. А. Сильвину; он заявил, что это «те та листовка, которая была им написана и передана Ленину»¹. Это было заметно уже по ее внешнему виду. Та листовка, по словам Сильвина, была отпечатана на пишущей машинке. Эта же размножалась на гектографе, и, очевидно, первоначальный текст ее подвергся коренным изменениям, быть может, был написан заново именно Владимиром Ильичем.

Сравнив содержание этой прокламации с текстом листовок «Царскому правительству», «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» и брошюры «Объяснение закона о штрафах», то есть произведений, написанных Владимиром Ильичем, Г. А. Тихомирнов придает особый смысл признанию Сильвина, что обращение к портовым рабочим было выпущено и распространено без всякого его в этом участия. Обнаружив в листке, обращенном к портовым рабочим, «совпадение ряда мест с другими высказываниями Ленина в его работах того периода», Г. А. Тихомирнов пришел к выводу, что автором и этого листка является В. И. Ленин². Но это предположение еще нуждается в дополнительных доказательствах.

¹ «Пролетарская революция», 1937, № 8, стр. 136.

² См. там же.

ЗНАЧОК НА СЕДЬМОЙ СТРАНИЦЕ

Изучая огромное литературное наследие Ленина, его исследователи встречаются с затруднениями особого рода. Некоторые его письма, статьи и даже целые брошюры, пересланные из тюрьмы, ссылки или эмиграции, были написаны шифром или химическим способом. После проявления или расшифровки они обычно кем-либо переписывались, нередко с ошибками. Поэтому не всегда удавалось восстановить точно текст, а иной раз и определить, действительно ли он написан Лениным.

Особенно часто Ленин прибегал к шифрованной переписке во время одиночного заключения в петербургской следственной тюрьме, где он провел целых четырнадцать месяцев. Как известно, это время не было для него порой вынужденного безделья.

Вскоре же после ареста Владимир Ильич сообщил на волю в письме, прошедшем тюремную цензуру, о своем намерении заняться изучением одного экономического вопроса. «О сбыте товаров обрабатывающей промышленности», — пояснял он в скобках специально для цензора. Итогом этих занятий, продолжавшихся потом и в ссылке, явился его знаменитый труд «Развитие капитализма в России», завершивший идейный разгром народничества. Таившее в себе огромную взрывчатую силу, научное объяснение противоречий русской экономики указывало и единственно правильный путь их преодоления.

Необходимые для этой работы книги и журналы целыми связками доставляла Анна Ильинична, переехавшая после ареста брата в Петербург.

Сидевший в той же «предварилке» Глеб Максимилианович Кржижановский вспоминал впоследствии, что, когда

по тюремным коридорам «с грохотом волокли целые корзины книг», он прекрасно отдавал себе отчет, что поглощать эти книги мог только один Владимир Ильич.

Многочисленные выписки из этих книг, а также черновики начатого труда Ленину удалось потом взять с собой в ссылку. Почему же в таком случае не дошла до нас его обширная тюремная переписка? В собраниях его Сочинений из года в год публикуются всего лишь четыре ленинских письма этого периода. Из них одно не полностью. Не сохранилась как раз та часть этого письма, в которой перечислялись названия книг. Содержание, по-видимому, навсегда утраченного списка стало известно только из воспоминаний М. А. Сильвина, избежавшего ареста, и близких Владимира Ильича.

Среди заказанных Лениным книг было несколько явно не имевших прямого отношения к предмету его занятий, например сочинение историка Костомарова «Герои смутного времени». Ученый действительно выпустил книгу «Смутное время Московского государства», но получатели письма должны были сообразить, что не она интересует Ленина. Его беспокоила судьба двух деятельных членов марксистского кружка — студентов Ванеева и Сильвина, приехавших в Петербург из Нижнего Новгорода и наделенных кличками «Минин» и «Пожарский».

Владимир Ильич хотел знать, не арестованы ли эти революционеры? И ему был передан ответ: «В библиотеке имеется лишь первый том сочинений Костомарова». Это надо было понимать так, что арестован Ванеев, Сильвин уцелел.

Упоминание книги известного зоолога Брема о мелких грызунах означало вопрос: что с Кржижановским? (Он носил кличку «Суслик».)

Письмо обрывалось на фразе: «Цитируя на память, я кажется перепутываю кое-что в заглавиях и ставлю в этом случае?»¹ (знак вопроса). В названии несуществующего сочинения Майн-Рида «The тупога» сквозит тревога о судьбе Надежды Константиновны Крупской, прозванной товарищами по кружку «Рыбой» или «Миногой». Но рядом с заглавиями ненужных Владимиру Ильичу или даже вообще несуществующих книг в письме назывались и действительно необходимые ему научные труды

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 20.

и статистические сборники. Именно поэтому, очевидно, вторая часть письма была оборвана и выброшена после доставки ему этих книг.

Уцелевшие четыре письма заключенного Ульянова были просмотрены тюремным цензором, но он не нашел в них ничего подозрительного. Большинство же писем Владимира Ильича из петербургской «предварилки» не сохранилось потому, что они были пересланы нелегально и после расшифровки и прочтения обычно уничтожались. Эта переписка велась главным образом между строк книг и журналов и дешевых романов, передававшихся Владимиру Ильичу специально для этой цели.

«Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу или страницу письма»¹, — раскрыла спустя много лет Анна Ильинична секрет этой переписки. В каждой пачке книг, передававшихся Ленину, по ее словам, была одна с шифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в тексте. В присланных ему книгах Владимир Ильич прежде всего искал ту, где по условному значку должно быть письмо. Такой же значок он ставил и на одной из возвращаемых книг, обычно на седьмой странице. Просматривая полученные книги, Анна Ильинична сперва открывала именно эту страницу: нет ли на ней тоненького карандашного штриха? Если таким штрихом была отмечена, например, седьмая буква седьмой страницы, она перемножала эти цифры и находила шифрованное письмо на 49-й странице.

Таким образом, Владимир Ильич узнавал важнейшие новости с воли и передавал указания не прекращавшему своей деятельности революционному центру. Но, кроме того, он поддерживал письменную связь и с товарищами, сидевшими в тюрьме. Встречаясь в здании тюрьмы с родственниками арестованных, Анна Ильинична сообщала через них товарищам брата, в какой части тюремного двора можно найти во время прогулок прилепленную Владимиром Ильичем к стене записку, закатапную в хлебный мякиш. Она передавала также, в какой книге из тюремной библиотеки и на какой странице вписано между строк шифрованное письмо от Владимира Ильича. Этим же спо-

¹ «Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 55.

собом переписывалась с Владимиром Ильичем и Надежда Константиновна Крупская, попавшая после ареста в ту же следственную тюрьму.

«Письма Владимира Ильича дышали бодростью...— вспоминала она впоследствии,— получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам припимался за работу»...¹ «Получить и прочесть его письмо— это было равнозначно приему какого-то особого укрепляющего и бодрящего напитка»²,— подтверждает это впечатление и другой тюремный корреспондент Ленина, Глеб Максимилианович Кржижановский.

В ободряющем слове особенно нуждалась очутившаяся впервые за решеткой студенческая молодежь из лепинского марксистского кружка. Тяжело переносил заключение самый младший из арестованных, высокий широкоплечий юноша, с увлечением распространявший нелегальную литературу среди питерских рабочих,— Петр Запорожец. Сын лесника-объездчика, неоднократно подвергавшегося преследованиям за агитацию среди крестьян, и брат умершего в заключении участника антипомещичьего восстания, он не раз уверял товарищей, что «никакая тюрьма ему не страшна». На допросах юноша держался стойко, но они, по-видимому, были особенно пристрастными. Ведь Запорожцу приписали некоторые статьи Владимира Ильича потому, что он «перебелил» их своей рукой. Запорожца считали чуть ли не руководителем «преступного сообщества» и соответственно с ним обращались. В одиночке он заболел психическим расстройством и тяжело переносил заключение.

Другой подпольщик, пользовавшийся особым доверием Владимира Ильича, жизнерадостный и деятельный Анатолий Ванеев в холодной камере заболел туберкулезом легких. В письмах к другу юности Нине Алексеевне Рукавишниковой, сохранившихся у ее дочерей, он неизменно просил не сомневаться в его бодрости и не подозревать в недостатке жизненных сил. Однако в письмах порой проскальзывали и другие нотки, вызванные медленным угасанием этих сил.

Внимательно следя за самочувствием и настроением своих менее стойких товарищей, Владимир Ильич поддер-

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1. М., 1956, стр. 80.

² Там же, стр. 155.

живал их не только добрым словом — дружескими письмами, которые передавались точками в тюремной книге. Ленин посылал шифровки и на волю: такому-то, тяжело переживающему свое одиночество и не имеющему в Петербурге никого, кто мог бы прийти к нему на свидание, подыскать фиктивную невесту, другому — послать теплую обувь. Именно благодаря его заботам на свидания к Запорожцу и Ванееву стали приходиться под видом невест незнакомые, но очень отзывчивые девушки-курсистки Мария Рязанцева и Доминика Труховская.

Не без влияния Владимира Ильича Ванеев начал заниматься в тюрьме научной работой, тема которой, вероятно, была ему подсказана Лениным.

Теперь мы знаем, что тюремная переписка Ленина с товарищами не ограничивалась одними заботами об их здоровье и душевном самочувствии — с некоторыми из них он обменивался мнениями и по теоретическим вопросам. Юлий Мартов, работавший вместе с Лениным до II съезда партии и после раскола перешедший в лагерь меньшевиков, перечислил эти вопросы в написанных незадолго до смерти «Записках социал-демократа».

С Кржижаповским, по словам Мартова, Владимир Ильич во время заключения в шифрованной переписке обсуждал вопрос о земельных требованиях крестьян, ущемленных пресловутой реформой 19 февраля 1861 года. Он считал, что русские социал-демократы должны добиваться передачи крестьянам всей земли, принадлежавшей им до этой реформы. Возвращение этих отрезков земель ускорило бы ход экономического развития в деревне и в конечном счете приблизило бы социалистическую революцию¹.

По окончании следствия, уже по пути в ссылку, Кржижаповский познакомил в Бутырках с этим предложением Ленина трех членов «Союза борьбы»: Ванеева, Мартова и Старкова, и они все его одобрили. Оно вошло в партийную программу.

Тогда же в Бутырской тюрьме соратникам Ленина, следовавшего в ссылку по так называемому «проходному свидетельству», было нелегально передано от него письменное сообщение о спорах между петербургскими и самарскими марксистами². Поводом для разногласий послужили

¹ См. Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 331—332.

² См. там же, стр. 328—330.

взгляды, высказанные Струве и Туган-Барановским в Вольно-Экономическом обществе на публичном обсуждении труда «Влияние урожая и хлебных цен на разные стороны экономической жизни». Петербуржцы защищали высокие цены, способствующие, по их мнению, переходу сельского хозяйства на капиталистические рельсы. Марксисты же, объединившиеся вокруг газеты «Самарский вестник», увидели в этом выступлении повторение призыва Струве «идти на выучку к капитализму», осужденного Лениным. Главный деятель «Самарского вестника» П. П. Маслов, однако, допустил ошибку, утверждая, что массе потребителей выгодны низкие цены. При этом он обошел другую сторону вопроса — прогрессивное значение высоких цен для ускорения процесса «раскрестьянивания» русской деревни и усиления борьбы с остатками крепостничества. Заметив эту ошибку, Ленин не мог согласиться с Масловым.

Но Владимир Ильич заботился о сохранении единства марксистского фронта ради борьбы с главным врагом. По словам Мартова, присланное В. И. Лениным письмо вместе с копией его ответа Маслову обсуждали и одобрили сидевшие в Бутырках члены «Союза борьбы» и казанский марксист Николай Евграфович Федосеев¹. Были написаны и пересланы на волю письма, призывавшие обе стороны к примирению и преодолению разногласий.

Мартов вспомнил также, что еще в петербургской «предварилке» он переписывался с Владимиром Ильичем точками в книгах тюремной библиотеки по поводу статей Каутского, поощрявших стремление польских социалистов к независимости². Складывая слова из подчеркнутых еле заметными точками букв, Мартов узнал, что Ленин еще до статей Каутского симпатизировал Польской социалистической партии, так как она сумела повести за собой массы рабочих и стала могучей политической силой в борьбе с царизмом. В часовой башне Бутырской тюрьмы соратники Ленина по «Союзу борьбы» встретились с членами этой партии, польскими рабочими, и приняли горячее участие в их спорах о путях развития революционного движения.

¹ См. Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 331.

² См. там же, стр. 325.

Арестованный позже Ленина Михаил Александрович Сильвин обнаружил как-то в одной из книг тюремной библиотеки еле заметные точки. С помощью этих точек он расшифровал какое-то письмо и убедился, что оно написано Лениным и предназначалось для Кржижановского или Старкова¹.

Тюремные книги изнашивались, конечно, быстро, но сами же заключенные, занимаясь переплетными работами, заботились об их восстановлении. Сильвину удалось обнаружить только в одной книге зашифрованное письмо Владимира Ильича, и он возвратил ее в библиотеку. А такие письма были ведь и в других.

Куда же делись потом все эти книги? Возможно, что многие из них уже отслужили свой век. Но, как известно, книги сохраняются столетиями, а книги, которыми пользовался Ленин для тюремной переписки, были изданы сравнительно недавно. Некоторые из них, возможно, и сейчас покоятся на книжной полке какого-нибудь хранилища, куда их передали после Великой Октябрьской революции.

Сотрудники Института марксизма-ленинизма занимались около полутора лет обследованием ленинской библиотеки в Кремле. В этой библиотеке почти девять тысяч томов. Перелистывая книги, страницу за страницей, они обнаружили двадцать семь до сих пор никем не замеченных пометок Владимира Ильича. А ведь эти книги находились в его кабинете, и пометки были сделаны его характерным почерком. Гораздо труднее, конечно, отыскать письмо Владимира Ильича, написанное еле заметными точками в изношенной книге бывшей тюремной библиотеки. Но какой существенный пробел в исследовании литературного наследия Ленина восполнила бы находка таких писем!

¹ См. М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии, стр. 163.

МОЛОКОМ МЕЖДУ СТРОК

Свидания в доме предварительного заключения разрешались два раза в неделю: по понедельникам и четвергам. На первое обычно приходила мать с младшей сестрой Маняшей, в то время еще подростком. Но оно длилось всего полчаса. По четвергам можно было разговаривать дольше, но только через решетку, вдоль которой ходил надзиратель. Вот почему этот день взяла себе Анна Ильинична. У нее всегда было много новостей для брата. Ведь прежде всего через нее Владимир Ильич поддерживал связь с избежавшими ареста членами «Союза борьбы», передавал им свои указания и советы, фактически продолжал руководить «Союзом».

Прохаживаясь вдоль решетки, надзиратель не мог все время следить за нитью их разговора. Но из предосторожности собеседники все же часто прибегали к иностранным словам и псевдонимам, наделяли ими даже неодушевленные предметы. Например, привезенный Лениным из Берлина чемодан с двойным дном, между стенками которого была спрятана нелегальная литература, назывался... лампой! О выборе псевдонимов договаривались предварительно в зашифрованных письмах. Когда брат на свидании заводил разговор о прочитанной книге, Анна Ильинична старалась определить: подразумевает ли он ее действительное содержание или вписанное между строк зашифрованное письмо. В таких письмах передавались обычно наиболее важные и секретные сведения, которые даже индифферентно нельзя было сообщить на свидании.

Книги с зашифрованным письмом передавались два раза в неделю — по средам и субботам. По приблизительному, очень грубому подсчету, за четырнадцать месяцев, проведенных Лениным в следственной тюрьме, таких писем им могло быть написано не менее ста.

Обсуждение животрепещущих вопросов рабочего движения стало занимать все больше места в тюремной переписке, прежде всего в написанных Лениным в тюрьме и пересылаемых на волю произведениях. Но каким образом ему удавалось их переправлять?

Владимир Ильич вспомнил, что еще в детские годы мать однажды показала любопытный фокус. Написав несколько слов молоком на бумаге, она предложила детям прочесть это письмо. Даже старший брат и сестра не сумели это сделать. Но после того как листок был нагрет теплом керосиновой лампы, буквы сразу же выступили наружу.

Заключенным в «предварилке» разрешалось получать молоко. Владимир Ильич наливал несколько капель в сделанную им самим из хлебного мякша крохотную чернильницу. При малейшем шорохе около смотрового окошечка в дверях ее не трудно было проглотить. Широко известен факт, рассказанный им сестре во время свидания. В один особенно тревожный день ему пришлось проглотить целых шесть чернильниц! Ленин вписывал молочными чернилами целые фразы между строк какой-нибудь книги, там, где он мог раньше ставить карандашом лишь еле заметные точки под отдельными буквами. Процесс писания благодаря этому изобретению значительно ускорился.

Анна Ильинична стала теперь приносить брату дешевые романы и особенно удобные для конспиративной переписки журналы с большим количеством объявлений на последних страницах. После проявления вписанного молоком текста их не жаль было сжигать.

Владимир Ильич мог теперь передавать на волю не только свои предложения и советы, но и довольно большие по размерам письменные работы. Он был, однако, настолько осторожен, что продолжал одновременно пользоваться и прежним способом. По словам Анны Ильиничны, точками он обычно сообщал, на какой странице следует искать химическое письмо, требующее прогревания на лампе.

После того как появилась возможность передавать длинные послания, написанные молоком, отпали некоторые препятствия, мешавшие Владимиру Ильичу откликаться на происходящие за стенами тюрьмы события.

Ленин знал о переживаемых «Союзом» трудностях. На

заводах не утихало брожение, создавались новые марксистские кружки. Но аресты не прекращались, и эти кружки испытывали большой недостаток в опытных агитаторах и пропагандистской литературе.

Молоком между строк был им написан в апреле 1896 года и тогда же переслан на волю набросок первомайской листовки, призывавшей русских рабочих к дружному выступлению в день международного пролетарского праздника. Получив от Анны Ильиничны «молочный» текст и проявив и переписав его, Надежда Копстантиновна прочитала эту листовку вслух в узком кругу товарищей. Но они отдали предпочтение другому варианту листовки, написанному Сильвиным, в котором, по его собственному признанию, «политический момент был обойден»¹.

По признанию Сильвина, сделанному, правда, спустя сорок лет, его собственный вариант очень мало удовлетворял основным требованиям, предъявлявшимся Лениным к содержанию листовки.

М. А. Сильвин объяснял издание составленной им листовки ко дню Первого мая недостаточной теоретической подготовкой оставшихся на воле членов «Союза», их несоответствием той серьезной роли, в которой они оказались после ареста В. И. Ленина. А Владимир Ильич неизменно стремился, по словам Сильвина, «в нашей пропаганде заострить политические мотивы, определенно, решительно и ясно при всех условиях и во всякой обстановке подчеркивать политический характер нашей борьбы»².

Аполитичная листовка Сильвина, озаглавленная «Рабочий праздник Первого мая» и начинающаяся словами «Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение, оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь...», через тридцать лет неожиданно снова увидела свет. По глубочайшему недоразумению она была напечатана в первом издании Сочинений В. И. Ленина, вышедшем вскоре после его смерти, как... принадлежавшая его перу³.

Недоразумение разъяснилось только в десятую годовщину со дня смерти В. И. Ленина, после опубликования

¹ «Каторга и ссылка», 1934, № 1, стр. 110.

² Там же, стр. 111.

³ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 1, т. 1, стр. 293—295.

воспоминаний М. А. Сильвина «В. И. Ленин в эпоху зарождения партии». Сильвин категорически заявил: «...лично мной полностью написан тот текст, который напечатан в 1-м томе собрания Сочинений Ленина»¹.

В последующих изданиях Сочинений Ленина эта ошибка была исправлена. Ленинская первомайская листовка 1896 года включена теперь в список неразысканных произведений.

Молочными чернилами была написана Владимиром Ильичем в тюрьме и протрапная листовка с броским заголовком: «Царскому правительству», подлинник которой тоже утрачен. Возможно, что он был уничтожен после проявления и перенесения на бумагу текста, размноженного потом на mimeографе и только в таком виде сохранившегося.

Листовка эта подводила итог крупнейшему событию 1896 года — тридцатитысячной забастовке ткачей, вызванной отказом предпринимателей выплатить полностью заработную плату за вынужденный прогул в дни коронации Николая II. Она высмеивала лживое утверждение «Правительственного вестника», что стачки якобы были вызваны только особенностями бумагопрядильного и ниточного производства.

А не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих? — ставил Ленин ядовитый вопрос².

Узнав об аресте Надежды Константиновны Крупской и о помещении ее в ту же следственную тюрьму, где находился и он сам, Владимир Ильич начал посылать и ей письма, написанные молоком или лимонным соком. Но в камере Надежды Константиновны не было керосиновой лампы, на которой эти письма можно было бы проявлять. Ленин тогда подсказал своей корреспондентке другой способ: разрезать его письма на узкие полоски и опускать эти полоски в горячий чай³.

Переписка Владимира Ильича сквозь тюремные стены со своей будущей женой и верным другом благодаря этому заметно оживилась. Но изрезанные на полоски письма, конечно, не могли сохраниться до наших дней.

¹ «Каторга и ссылка», 1934, № 1, стр. 113.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 2, стр. 107.

³ См. «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1, стр. 80.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К «ОБЪЯСНЕНИЮ»

Кем же была написана программа «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Та самая, обгорелые листы которой весной 1897 года извлекли из печки при обыске у петербургской курсистки Екатерины Дьякоповой? Вопрос этот так и остался невыясненным.

А между тем это мог быть список первоначального проекта программы партии, набросанного В. И. Лениным, или один из его вариантов. Полный текст этой программы, включающий и подробное объяснение всех ее пунктов, до сих пор еще не разыскан. Но значительную его часть все же удалось найти и восстановить. И вот каким образом.

Молоком между строк одной книги Ленин написал в тюрьме еще в конце 1895 года и потом переслал на волю проект программы партии для обсуждения ее на первом съезде. Проект состоял из двух частей: собственно программы и «объяснения» к ней. Программа не только звала русских рабочих отстаивать свои права, но и указывала цель борьбы: переход власти в руки пролетариата, уничтожение частной собственности на средства производства, создание социалистического строя.

Что же касается второй части, «объяснения» к программе, то оно, по словам Анны Ильиничны, было также написано молоком между строк, заполнило целую книгу¹.

Переписав молочной тайнописью предназначенный для пересылки на волю текст, Владимир Ильич обычно тут же уничтожал черновик. Оставлять его у себя было рискованно, так как в камерах часто производились обыски.

¹ См. «Пролетарская революция», 1924, № 3(26), стр. 118.

Но при переписке полного текста «объяснения» Ленин отступил от этого правила. Из-за большого объема этой работы приходилось переносить ее в книгу частями. Поэтому Ленин стал прятать черновик среди заметок и выписок из статистических сборников, заготовленных для будущей книги «Развитие капитализма в России». Поступая так, он надеялся, что успеет переписать весь текст, прежде чем в камеру нагрянут с обыском. Но случилось иначе. Когда жандармский офицер приступил к обыску, черновик партийной программы еще лежал среди бумаг. К счастью, все обошлось благополучно. Перебирая сложенные в углу высокой горкой книги и выписки из статистических сборников, тюремщик чуть было не наткнулся на листки проекта. Вероятно, он добрался бы и до них, если бы обыск не происходил в разгар лета. Жара не располагала к внимательному чтению, и, бегло просмотрев лежавшие сверху бумаги, офицер положил их обратно.

Рассказывая об этом сестре во время свидания, Владимир Ильич усмехнулся: «Ну, а если бы он ее в самом деле нашел, вряд ли это имело бы какие-нибудь последствия; ведь я и так уже под замком». Анна Ильинична не согласилась с братом. Если бы стало известно, какие крамольные вещи он пишет даже в тюрьме, ему, несомненно, увеличили бы срок наказания. Она всегда с тревогой ждала возвращения прочитанных Владимиром Ильичем книг и журналов. Не возникли ли при их проверке какие-нибудь подозрения? Не изменился ли под воздействием молока цвет бумаги? Не выступил ли где-нибудь вписанный между строк текст? Такие неприятности иногда случались, если молоко было слишком густое. Они не имели последствий только потому, что контролеры ленились просматривать каждую страницу.

Владимир Ильич читал книги быстро и поглощал их в таком количестве, что в тюремной канцелярии не успевали проверять, в каком виде они возвращаются. Он заблаговременно предупредил сестру, когда именно она должна получить сплошь исписанную молоком книгу. Анна Ильинична в этот день особенно нервничала и очень встревожилась, услышав от угрюмого надзирателя короткое: «Вам нет».

Неужели они что-нибудь заметили? Это подозрение лишило ее покоя и даже сна. На следующий день, однако,

выяснилось, что волновалась она напрасно. Среди возвращенных вскоре книг оказалась и «молочная».

Проявлением невидимого текста и перенесением его на бумагу занималась Надежда Константиновна. Это был нелегкий и кропотливый труд. Конспиративные тексты для себя Ленин писал особенно мелким почерком, часто прибегая к сокращению слов до двух-трех букв. Например, в словах «марксизм», «буржуазия» Ленин оставлял только одну первую и две последних буквы: «мзм», «бия»¹.

До своего ареста, происшедшего в августе 1896 года, Надежда Константиновна успела расшифровать и переписать только проект программы и часть «объяснения» к ней. Эту работу закончила потом Анна Ильичична. Подлинный химический текст программы партии, написанный рукой Ленина, по соображениям конспирации был уничтожен. Переписанный с него текст прятался в надежном месте — вместительном тайничке, выдолбленном в толстой ножке небольшого круглого столика, изготовленного по заказу Владимира Ильича специально для хранения нелегальной литературы. Во время обыска при аресте Ленина этот столик вполне оправдал свое назначение. Потом он был перенесен к Надежде Константиновне. Когда спустя несколько месяцев обыскивали и ее комнату, секрет стола тоже не был раскрыт, а после ареста Крупской

¹ Много усилий пришлось затратить сотрудникам Института марксизма-ленинизма, прежде чем они разгадали смысл ряда сокращений. Некоторые ленинские рукописи до сих пор не расшифрованы полностью. В 1929 году в институт поступила книга Н. И. Тезякова «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии», изданная в конце прошлого столетия. На полях ее было много пометок, сделанных рукой Ленина. Так, например, на странице 240 рядом с печатным списком сел и деревень Ленин сделал очень мелким почерком какую-то запись, в которой отдельные русские слова перемежались с французскими и немецкими. Научные сотрудники института Г. А. Тихомирнов, Е. С. Лепешинская и Е. С. Голубева в течение многих лет разбирали этот текст и выяснили, что это был черновик написанного Лениным в 1895 году в тюрьме предостережения товарищам о том, что известный многим из них зубной врач Михайлов оказался провокатором. Фамилию предателя Ленин обозначил греческой буквой «м». Восемь букв «хрkv. студ.» означали «харьковский студент». Пять полуслов «студ. орг. нос. назв. корп.» были прочтены как «студенческую организацию, носившую название «корпорация». Михайлов был ее членом. (Научно-информ. бюллетень Центрального партийного архива, 1960, № 2; «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 179).

ее мать передала этот столик сестре Владимира Ильича со спрятанными в пем страницами «объяснения» к программе.

Полностью переписанный с него текст Анна Ильична вручила Потресову — уцелевшему после первой волны арестов члену «Союза борьбы». Так как и за ним уже велась слежка, Потресов поспешил передать проект своему двоюродному брату, а тот переправил его еще кому-то. Узнав о новых арестах, этот последний хранитель рукописи уничтожил ее.

В настоящее время Институт марксизма-ленинизма располагает тремя списками первого проекта программы, считавшегося навсегда утраченным.

Каким же образом дошел до нас первоначальный текст, да еще в нескольких вариантах? Вскоре после смерти Владимира Ильича среди бумаг его личного архива, привезенного из Женевы, был обнаружен проект программы, написанный симпатическими чернилами на листках, вырванных из какой-то медицинской книги. «Вероятно, той самой, которую Владимир Ильич в 1895 году передал из тюрьмы. Значит, подлижник все-таки сохранился» — к такому выводу пришли сотрудники Института Ленина, подготовлявшие в 1925 году второе издание Сочинений Владимира Ильича. Некоторые журналы даже поместили снимок с подписью, уверявшей, что это и есть первая страница программы РСДРП, написанной Лениным в тюрьме молоком. И только через двадцать лет, в 1946 году, при подготовке четвертого издания Сочинений Ленина удалось выяснить, что статья, между строк которой был вписан ленинский проект, вырвана не из книги, а из выходившего в Петербурге журнала «Научное обозрение». Статья эта была написана С. Чугуновым и называлась «Шейное ребро у человека с точки зрения эволюции». Она была помещена в пятом номере этого журнала за 1900 год, когда Ленин уже был на свободе.

Экспертная комиссия, накопившая к этому времени большой опыт и состоявшая из старых работников института, хорошо знавших особенности почерка Ленина, пришла к выводу, что переписывал статью не он. Но в таком случае кто же сделал это, когда именно и для какой цели? Ответ на эти вопросы был получен спустя еще десять лет. В 1957 году эксперты окончательно установили, что часть статьи — три страницы — были переписаны

Дмитрием Ильичем Ульяновым; другие пять страниц — Марией Ильичичной, очевидно по просьбе Владимира Ильича. Участвовавшая в свое время в расшифровке подлинника Анна Ильичична не была привлечена к переписке, вероятно, потому, что как раз в это время — летом 1900 года — она вместе с Владимиром Ильичем и матерью ездила в Уфу навестить высланную туда Надежду Константиновну.

Происходивший в 1898 году первый съезд партии, как известно, не занимался обсуждением программы, а принял только манифест. В вопросе о созыве нового съезда партии Владимир Ильич придерживался такой позиции: сначала укрепить ее ряды, подготовить программу — за это и взялась «Искра». Вероятно, тогда и понадобилась химическая копия проекта: его надо было переправить через границу именно в 1900 году.

Второй экземпляр того же проекта, найденный в женеvском архиве, не нуждался в расшифровке. Он напечатан на пишущей машинке на тонкой папиросной бумаге, и на нем имеется поясняющая надпись: «Старый (1895) проект программы социал-демократической партии». И наконец, третий, наиболее полный список программы — 39 страниц, извлеченных из того же женеvского архива РСДРП, — оказался напечатанным на гектографе и сшитым в форме тетради. Он состоял из двух частей: проекта и подробного «объяснения» программы.

Это то самое «объяснение», которое было написано Лениным в тюрьме в первой половине 1896 года. Оно в шесть раз длиннее проекта, но полный его текст был, видимо, еще более обширным. Это вытекает из того, что подробное объяснение доведено только до середины пункта «Б» программы, а в ней имеются еще пункты «В», «Г» и «Д», в которых Ленин разъяснил права граждан России и основные требования рабочих и крестьян, в том числе знаменитые аграрные требования, вошедшие впоследствии в программу партии, принятую ее вторым съездом.

Три списка первого проекта программы, хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма, позволили с большой точностью восстановить первоначальный текст, кроме утраченной части «объяснения» к программе.

Проект программы партии, написанный Лениным в 1895 году в тюрьме, был впервые опубликован в том же номере журнала «Пролетарская революция», где было напечатано правительственное сообщение о смерти Владимира Ильича¹.

Так как на гектографическом оттиске не оказалось ни даты, ни имени автора, он был послан на экспертизу Анне Ильиничне Елизаровой и Надежде Константиновне Крупской, переписывавшим когда-то «молочный» подлинник. Анне Ильиничне сразу же бросились в глаза пробелы в тексте — отсутствие «объяснений» к большей части программы, в том числе к наиболее интересной ее части — аграрной. «Между тем, — пояснила она, — последнюю часть «объяснения» переписывала я и помню, что передала Потресову вполне законченный список, да и воспоминания последнего говорят, что переданный ему экземпляр был с концом»².

Бывший соратник Ленина по «Союзу борьбы», к этому времени давно перешедший в лагерь его противников, Потресов, согласился с Анной Ильиничной. «На расстоянии 28 лет мне трудно, разумеется, установить тождественность того текста программы, который я имею сейчас перед собой, с тем, который находился у меня в 1896 году. Этот текст напомнил мне старый. По-видимому, тот экземпляр проекта был полнее...»³

«Объяснения писаны В. И., — заявила и Надежда Константиновна. — Это можно подтвердить сразу, так как среди работников того времени не было никого, кто так хорошо знал бы фабричные законы».

Надежда Константиновна напомнила, что Владимир Ильич специально изучал эти законы, работая над брошюрами «О штрафах» и «Новый фабричный закон». По этому разделу программы видно также, как основательно изучал Ленин статистику. Она отметила характерный для ленинских брошюр того периода «разъяснительный тон».

«...Я могу сказать, что это несомненно язык В. И., его обороты, даже характерные для него сокращения вошли

¹ См. «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 201.

² Там же, стр. 205.

³ Там же

в гектографированный список: «правом» вместо «правительством»¹.

Надежда Константиновна нашла, по-видимому, и причину обнаруженных в программе пробелов. Летом 1896 года, когда она переписывала последнюю часть программы, несколько написанных молоком страниц книги ей не удалось проявить. Вероятно, она тогда же дала знать об этом Владимиру Ильичу, и он дослал недостающие страницы. Но дошедший до нас наиболее полный список мог быть отпечатан как раз с того, не проявленного полностью экземпляра.

Есть ли надежда, что где-нибудь все же сохранился полный текст родившегося в тюрьме первого ленинского проекта партийной программы?

Имеются основания предполагать, что этот текст был размножен в нескольких экземплярах. Такая догадка подкрепляется, между прочим, свидетельством представителя третьего состава членов «Союза борьбы» К. Тахтарева, принадлежавшего к ударившейся в «экономизм» группе «молодых». В своих воспоминаниях об этом периоде он, например, утверждает, что один экземпляр проекта программы хранился в архиве «Союза», которым заведовала жена такого опытного конспиратора, каким был Степан Иванович Радченко. Любовь Николаевна Радченко давала переписывать проект своей сестре и ее подруге. По просьбе Тахтарева они и для него сняли копию².

Тахтарев утверждал, что рукопись была уничтожена и первый список погиб при обыске. Но снятый девушками другой список, «кажется не полный», он (Тахтарев) увез потом за границу вместе с материалами о работе «Союза борьбы» и передал на хранение своим лондонским друзьям. В дом, где он был спрятан, во время первой мировой войны угодила бомба, и после этого Тахтарев уже не смог разыскать свои бумаги.

Еще один след списка с этого или, может быть, более позднего варианта партийной программы обнаружился совсем неожиданно. Хранителем этого списка был все тот же опытный конспиратор Степан Радченко. Когда Владимир Ильич появился в Петербурге, именно Радченко вместе с Сильвиным свел его с пытливыми изучавшими Маркса

¹ «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 205.

² См. К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг. Л., «Прибой», 1924, стр. 83—85.

студентами и рабочими, будущими членами «Союза борьбы». Радченко был единственным делегатом этого «Союза» на первом съезде партии и его представителем в ее первом ЦК. Он участвовал потом и в историческом Псковском совещании, принявшем решение о выпуске «Искры». Инженер по специальности, но прежде всего революционер, Радченко был вынужден часто переезжать с места на место и жить на случайный заработок, отдельно от семьи, распавшейся после ареста жены. Его детей приютила жившая в Киеве сестра. Она же спрятала у себя его большую библиотеку, состоявшую главным образом из запрещенных и нелегальных изданий. После возвращения из ссылки Радченко попросил сестру переслать эти книги младшему брату¹, поселившемуся теперь вместе с ним, по стоявшему в стороне от революционной борьбы. С. И. Радченко вскоре умер, а брат его не стал эти книги получать. Спустя некоторое время Юрий был внезапно арестован. Вызвали в жандармское управление и сестру Радченко. Как потом выяснилось, все это произошло из-за библиотеки. Ящики с книгами, как невостребованный груз, после истечения срока хранения были перевезены на центральный железнодорожный склад. При выгрузке один ящик разбился, и из него посыпалась нелегальная литература. Среди конфискованных книг была изъята и программа социал-демократической партии. Это могла быть программа, выработанная при участии Ленина вторым съездом. Но это мог быть и первый ее проект, сохраненный опытным конспиратором. Наконец, это мог быть вариант первого проекта, восстановленный Лениным по памяти после возвращения из ссылки, когда он останавливался в Пскове у высланной туда жены Радченко и встречался там и с ее мужем.

Изъятые у революционеров документы не всегда уничтожались. Возможно, что принадлежавший Радченко проект партийной программы еще найдется в каком-нибудь жандармском архиве.

Полным текстом первого ленинского проекта располагал, по-видимому, и Г. В. Плеханов, участвовавший позднее в разработке партийной программы. Об этом стало известно из опубликованной в 1924 году в Берлине переписки основателей группы «Освобождение труда».

¹ Юрию Ивановичу Радченко.

В одном из писем к Плеханову П. Б. Аксельрод еще в июне 1898 года предлагал издать под общим заглавием три документа: имеющуюся у Плеханова программу и объяснительную записку Петрова (один из тогдашних псевдонимов Ленина), только что полученный манифест первого съезда РСДРП и свою собственную статью «Историческое оправдание русской социал-демократии», опубликованную раньше только в Швейцарии. Предисловие к сборнику должен был написать Плеханов. Однако издание это так и не было осуществлено.

ПОД КАКИМ ПСЕВДОНИМОМ?

План письменных работ, намеченный Лениным в первом письме из тюрьмы, — как мы видели — был им значительно расширен.

Предполагалось, что в это же время Ленин писал — разумеется, не под своим именем — и для легальной марксистской печати. На чем же были основаны эти догадки? Действительно ли он писал тогда в легальных изданиях и по каким вопросам?

В своей книге «Что делать?» Ленин сам впоследствии объяснил все своеобразие сложившейся в тот период политической ситуации:

«В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самое малейшее ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком»¹.

Напуганное террористическими актами народовольцев, правительство в то время все еще видело в них главных своих врагов. Пользуясь этой близорукостью царской полиции и цензуры, марксисты иногда ухитрялись помещать свои статьи даже в либеральных журналах, вроде «Русской мысли» или «Мира божьего». Они выбирали себе подходящий псевдоним и легально издавали некоторые книги, выпускали открыто в течение многих месяцев свои газеты. Одним из таких изданий был выходивший в Поволжье «Самарский вестник». Не случайно опыт его

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 333.

превращения в марксистскую газету удался именно в Самаре — городе, где исключенный из Казанского университета студент Владимир Ульянов читал свои первые рефераты и где пустил глубокие корни руководимый им марксистский кружок. С его участниками Ленин и после отъезда в Петербург не терял связи. В те годы в Самаре часто оседали политические ссыльные. Они немало способствовали превращению Самары в центр марксистской мысли.

Когда Владимир Ильич жил в Самаре, в городе выходило два печатных органа: либерально-буржуазная «Самарская газета», помещавшая изредка статьи местных марксистов, и рассчитанный на дельцов и обывателей «Самарский вестник объявлений». Это издание, выходившее всего три раза в неделю, приносило мало доходов его владельцу, почему оно и было перепродано предприимчивому помещику из земцев Реутовскому. Либеральный «чудак-барин» увлекался издательской деятельностью. Изменив название газеты — она стала теперь просто «Самарским вестником», — новый издатель превратил ее в еженедельную, но так и не смог преодолеть равнодушия читателей.

«Реутовский стремится придать своей газете не столько общественно-политический, сколько хозяйственный и земледельческий характер»¹, — доносил в Петербург самарский вице-губернатор. Однако он ошибался. Бывший уездный предводитель дворянства начал вдруг помещать статьи поднадзорных «ниспровергателей основ».

«Марксистский орган, издающийся на средства представителей слоев общества, всего более заинтересованных в искоренении марксизма» — так охарактеризовал впоследствии это необычное издание один его бывший сотрудник.

Новое направление газеты сложилось следующим образом: когда средства Реутовского стали иссякать и пришлось привлечь новых пайщиков, ему предложил свои услуги известный писатель Гарин, друживший с марксистами. Он настоял на изменении облика газеты, уговорил издателя передоверить руководство представителям «входящего в моду течения». С чисто практической точки зрения такой шаг обещал даже некоторые выгоды. Интерес к марксистской литературе был большой. «Самарский ве-

¹ «Красный архив», 1925, № 9, стр. 235.

стник» негласно редактировал теперь экономист Маслов, ставший впоследствии одним из главных теоретиков меньшевизма. Ближайшими сотрудниками Маслова были три бывших студента: Рейнгольд Циммерман (он же Р. Гвоздев), высланный из Москвы в Сибирь и по возвращении из ссылки осевший в Самаре¹; другие двое были исключенные из университетов медики — Виктор Португалов и Алексей Санин. Газета открыла свои страницы и многим видным марксистам, жившим за пределами Самары. Находясь за границей, Плеханов смог напечатать в Самаре под псевдонимом Бочаров «Нечто об истории»² — свои рассуждения о природе капитализма, облеченные в форму рецензии на книгу одного французского историка.

Несколько корреспонденций прислал из мурманской ссылки тесно связанный с Лениным со дня создания в Самаре первого марксистского кружка Алексей Скляренко. А переписывавшийся с Владимиром Ильичем Федосеев по дороге в Сибирь переправил часть своей интересной работы о реформе 1861 года под заглавием «Историческая справка». Ее напечатали в газете двумя подвалами³.

Из объявления об открытии подписки на 1897 год читатели узнали о том, что в газету привлечены новые авторы, и, хотя в списке имен и псевдонимов не был назван находившийся в заключении Ленин, это не могло, конечно, мешать его фактическому участию в газете, так как ему не раз удавалось пересылать на волю свои рукописи.

Уже один список имен новых сотрудников красноречиво говорил о том, что газета перестала ориентироваться на самарского обывателя и рассчитывает на другой круг читателей. И скоро она их действительно нашла не только в Самаре, но и по всей России. Подписка возросла в пять раз. «Самарским вестником» заинтересовались в обеих столицах и в ряде университетских городов. Много заказов на газету поступило из западных, польских и литовских областей и особенно из Сибири, где на нее подписывались главным образом ссыльные.

Характер издания, не вызывавшего сначала опасений у местных властей, разумеется, не мог долго оставаться

¹ Ленин дал однажды отзыв о его книге «Кулачество-ростовщичество...». См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 5, т. 4, стр. 55—59.

² См. «Самарский вестник» № 10. Соч. Плеханова, т. 8.

³ См. «Самарский вестник» № 12 и 13.

секретом для внимательно следивших за провинциальной прессой чиновников из главного управления по делам печати.

В Самару полетели запросы и предписания, призывавшие к бдительности местных цензоров.

Газета находилась сначала под наблюдением инспектора местной тюрьмы Верещагина. Он был к ней весьма снисходителен, так как предусмотрительная редакция иногда печатала сочиненные им весьма посредственные стишки. «Вестник» избежал взыскания, даже когда однажды в газете была допущена весьма подозрительная с точки зрения цензуры оплошность. К сообщению о том, что после смерти Александра III лечивший его немецкий профессор Лейден вернулся в Берлин, прилепилась фраза: «И ревет белугой о пропавшем товаре». Строчка эта попала сюда из фельетона о злоупотреблениях местных купцов. После Верещагина обязанности цензора выполнял между делом чиновник для особых поручений при губернаторе, слывшем приятелем Реутовского. Все же, когда из Петербурга доносился очередной окрик, его красный карандаш начинал безжалостно калечить газетные полосы.

15 марта 1897 года сам начальник главного управления по делам печати направил министру внутренних дел Горемыкину пространный доклад, в котором доказывал, что «Самарский вестник» говорит туманными намеками о необходимости насильственного переворота¹. Ссылаясь на то, что газета «упорствует в пропагандировании самых крайних атеистических и материалистических учений», он «полагал необходимым» приостановить ее издание на четыре месяца². Но когда срок истек, разрешение на возобновление выпуска уже не было дано.

Спустя двадцать лет, вспоминая после свержения самодержавия в юбилейной статье короткую жизнь «Самарского вестника», его бывший редактор П. П. Маслов назвал В. И. Ленина среди авторов, чьи произведения «печатались почти в каждом номере под чертой, где обыкновенно печатаются в газетах большие статьи...»³

Владимир Ильич, только что вернувшийся из эмиграции, не выступил с опровержением этого утверждения. Впрочем, в те бурные дни он мог и не читать статьи, опубли-

¹ «Красный архив», 1925, № 9, стр. 239.

² См. там же.

³ «Дело», 1917, № 1, стр. 50.

ликованной в небольшом меньшевистском двухнедельнике «Дело». Лишь после смерти Ленина, когда начали собирать все его литературное наследие, были приложены усилия для выяснения этого вопроса.

Под каким псевдонимом мог писать Ленин в «Самарском вестнике»? Сам Маслов этого уже не помнил и в своих новых воспоминаниях, опубликованных сразу после смерти Владимира Ильича, не касался этой темы. Разноречивы были показания и других бывших сотрудников газеты.

Один из наиболее деятельных литераторов, Николай Самойлов, считал, например, что Владимир Ильич мог печататься в этой газете лишь после того, как она приобрела «ярко марксистскую физиономию», то есть не раньше середины октября 1896 года. Он заявил, что авторы всех статей, появившихся до этого времени, «легко и без остатка расшифровываются»¹. Когда же газета стала определенно марксистским органом, Ленина давно уже не было в Самаре. Не жил в городе и никто из его родственников, через кого можно было бы поддерживать связь с редакцией. Марк Тимофеевич Елизаров, правда, приезжал в Самару. Зайдя в редакцию, он высказал свое удивление благодушием местной цензуры и посоветовал воспользоваться этим — разыскать и напечатать в газете распространявшихся нелегально «Друзей народа». Это не было сделано, так как в городе не удалось достать ни одного экземпляра быстро разошедшейся ленинской брошюры.

«Если что-нибудь и могло поступить в редакцию от Ленина, то только будучи присланным»², — уверял Самойлов. Но на его памяти ничего не приходило. И все же он твердо помнил один разговор с Р. Гвоздевым (Циммерманом). В 1896 или 1897 году, когда по случаю какого-то юбилея стали собирать фотоснимки авторов, печатавшихся в «Самарском вестнике», Циммерман посетовал, что нет фотографии Ульянова, которую, по его мнению, обязательно надо было присоединить к остальным. На чем основывалось это мнение? На такой вопрос он не мог уже ответить. Циммермана давно не было в живых.

Тот же Самойлов слышал и от другого сотрудника газеты, оказавшегося впоследствии во вражеском лагере,

¹ «Пролетарская революция», 1924, № 7, стр. 106.

² Там же, стр. 105.

фельетониста Клафтона, высказанное в категорической форме утверждение, что Ульянов писал в «Вестнике». Но никаких материалов, подписанных каким-либо из известных ленинских псевдонимов, не удалось обнаружить и в номерах, вышедших после перехода редакции в руки марксистов. Отбрасывая статьи, которые, судя по их содержанию и стилю или по тому, что автор был известен, не могли быть написаны Лениным, Самойлов пришел к выводу, что перу Владимира Ильича могла принадлежать одна большая статья, подписанная буквой «Л» и озаглавленная «Новые слова». Она печаталась в четырех номерах¹, начиная с октября 1896 года, и так и не была закончена.

«Помещенная в первых номерах реформированной в марксистскую газету, статья имеет явно программное значение», — обосновывал это свое предположение Самойлов и подкреплял его еще следующим доводом: — «Если именно первые шаги газеты должны были получить максимальную поддержку со стороны единомыслящих (а что же было ценнее статьи В. И. Ленина?), то и сотрудничества его нужно было искать в первых номерах обновленного «Самарского вестника»².

По мнению Самойлова, именно Ленин мог выбрать темой статьи «категорическую необходимость смены национальной идеологии» и показать материальные предпосылки этого процесса. «Талантливая трактовка темы и внешний литературный блеск статьи позволяют в авторе ее угадывать пезаурядную величину», — заканчивал он свои рассуждения. Самойлова смущала только подпись «Л»: Ленин в то время подписывал свои статьи другими псевдонимами, например «В. Ильин». Но и на это возражение у него находился ответ: «Может быть, для провинциального «Самарского вестника», и для самарского именно, он (Ленин) по многим соображениям предпочел не пользоваться этим псевдонимом?»³

Появление в печати воспоминаний Самойлова заставило взяться за перо еще одного бывшего сотрудника этой газеты, принадлежавшего к ее основному марксистскому ядру, Алексея Санина. Он вспомнил, что на одном из по-

¹ № 224, 228, 234 и 243.

² «Пролетарская революция», 1924, № 7(30), стр. 107.

³ Там же.

следних редакционных собраний издатель Реутовский, вернувшись из поездки в Петербург, рассказал о попытках продлить жизнь своего детища. В комитете по делам печати ему, оказывается, был задан вопрос: «Кто такой скрывается у вас за буквой «Л»?» Тогда Реутовский уклонился от прямого ответа и пробормотал, что это «один петербургский профессор экономист». Но, рассказывая об этом в редакции, он кивнул Санину. Буквой «Л», оказывается, подписывал свои статьи именно Санин, так как с этой буквы начинается его уменьшительное имя: в детстве его называли «Лелька». Итак, напечатанная в четырех номерах «Самарского вестника» большая статья «Новые слова» была написана им, а не Лениным¹.

Предположение Самойлова, что эта статья принадлежит Ленину, было убедительно опровергнуто, и притом самим Саниным. Он разъяснил, что статья «представляла собой отклик на новейшую полемику против марксизма в летних книжках народнического «Нового слова» за 1896 год»². Подтрунивая над выпадами этого журнала, Санин потому и озаглавил свою статью «Новые слова». Уже из названия статьи, таким образом, видно, что она не могла быть написана раньше 1896 года, как думал Самойлов.

«Самая незаконченность ее указывает на то, что она попала на печатный станок прямо из-под пера», — добавляет Санин. Он разбивает и предположение Самойлова о том, что окончание статьи зарезала цензура или что она осталась неоконченной вследствие ареста Владимира Ильича. Ведь Ленин был арестован не в 1896 году, а в 1895 году — на целый год раньше! Споря с Самойловым по вопросу о том, когда Ленин мог сотрудничать в «Самарском вестнике», Санин опирается на довод, что после ареста Владимира Ильича сотрудничество было уже невозможно. Его удивляет также, как Самойлов мог проглядеть особенности стиля, которым написана статья. По мнению Санина, даже после беглого просмотра было ясно, что она принадлежит не Ленину.

Итак, первая большая статья, выражавшая новое направление «Самарского вестника», была написана не Владимиром Ильичем, но именно в этой статье впервые в

¹ См. «Пролетарская революция», 1924, № 8—9, стр. 406.

² Там же, № 12(35), стр. 281.

легальной печати приводилась цитата из ленинской работы «Экономическое содержание народничества...» о необходимости бороться с капитализмом «не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно»¹.

Доказав неосновательность предположения Самойлова, Санин в то же время утверждал, что вопрос о сотрудничестве Ленина в «Самарском вестнике» не должен быть решен отрицательно. Вопреки совету Самойлова не искать ленинских статей в номерах газеты, вышедших до ареста Владимира Ильича, Санин внимательно исследовал комплект «Самарского вестника» именно за этот период, и усилия его были вознаграждены.

В номере от 25 ноября 1895 года он обнаружил большую статью, подписанную псевдонимом К. Т-ин, то есть К. Тулин. Такая подпись стояла под ленинской статьей в сожженном в Петербурге марксистском сборнике.

Появившаяся в Самаре статья называлась «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии». В ней Владимир Ильич раскритиковал вздорный проект либерального экономиста С. Н. Южакова об открытии в деревне «гимназий с земледельческим уклоном», в которых неимущие ученики работали бы даром, за одно только содержание. Еще одна никчемная попытка во что бы то ни стало навязать России мерещившийся народникам «особый» путь развития. Как тут было не высмеять незадачливого прожектера! Принадлежность статьи Ленину не вызвала никаких сомнений. Именно эта статья, по словам Сильвина, уже была напечатана нелегально как приложение к тому самому бесследно исчезнувшему второму выпуску «Друзей народа», где подробно разбирались другие откровения Южакова. И к этой же теме Ленин вернулся снова — уже в ссылке — в своей работе «Перлы народнического прожектерства».

Итак, факт сотрудничества Владимира Ильича в «Самарском вестнике» в «полумарксистский период» его существования был установлен. Но можно ли было на этом основании отрицать возможность дальнейшего его сотрудничества в этой газете и после ареста? Придерживавшийся сначала такого мнения исследователь Н. Ангарский высказал на страницах своей книги и другое предположение. Не Лениным ли написано письмо в редакцию, появившее-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 334.

еся в «Самарском вестнике» перед самым его закрытием в марте 1897 года и подписанное тремя буквами «СТА»?¹

Письмо это касалось вопроса о влиянии хлебных цен на развитие народного хозяйства, вызывавшего горячие споры. В первых числах марта 1897 года вопрос этот оживленно обсуждался в петербургском Вольно-Экономическом обществе. Дискуссия разгорелась вокруг только что вышедшего двухтомного труда, написанного по поручению министерства финансов либеральными московскими экономистами. Авторы и их единомышленники из народников утверждали, что крестьянство заинтересовано в низких ценах на хлеб, а помещики — в высоких. Участвовавшие в прениях «легальные марксисты» Струве и Туган-Барановский возражали им: низкие цены на хлеб тормозят развитие сельского хозяйства, высокие, наоборот, способствуют его подъему и искоренению пережитков крепостничества. Обсуждение вопроса о влиянии хлебных цен вылилось тогда в широкую дискуссию о путях развития России.

«Самарский вестник» счел своим долгом поместить отчет о прениях, присовокупив к нему и свое особое мнение: «Продавцу труда — крестьянину, которого главный доход получается от продажи его рабочей силы, выгоднее дешевый продукт, чем дорогой. Нанимавшему работника хозяину выгоднее, чтобы продукт, произведенный им, продавался дороже!»²

О своем несогласии с петербургскими «легальными марксистами» Маслов, по свидетельству Мартова, сообщил в тюрьму Ленину, рассчитывая найти в нем союзника. Ведь обвинял же он Струве на страницах сожженного сборника в одностороннем истолковании марксизма! Но в этом вопросе Владимир Ильич не согласился с самарцами. Он считал, что повышение цен на хлеб способствует расслоению крестьянства и в конечном итоге помогает делу революции. Об этом он, по уверению Мартова, тут же написал Маслову, а копию этого письма со своими комментариями перед отъездом в Сибирь переправил в Бутырскую пересяльную тюрьму своим товарищам по «Союзу борьбы». Владимир Ильич советовал и им «коллективно воздействовать на самарцев»³.

¹ Н. Ангарский. Легальный марксизм, вып. 1. М. Изд. «Недра», 1925, стр. 105.

² Там же, стр. 104.

³ Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 328—330.

Вскоре после этого в «Самарском вестнике» и появилось письмо в редакцию по вопросу о влиянии урожаев на хлебные цены, подписанное тремя буквами «СТА». Автор его отрицал выгоду низких цен на хлеб для крестьянина, поскольку он является мелким собственником, производителем хлеба, вынужденным при настоящих экономических условиях выносить продукты своего хозяйства на рынок. Очевидно, он заинтересован в более высоких ценах.

Вопрос о том, был ли Ленин автором письма в редакцию, возможно, удалось бы прояснить, сличив текст этого письма с другим, написанным им по тому же поводу. Этой же теме был посвящен пространный ответ Ленина Маслову, о котором упоминает Мартов в своих «Записках социал-демократа». Такое сопоставление имело бы существенное значение, так как Мартов изложил эту полемику пристрастно. Но это важное письмо, к сожалению, до сих пор не разыскано. Сам Маслов в своих воспоминаниях утверждает, что письмо было вызвано вовсе не прениями в Вольно-Экономическом обществе, а развернувшейся позже полемикой вокруг программной статьи перешедшего в руки петербургских «легальных марксистов» «Нового слова». Эта статья, впрочем, была только переложением выступления Туган-Барановского на дискуссии в Вольно-Экономическом обществе.

Об интересе Владимира Ильича к спорам самарских марксистов с петербургскими можно судить по письму, посланному им из ссылки Анне Ильиничне Елизаровой. «Не знаешь ли, Аня, каких-либо подробностей о «распре» с редакцией, о войне против нее золотопромышленника и К^о?» — спрашивал он. Золотопромышленником он иногда называл Маслова потому, что редактор «Самарского вестника» из уральских казаков, промышленявших добычей золота.

Анна Ильинична в своих комментариях к этому письму, так же как и Маслов, считает, что поводом для распри послужили статьи петербургских «легальных марксистов» в «Новом слове». Самарцы обвиняли авторов этих статей в сочувственном отношении к буржуазии и либералам. Такой же упрек в апологии капитализма, по словам Мартова, был предъявлен самарцами петербургским «легальным марксистам» после их выступления в Вольно-Экономическом обществе. Но Владимир Ильич, сам неоднократно

выступавший против Струве и Туган-Барановского, на этот раз не был согласен с самарцами не только в вопросе о влиянии хлебных цен. Он расходился с ними и в оценке выступлений «легальных марксистов» на страницах «Нового слова».

«Я также помню очень хорошо, что Владимир Ильич был тогда всецело на стороне «Нового слова», книжку которого, очевидно мартовскую, он «читал с громадным удовольствием», — сообщает Анна Ильинична. Из всего этого, между прочим, следует, что для изложения своих взглядов по вопросу о хлебных ценах Ленин вполне мог выбрать форму «письма в редакцию».

Вскоре после того как были напечатаны предположения Ангарского о том, что это письмо написал Ленин, в Истпарт поступили новые воспоминания П. П. Маслова о первой легальной марксистской газете. От опубликованных в 1917 году в журнале «Дело» они отличались тем, что в них были конкретные сведения, подтверждающие догадки Ангарского.

«В начале марта 1897 года, — утверждал Маслов, — неожиданно появился в Самаре В. И. Ульянов (тогда Тулин). Ему разрешено было отправиться в ссылку в Сибирь на свой счет, и вот он по пути заехал в Самару... Несколько дней спустя редакция получила от В. И. Ульянова письмо под заглавием «К вопросу о хлебных ценах»... Письмо это было не передано самим В. И. Ульяновым, а именно прислано. Но откуда? — из самой Самары до выезда в Сибирь или уже с дороги, решительно не помню. Оно было напечатано вместе с ответом редакции на него...»¹

Сообщение Маслова, что Ленин по дороге в Сибирь заезжал в Самару, подтвердил, впрочем, со слов Маслова, уже знакомый нам сотрудник «Самарского вестника» Алексей Санин. В своих воспоминаниях, также написанных для Истпарт, Санин упомянул о разговоре с Масловым в марте 1897 года. Приехав в Самару утром 17 марта, он зашел прямо к Маслову и узнал от него, что «с неделю назад» проездом в ссылку в Самару заезжал Ульянов и виделся с ним².

В пользу принадлежности письма Ленину, по мнению Ангарского, можно было привести и следующие доводы.

¹ «Записки Института Ленина», ч. III, 1928, стр. 88.

² См. «Большевик», 1927, № 6, стр. 111.

Доказывая, что низкие цены на хлеб невыгодны не только крестьянам, но и рабочим, автор письма ссылался, между прочим, и на соответствующее утверждение «одного немецкого экономиста», имени которого он не называл, очевидно, по цензурным соображениям. Ангарский нашел эти слова в немецком издании речей Маркса по вопросу о свободной торговле. Это же самое место из речи Маркса Ленин привел и в статье «К характеристике экономического романтизма», написанной в сибирской ссылке весной 1897 года.

Доказательства того, что напечатанное 13 марта 1897 года в «Самарском вестнике» письмо в редакцию принадлежит перу Ленина, казались настолько убедительными, что оно было включено во второе издание его Сочинений, выпущенное в 1925 году. Второй том издания даже открывается этим письмом. Однако вскоре Институту Ленина стали известны новые факты и документы, вызвавшие у его сотрудников, в частности у Г. А. Тихомирнова, серьезные сомнения в том, действительно ли было написано это письмо Владимиром Ильичем.

Сопоставим воспоминания Маслова и Санина, написанные для подготовленного Истпартом к печати сборника о «Самарском вестнике», с рассказом встречавшегося с Лениным в 1897 году красноярского врача Крутовского, впервые опубликованным в журнале «Сибирские огни»¹.

Бывший ссыльный Владимир Михайлович Крутовский работал в Красноярске помощником врачебного инспектора и впервые познакомился с Лениным в 1897 году, именно в Самаре, когда Владимир Ильич проезжал через этот город по пути в ссылку и, по словам Маслова, навещал его.

Крутовский провел зиму в Петербурге, где жила его семья, а когда собирался уезжать обратно в Красноярск, узнал от своей давнишней приятельницы известной общественной деятельницы Александры Михайловны Калмыковой о высылке в Енисейскую губернию литератора Ульянова. Отзывчивая, всегда о ком-нибудь хлопотавшая, женщина попросила Крутовского приурочить свой отъезд в Сибирь ко дню отъезда Ульянова и посодействовать ему в Красноярске, «чтобы Ульянова не законопатили куда-нибудь в отдаленные места». У Крутовского в Красноярске

¹ См. «Сибирские огни», 1925, № 2, стр. 93.

были большие связи, и он обещал выполнить просьбу, но по какой-то не зависящей от него причине встреча с Лениным на вокзале в Петербурге не состоялась. И только когда поезд остановился в Самаре, доктор случайно узнал, что Ленин все же его спутник. Вскоре после отъезда из Москвы Крутовский стал замечать на остановках «молодого человека, небольшого роста, довольно худощавого, с маленькой клинообразной бородкой, очень живого и подвижного»¹. Этот человек, между прочим, привлек к себе внимание и тем, что на каждой стоянке вступал в пререкания с железнодорожным начальством. Пассажир возмущался чрезвычайным переполнением поезда и настаивал, чтобы к составу добавили еще один вагон. Но не отличавшиеся расторопностью железнодорожники относились равнодушно к такого рода требованиям. Когда поезд прибыл в Самару, этот пассажир подошел к стоявшим на платформе начальнику станции и начальнику службы движения и повторил свою просьбу. Другие пассажиры поддерживали его, и составитель получил приказ прицепить еще один вагон.

«Все успокоились, — вспоминает Крутовский, — а я, зная хорошо порядок наших железных дорог, подумал: должно быть, незаурядный человек этот маленький пассажир, если смог добиться того, чтобы начальство уступило и согласилось прицепить еще вагон». Все эти переговоры с железнодорожным начальством отняли, по словам Крутовского, не менее пятнадцати — двадцати минут. В буфете к столику, за которым сидел врач, неожиданно подсел тот самый пассажир, попросил у официанта чернильницу и перо и принялся писать письма. Прочтя на одном из конвертов адрес Калмыковой, Крутовский сразу же догадался, кто сидит рядом с ним, и первый заговорил с Владимиром Ильичем:

— Значит, вы — Ульянов? Очень рад познакомиться.

Но его сосед по столику сразу нахмурился и сухо спросил:

— Вы что, сыщик?

Крутовский объяснил, что еще в Петербурге слышал о Владимире Ильиче от их общей знакомой Калмыковой и надеется быть ему полезным в Красноярске. Удовлетворенный таким объяснением, Владимир Ильич вместе с

¹ «Сибирские огни», 1925, № 2, стр. 91.

Крутовским напился чаю, и они разошлись по своим вагонам. Минут за десять до отхода поезда Ленин зашел к врачу и предложил ему перебраться в только что прицепленный вагон, куда они вместе и перенесли свои вещи.

Из воспоминаний Крутовского вытекает, что Ленин был в Самаре проездом, поезд стоял там всего один час и он провел это время на вокзале или в вагоне, а значит, к Маслову зайти не мог. Это, конечно, не исключает, что он мог, как указывает Маслов, послать свое письмо в редакцию по почте. Тот же Крутовский отметил в своих воспоминаниях, что его спутник очень интересовался «Самарским вестником», вез с собой в ссылку все его номера и давал их ему читать¹. Предположение Маслова, что письмо в редакцию могло быть послано Лениным по почте, однако, опровергается другими источниками.

В одном из уцелевших дел архива департамента полиции было обнаружено секретное донесение из московского охранного отделения, устанавливающее точную дату отъезда Ленина в ссылку: 22 февраля, или по новому стилю 6 марта, 1897 года. Как можно узнать из железнодорожного справочника, в 1897 году из Москвы в Красноярск ежедневно уходил с Курского вокзала только один поезд, отправлявшийся в 2 часа 30 минут дня. Следовательно, Ленин приехал в Самару 24 февраля (8 марта) и отчета о петербургской дискуссии тогда еще не мог прочесть, так как он был напечатан в «Самарском вестнике» спустя двенадцать дней. Долго задерживаться в Самаре Ленин, конечно, не мог, не говоря уже о том, что это не согласуется с воспоминаниями Крутовского. По расписанию Ленин должен был прибыть и действительно прибыл в Красноярск 3 марта (15 марта). В делах канцелярии иркутского генерал-губернатора обнаружено прошение, написанное 6 марта рукой Ленина черными чернилами, — ходатайство о разрешении остаться в Красноярске до тех пор, пока придет распоряжение о выезде на место поселения.

Пятьдесят четвертый номер «Самарского вестника», в котором опубликован отчет о дискуссии, вышел 8(20) марта. При тогдашних темпах железнодорожного сообщения он мог появиться в Красноярске не раньше 15(27) марта. Письмо же в редакцию, написанное под впечатлением отчета, было помещено в газете 13(25) марта.

¹ См. «Пролетарская революция», 1929, № 1(84), стр. 94.

Занимавшийся исследованием этого вопроса научный сотрудник института сделал отсюда вывод, что письмо написано не Лениным. В следующее, третье издание Сочинений Лепина оно уже не было включено. В приложенном к четвертому изданию списке псевдонимов Владимира Ильича, которых у него было около сотни, указано всего три, начинающиеся с буквы «С»:

Ст.

Старик.

Статистик.

Псевдоним *СТА* в этом списке не значится.

СУДЬБА ОДНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Утрата этой переписки особенно оцутима по многим причинам. Прежде всего потому, что оба ее участника могли общаться друг с другом, только обмениваясь письмами. Несмотря на настойчивые усилия с обеих сторон, Владимиру Ильичу так и не удалось лично познакомиться с Николаем Евграфовичем Федосеевым, своим ровесником и единомышленником, одним из первых в России начавшим «провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению»¹.

В своей статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве», написанной в декабре 1922 года по просьбе Истпарта, Ленин вспоминал, что его переписка с Федосеевым «касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения»². И если бы эти письма нашлись, они существенно дополнили бы наши сведения о том, как складывались в ту пору взгляды Владимира Ильича и его ближайших единомышленников.

Основательно изучив по первоисточникам учение Маркса — Энгельса, Федосеев пытался переосмыслить прошлое и будущее России. Он самостоятельно предпринял ряд исследований по вопросам, интересовавшим также Владимира Ильича, и послал их ему. Ленин знакомился с этими исследованиями по частям и также отправлял Федосееву свои первые работы.

При каких же обстоятельствах была утрачена эта, по словам Анны Ильиничны Елизаровой, «чрезвычайно ценная переписка между двумя выдающимися русскими со-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 414.

² Там же, стр. 415.

циал-демократами»? ¹ Есть ли надежда ее когда-нибудь разыскать? Такой вопрос задавал себе Владимир Ильич после Октябрьской революции, готовя статью для сборника воспоминаний о Федосееве.

«Возможно, что у меня где-либо остались некоторые обрывки писем или рукописей Федосеева,— писал он тогда,— но сохранились ли они, и можно ли их разыскать — на этот счет я не в состоянии сказать ничего определенного» ². Упомянутая статья не содержит, к сожалению, никаких сведений о судьбе собственных писем Владимира Ильича к Федосееву. Некоторую ясность в этот вопрос могут все же внести документы, обнаруженные в полицейских архивах, и воспоминания современников, знавших обоих корреспондентов.

Необыкновенно талантливый и необыкновенно преданный своему делу революционер ³ — такое мнение о Федосееве начало складываться у Ленина еще в студенческие годы в Казани, когда он впервые услышал о неутомимом организаторе подпольных марксистских кружков и вступил в один из них.

Правила конспирации, строго соблюдавшиеся кружковцами, помешали тогда Владимиру Ильичу встретиться с Федосеевым. Члены одного нелегального кружка не всегда знали о составе других таких же организаций. По той же причине юноше Ульянову не пришлось в те годы познакомиться с молодым Горьким, который жил тогда в Казани и поддерживал связь с Федосеевым. Свою первую встречу с ним на собрании подпольного кружка Горький описал впоследствии в «Моих университетах».

Когда в Казанском университете начались волнения, вызванные введением нового драконовского устава, Федосеев, «по агентурным сведениям», открыто выражал свое сочувствие уволенным «за беспорядки». За участие в этой же сходке был исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино первокурсник Владимир Ульянов. Федосеев дружил со слушателем ветеринарного института Николаем Мотовиловым, входившим в тот самый кружок «крайне вредного», по мнению полиции, направления, куда после возвращения из Кокушкина вступил и Ленин.

¹ «Федосеев Н. Е.». Сб. Истпарта. М., 1923, стр. 24.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 415.

³ См. там же.

Кружковцы собирались иногда в квартире Любови Александровны Пономаревой, родной тетки Владимира Ильича. Именно «федосеевцев» подозревал директор департамента полиции Дурново, составив для министра Делянова такую характеристику: «Во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными, из коих некоторые привлечены ныне к дознанию в государственных преступлениях»¹.

Николай Евграфович Федосеев создал в Казани целую сеть кружков с четко выраженным марксистским направлением. От основанного им же еще в гимназии тайного кружка они отличались тем, что занимались не только вопросами самообразования, но и практической деятельностью. Тот кружок, например, которым руководил сам Федосеев, стремился завязывать связи с рабочими казанских предприятий. Программа его предусматривала не только устную и печатную пропаганду, но также и «организацию сил для борьбы». Члены кружка оказывали помощь политическим заключенным и их семьям. Кружок располагал своей библиотекой. Уже создавалась даже подпольная типография. Каждый из его членов принимал на себя ответственное обязательство образовать новый тайный кружок. Федосеев настаивал на усилении пропаганды среди рабочих. «...Социалистическая рабочая партия не могла развиваться иначе, как из кружков»². Эти слова Ленина подтвердили впоследствии правильность такой установки. Федосеев уже тогда отвергал террор как средство политической борьбы. И в этом вопросе его взгляды совпадали с ленинскими.

Только досадным стечением обстоятельств можно объяснить постигший Федосеева удар — провал одного из организованных им кружков. Произошло это в результате случайного происшествия, не имевшего никакого отношения к его деятельности, — взрыва бомбы в Швейцарии, близ Цюриха. Осколком бомбы был убит один русский эмигрант. Подозревая, что он был террористом, царская полиция начала расследование и при обыске у бывшего казанского студента Дмитрия Матвеева обнаружила письмо курсистки Анны Соловьевой, невесты Федосеева.

Почти полтора года просидел Федосеев в одиночке во

¹ С. Щепров. Выдающийся революционер Н. Е. Федосеев. М., 1958, стр. 37.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 13, стр. 89.

время следствия в Казани, а после вынесения приговора ему пришлось столько же провести в самой мрачной из петербургских тюрем — «Крестах».

Федосеев много размышлял над проблемами экономического развития России, и в частности над вызывавшим столько споров вопросом о судьбе крестьянской общины, в которой народники видели чуть ли не зародыш коммуны. Задолго до ареста он начал собирать материалы для обширного исследования на эту тему. Этот же вопрос, как известно, интересовал и молодого Ленина. Присутствовавший в 1892 году при первой встрече Владимира Ильича с вождем народников Михайловским сельский учитель Алексей Александрович Беляков утверждает, что Ленин предполагал прочесть в этот вечер на даче у Водовозова под Самарой «имевшийся у него в писанном виде реферат из истории русской земельной общины». Только опасение, что узкие рамки реферата помешают овладеть вниманием слушателей, заставило его отказаться от этого намерения. Все же Беляков слышал этот реферат в кружке железнодорожных техников, и он произвел на него тогда сильнейшее впечатление. «В особенно популярной форме с достаточным количеством цифр, прекрасно освещающих распад земельной общины в деревне, концентрацию наделов бедняков в руках кулачества, правда, получающего наделы не в собственность, а только для обработки, Владимир Ильич дал уничтожающую критику наиболее распространенных среди народничества предрассудков о самобытных путях экономического развития России, доказал с необычайной простотой, что самобытность народникам пригрезилась, что земельная община пустое место, вредная форма, тормозящая развитие хозяйства, что расслоение крестьянства, распад его на группы по экономической зажиточности предрекают простую и ясную судьбу общин — ее гибель, уничтожение...»¹ Изучая историю русской общины, Никодай Евграфович вплотную подошел к выяснению причин реформы 1861 года и ее влияния на дальнейшее развитие русской экономики. Этот вопрос стал главной темой его нового исследования, заинтересовавшего Ленина. Федосеев и в тюрьме пользовался книгами университетской библиотеки, доставляемыми ему друзьями, и успел написать в одиночке целых триста страниц. Начатую работу

¹ «Молодые годы В. И. Ленина». М., 1957, стр. 348.

прервал перевод в «Кресты», отличавшиеся особенно строгим режимом. Но сразу же после освобождения и высылки под надзор полиции во Владимир Николай Евграфович возобновил прерванный труд. Отдельные, уже готовые части своего большого исследования он вскоре послал на отзыв Владимиру Ильичу, и именно тогда, летом 1893 года, между ними завязалась оживленная переписка, длившаяся с перерывами несколько лет и прекратившаяся только со смертью Федосеева.

«Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз»,¹ — вспоминал тридцать лет спустя Ленин.

Еще в самом начале следствия по делу Федосеева была выслана в Астрахань под надзор родителей его невеста Анна Григорьевна Соловьева, неосторожное письмо которой было одной из причин провала федосеевского кружка. Там она вскоре вышла замуж за одного вполне «добропорядочного» учителя и совсем отошла от революционной работы.

Однажды подпольный Красный Крест — организация, поддерживавшая политических заключенных, послал к Николаю Евграфовичу на свидание в петербургские «Кресты» бывшую воспитанницу привилегированного Смольного института курсистку Марию Германовну Гопфенгауз, так же как и Федосеев порвавшую со своей дворянской семьей. Назвавшись потом его невестой, она последовала за Федосеевым в ссылку и должна была стать его женой.

По просьбе Николая Евграфовича Мария Германовна отправилась в Самару для связи с Владимиром Ильичем и руководимым им марксистским кружком. Заодно она должна была выяснить и возможность переезда туда Федосеева для сотрудничества в редакции газеты «Самарский вестник», начавшей печатать статьи марксистских авторов. Федосеев послал с ней Владимиру Ильичу две уже готовые части исследования об экономических предпосылках так называемого «освобождения» крестьян от крепостной зависимости.

Прорецензировав исследования Федосеева, Владимир Ильич пересылал их экономисту Маслову, отбывавшему ссылку по федосеевскому делу. Это о них он писал в письме, найденном тридцать лет спустя на чердаке мас-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 414.

ловского дома: «Замечания мои на работы о реформе исходили из того основного положения, что эта реформа — продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те пути, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя»¹.

Владимир Ильич интересовался в то время и мнением Федосеева о своей статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни...». «Пошлите ее поскорее Н. Е. с просьбой отправить ко мне тотчас же по прочтении», — писал он Маслову.

По настоянию Федосеева, обеспокоенного, как бы переписка с ним не причинила неприятностей его корреспонденту, Мария Германовна тщательно оберегала тайну его сношений с Владимиром Ильичем и своей рукой переписывала все письма и замечания Ленина, прежде чем переслать их во Владимир.

Федосеев мечтал работать рука об руку с Лениным. Но ему так и не удалось переехать в Самару.

Вскоре после переселения во Владимир Николай Еврафович познакомился с местной молодежью, находившейся еще под сильным влиянием народнических идей. Переход ее на сторону марксизма был в значительной мере заслугой Федосеева. А добился он этого перелома не без помощи Владимира Ильича.

Стремление Федосеева на примерах русской действительности объяснить идеи марксизма, по словам члена кружка С. П. Шестернина, очень оживило его работу. Много говорили о судьбах русского капитализма, о развитии крестьянского хозяйства, роли рабочего класса в революции. Во время этих споров, по свидетельству другого кружковца, Николая Львовича Сергиевского, обсуждались также вопросы, затронутые Лениным в письмах к Федосееву. В одном из них разбиралась и подвергалась уничтожающей критике только что появившаяся в печати работа народника Николая — она (Н. Ф. Даниельсон) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства».

«Книгу эту, — вспоминает Сергиевский, — Ленин жестоко раскритиковал, и на меня его письмо оказало сильное влияние...» В другом письме Ленин делился своими мыслями по поводу только что прочитанной им «Экономической истории Англии» Эшли. Внимательно следив-

¹ Ленинский. сборник XXXIII, стр. 16.

ший за перепиской Ленина с Федосеевым и по конспиративным соображениям вместе с Марией Гопфенгауз переписывавший эти письма, Сергиевский уже тогда вынес о Ленине впечатление, что он «не только теоретик, но и революционер очень крупного масштаба». Это замечание дает некоторое представление о содержании утраченной переписки.

Узнав об аресте Николая Евграфовича, Мария Гопфенгауз поспешила во Владимир и, вероятно, привезла ему письмо или по меньшей мере привет от Ленина.

По сведениям, сохранившимся во Владимирском областном архиве, только за три месяца 1893 года (с 14 января по 16 апреля) Федосеев отправил из тюрьмы в Самару 19 писем и получил оттуда 36. Кроме того, он послал в Самару две ценные посылки с научными работами и получил оттуда одну рукопись.

По уверению самарца Белякова, «оживленная переписка Владимира Ильича с Николаем Евграфовичем имела огромный интерес и практическое значение для самарского марксистского кружка, руководимого Владимиром Ильичем. Переписка эта постоянно ставила перед кружком все новые и новые вопросы о необходимости оформлять, расширять и укреплять организацию в целях немедленной пропаганды идей социализма в рабочих массах»¹.

Николаю Евграфовичу, настойчиво искавшему связи с рабочей средой, не сиделось в сонном Владимире, оживлявшемся только в дни больших церковных праздников. Рискую снова попасть в поле зрения «таинственных безмундирных личностей» (это крылатое словцо по адресу полицейских шпииков пустил в оборот ученый К. А. Тимирязев), Федосеев однажды выехал в густонаселенный фабричный район Орехово, встречался там с рабочими на квартирах кружковцев и выступил на нелегальном собрании в лесу с боевой речью — с призывом к объединению и борьбе. Среди его слушателей были и сыщики. Губернатору донесли, что главный виновник оживления пропаганды «какой-то молодой человек низкого роста, белокурый, в очках, будто бы учитель Николай Васильевич или Алексеевич Федосеев...»²

¹ «Молодые годы В. И. Ленина», стр. 384.

² «Владимирская окружная организация РСДРП». Владимир, 1927, стр. 26.

Когда же этот неуловимый «господин в очках», не гадаясь об ожидавших его неприятностях, перед отъездом в Самару сам пришел в полицейский участок оформить документы, ему тут же было предложено явиться к полицмейстеру. Тот объявил Федосеева арестованным.

Переехавшая во Владимир Мария Германовна отправила Ленину еще одну работу Федосеева — часть его фундаментального исследования по истории крепостного права. По свидетельству жившего тогда в Самаре Лалаянца, эта работа Николая Евграфовича по соображениям конспирации не обсуждалась в марксистском кружке. Ведь автор ее сидел в тюрьме, и связь с ним надо было скрывать. Рукописью прежде всего занимался Владимир Ильич.

Исследование Федосеева об экономических причинах отмены крепостного права настолько заинтересовало Владимира Ильича, что он посвятил его разбору специальную литературную работу, к сожалению не сохранившуюся.

Работа над исследованием по истории освобождения крестьян от крепостной зависимости захватила Федосеева. Но, просиживая по двенадцать часов в день над книгами и рукописями, он сильно подорвал свое и без того расшатанное здоровье. Ведь под предлогом отсутствия надзирателя для охраны он был лишен даже ежедневных прогулок в тюремном дворе. Состояние его стало внушать серьезные опасения. Департаменту полиции пришлось освободить Федосеева из-под стражи «впредь до разрешения о нем дела». Особый надзор, разумеется, не снимался.

В это время Ленин как раз собирался ехать в Москву. Узнав об освобождении Федосеева, он решил обязательно заглянуть во Владимир, чтобы повидаться с Николаем Евграфовичем. Эту встречу нельзя было откладывать и по другой причине. Федосеева опять могли заключить под стражу, угнать далеко после вынесения приговора. Зная, что это свидание может привлечь к ним обоим внимание полиции, Владимир Ильич шел на известный риск. Но, очевидно, он придавал встрече важное значение, связывал с ней определенные планы.

Ленин заблаговременно списался с Марией Германовной о мерах предосторожности, которые он считал необходимым принять: кто-нибудь должен встретить его на вокзале (в чужом городе было бы опрометчиво прибегать

к расспросам, чтобы разыскать условленную квартиру). Сама Мария Германовна явно не годилась в провожатые.

Не вполне отвечала требованиям конспирации и кандидатура владимирского друга Федосеева Николая Сергиевского: за ним тоже увивались шпики. Все же выбор пришлось остановить на нем. Тщательно изменив свою внешность, Сергиевский надеялся избавиться от назойливых наблюдателей.

В условленный час он явился на вокзал и сразу же увидел за столиком вокзального буфета — тем именно, за которым должен был сидеть Ленин, похожего на него, по описанию Марии Германовны, человека. Сергиевский поздоровался с ним и сказал пароль.

«Владимир Ильич ответил, — рассказывал Сергиевский в своих воспоминаниях, — быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной, чтобы скорее выбраться из места, находящегося под усиленным наблюдением полиции. Первое время мы шли молча, изредка перебрасываясь незначительными замечаниями, имевшими целью ознакомить Владимира Ильича с обратной дорогой на вокзал». Сравнивая впервые увиденного им Ленина со своим другом Федосеевым, Сергиевский нашел, что «осторожный, пытливо озирающийся, наблюдательный, спокойный, сдержанный при всей своей, известной по письмам, темпераментности, Владимир Ильич представлял собой полную противоположность Николаю Евграфовичу». Эта противоположность выражалась, по мнению Сергиевского, в том, что «пламенный, отчаянный Федосеев готов был в первой же схватке с врагом сложить свою буйную голову. Ленин же производил впечатление человека, способного расчетливым ударом поразить сильного врага. Вместе они бы отлично дополняли друг друга»¹, — пришел к убеждению товарищ Федосеева.

Но Ленину и на этот раз не удалось встретиться с Николаем Евграфовичем. Просидев несколько часов на квартире Федосеева, он наконец дождался прихода Марии Германовны, сообщившей, что под каким-то предлогом жандармы задержали Николая Евграфовича в тюрьме еще на один день. Ленин торопился к поезду. Неотложные дела требовали его немедленного отъезда в Москву.

Освобожденный на следующий день Федосеев прокли-

¹ «Федосеев Н. Е.». Сб. Истпарта, стр. 98—99.

нал тюремщиков, помешавших ему увидаться с Владимиром Ильичем.

В своих кратких воспоминаниях, посвященных Федосееву, Ленин связывает свою переписку с Николаем Евграфовичем с его выступлением против идеолога народников Михайловского.

Накануне высылки Федосеева в Сольвычегодск заботливо снабжавший своего друга всеми новинками Сергиевский принес ему только что полученный десятый номер «Русского богатства» со статьей Михайловского «Литература и жизнь». Выпады самоуверенного вождя народников против марксистов возмутили Николая Евграфовича.

Ядовитые уколы Михайловского заслуживали немедленного ответа еще и потому, что, бросая обвинения марксистам, грозный обличитель злоупотреблял своим положением. Марксисты не могли возражать ему открыто. Они скрывались в подполье и в то время не имели еще возможности выступать в легальной печати.

Федосеев в одну ночь набросал послание Михайловскому, убедительно опровергавшее все его нелепые утверждения.

Вслед за этим письмом поступили отклики на статью Михайловского и от других марксистов.

В своей ответной статье, помещенной в 1894 году в январском номере «Русского богатства», Михайловский привел выдержки из двух только полученных им писем, в том числе из письма Федосеева. И опять маститый литератор применил недопустимый прием. Он выхватил отдельные места из возражений Федосеева вне связи со смыслом основного текста и таким образом исказил их. Возмущенный этим, Федосеев послал Михайловскому уже из Сольвычегодска большое новое письмо. Об этом письме, наиболее полно выражавшем революционные взгляды Федосеева, Михайловский предпочел умолчать, так же как и о третьем послании, посвященном философским вопросам и написанном Николаем Евграфовичем вместе с находившимся в Сольвычегодске политическим ссыльным Иваном Козиным.

Полный текст всех писем Федосеева к Михайловскому, долго считавшихся бесследно пропавшими, был опубликован впервые только в 1933 году, то есть почти через сорок лет после их отсылки. Они были найдены в архиве их

получателя, хранившемся в Пушкинском доме Академии наук в Ленинграде.

А задолго до этой находки Ленин уже указывал на Николая Евграфовича как на участника полемики с Михайловским и автора адресованных ему нелегальных писем¹. Друг Федосеева Сергиевский объясняет такую осведомленность Ленина тем, что его переписка с Федосеевым, вероятно, возобновилась вскоре после посещения им Владимира и продолжалась после высылки Николая Евграфовича в Сольвычегодск. Ленин, конечно, также был глубоко возмущен бесцеремонным обращением Михайловского с письмом Федосеева. Именно эта вторая статья Михайловского, в которой он пытался выставить в неблагоприятном свете Федосеева и других марксистов, могла дать Ленину непосредственный повод для решительного отпора панадам народников, и прежде всего их заносчивого вояжю. В первых же строках первого выпуска «Друзей народа», начинающегося, как известно, словами: ««Русское Богатство» открыло поход против социал-демократов»² — Ленин ссылается на ту самую статью «Русского богатства», в которой были приведены выдержки из письма Федосеева и содержались выпады против него и марксистов вообще.

По свидетельству Сергиевского, Владимир Ильич поставил в известность Федосеева о своем намерении выступить хотя бы в нелегальной печати с обстоятельной отповедью Михайловскому³. По крайней мере, когда Сергиевский в одном из писем в Сольвычегодск посоветовал Федосееву дать печатный ответ Михайловскому, Николай Евграфович вскоре сообщил ему, что «один марксист» уже готовит такое выступление. Очевидно, Федосеев был убежден, что Владимир Ильич наиболее подходящий автор для ответа Михайловскому, к тому же Николаю Евграфовичу в Сольвычегодске было трудно получать необходимые ему материалы.

Федосеев еще не успел отбыть срок ссылки по владимирскому делу, как ему было предъявлено новое обвинение. Его признали причастным к образованию преступного общества, имевшего целью «возбуждение среди рабочего класса вражды к работодателям, а также изменение

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 414.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 115.

³ См. «Каторга и ссылка», 1930, № 1(62), стр. 19.

существующего строя». Дальнейшее пребывание Федосеева даже в захолустном Сольвычегодске было признано опасным. Его решили услатъ на целых пять лет в Восточную Сибирь. Там же вскоре должен был очутиться и только что осужденный за революционную деятельность в Петербурге Ленин.

Путь в Сибирь из Владимира, куда снова привезли Федосеева, проходил через Москву, точнее через Бутырскую пересыльную тюрьму. Туда же в феврале 1897 года была доставлена из Петербурга первая партия осужденных по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова сразу же установила связь с товарищами брата и начала получать письма и от Федосеева, оказавшегося с ними в одной камере. Судя по этим письмам, он очень обрадовался вести о предстоящем свидании с Владимиром Ильичем и был сильно разочарован, когда выяснилось, что Владимир Ильич поедет в Сибирь не вместе с ним, а «по проходному свидетельству».

Перед отъездом Федосеева в Сибирь Анна Ильинична обменялась с ним очень теплыми письмами, и он послал ей свою фотографию — ту самую, которая была опубликована в 1923 году в сборнике Истпарта, посвященном его памяти.

Владимир Ильич приехал в Красноярск раньше Федосеева. Теперь он надеялся обязательно встретиться с ним и часто наводил справки в губернском управлении о дне прибытия очередной партии ссыльных.

4 апреля 1897 года в Красноярск была доставлена первая партия заключенных, товарищей Ленина по «Союзу борьбы», сидевших в Бутырках вместе с Федосеевым. Сопровождавший эшелон начальник конвоя запретил им подходить к окнам вагона. Однако, когда вагон остановился, арестанты быстро открыли окна и стали обмениваться рукопожатиями с подбежавшими к вагону Лениным и сестрой Кржижановского, Антониной Максимилиановной, невестой ссыльного Старкова. Конвойные стали отгонять ссыльных от окон, а железнодорожные жандармы оттащили Ленина и его спутницу и увели их в здание вокзала.

Федосеева в этом вагоне не оказалось. Он прибыл со следующей партией. 10 апреля Владимир Ильич благо-

временно пришел на тот же вокзал и на этот раз наконец увидел в окне арестантского вагона бледное лицо Федосеева, хорошо знакомое ему по описаниям товарищей. Но ссыльных опять не допустили к вагону. Всех пассажиров отвели под конвоем в пересыльную тюрьму.

Еще по пути в Красноярск Ленин узнал от своего спутника врача Крутовского о том, что перед отправкой к месту назначения ссыльных фотографируют в частном ателье Кашпеля. Ленин несколько раз справлялся там, не придет ли фотографироваться Федосеев. Николай Евграфович со своей стороны возбудил ходатайство перед енисейским губернатором о разрешении сняться в этой фотографии, но получил отказ.

И все же есть предположение, что им удалось увидеться.

Двое ссыльных, Мартов и Ванеев, дожидаясь в Красноярской тюрьме вместе с Федосеевым отправки к месту поселения, добились разрешения выехать туда на свой счет и взять свои вещи из цейхгауза накануне отъезда. В этот день они подкатили к тюрьме на телеге, на которой кроме извозчика сидел еще и ее мнимый хозяин — одетый в большую шубу и поэтому похожий на извозпромышленника Владимир Ильич. Надзиратели не заметили обмана и пропустили его в тюремный цейхгауз, куда был вызван затем Федосеев. Староста политических обязан был присутствовать при выдаче имущества. Пока на телегу грузили вещи, Ленин и Федосеев, по словам Мартова, смогли побеседовать¹. Встреча эта была очень короткой, поэтому, вероятно, Владимир Ильич и не упомянул о ней в своих тоже очень коротких воспоминаниях, написанных к тому же спустя много лет и сопровождавшихся сделанной им самим оговоркой: «На точность их я не полагаюсь»². Этот пробел в воспоминаниях Ленина вызвал у некоторых исследователей сомнение в правдоподобности рассказа Мартова, приведенного в своей книге «Записки социал-демократа» этот эпизод. Другой свидетель встречи, Анатолий Ванеев, как известно, умер в ссылке, не оставив никаких воспоминаний. Однако сотрудник Института марксизма-ленинизма Тихомирнов обнаружил в деле енисейского губернского управления

¹ См. Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 334—337.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 414.

№ 11 запись, подтверждающую сообщение Мартова¹. Он действительно был освобожден 5 мая (23 апреля) 1897 года вместе с Ваневым и другими заключенными из Красноярской пересыльной тюрьмы для следования к месту назначения. Эта запись позволяет точно установить дату встречи Владимира Ильича с Федосеевым. Они познакомились в весенний день 6 мая (24 апреля) 1897 года². Ленин стремился поддерживать связь с Федосеевым и после этой встречи. Это видно прежде всего из его письма к Анне Ильиничне от 5 февраля (24 января) 1898 года, в котором он сетует на молчание Федосеева, не ответившего на два письма. «Попеняй ему на это, если будешь писать»³, — просил Ленин. Эта просьба говорит также о том, что и Анна Ильинична продолжала переписываться с Федосеевым. Причина молчания Николая Евграфовича скоро выяснилась. В этом же письме Ленина к Анне Ильиничне Федосееву посвящены еще несколько строк: «Об „истории“ в Верхол(енске) я слышал: отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е. Нет, уже лучше, не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов!»⁴

21 июня 1898 года Николай Евграфович покончил жизнь самоубийством.

«Не ожидал я, что он так грустно кончит»⁵, — с горечью писал Владимир Ильич сестре. Посланное Анной Ильиничной письмо и денежная помощь Федосееву, оказывается, пришли, когда его уже не было в живых. В письме, адресованном матери, Ленин передавал некоторые сведения о событиях, предшествовавших самоубийству, сообщенные Ляховским. Подавленный клеветой, распространяемой неким Юхоцким, Федосеев решил ни от кого не брать никаких пособий. «А его решения были твердые», — добавляет в скобках Ленин. Николай Евграфович поэтому терпел самые крайние лишения, не мог работать и, по его словам, «когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить»⁶.

«Чорт знает что такое! — негодовал Владимир Ильич. — Хуже всего в ссылке эти «ссылчные истории», но

¹ См. «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 225—226.

² См. там же.

³ «Пролетарская революция», 1929, № 4(87), стр. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 170.

⁶ Там же, стр. 175.

я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыт и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу»¹.

Где же письма?

Куда же все-таки девалась чрезвычайно ценная переписка Ленина с Федосеевым, находившаяся, по предположению Анны Ильиничны, в литературном наследии Николая Евграфовича? На этот вопрос удалось частично ответить благодаря усилиям его преданного друга Николая Львовича Сергиевского.

Работая после Октябрьской революции в ленинградском Истпарте и органах Центрархива, он узнал, что пять увесистых томов дела казанского губернского жандармского управления № 14 о Николае Евграфовиче Федосееве еще до 1917 года были уничтожены «за давностью». Но в ленинградском Историко-революционном архиве сохранились три других солидных тома — копия делопроизводства о федосеевском кружке, составившегося из донесений казанского жандармского управления в Петербург. В деле департамента полиции № 129 за 1889 год Сергиевский напел много сведений о том, что представлял собой казанский федосеевский кружок, в одной из групп которого участвовал и молодой Ленин.

В 1923 году в делах владимирского губернского жандармского управления были обнаружены два пакета с вещественными доказательствами по последнему федосеевскому делу. В пакетах находились те самые письма Николая Евграфовича к рабочему Андриевскому, за которые Федосеев был осужден и сослан в Сибирь. В приложенной к этим пакетам описи кроме найденных перечисляются, однако, еще и письма, изъятые из пакетов. Это письма, содержащие критический разбор статей Михайловского и Кривенко, книг Струве, Н — она (Н. Ф. Даниельсона) и Бельтова². Но именно Ленин во время пребывания в Самаре, то есть в период переписки с Федосеевым, посвятил ряд рефератов разбору произведений этих авторов. С этими рефератами в письменной форме или отрывками из них знакомились его единомышленники и в других горо-

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 4(87), стр. 175.

² Псевдоним Г. В. Плеханова.

дах. Сергиевский хорошо помнил, что одно из присланных Федосееву писем было, например, посвящено разбору книг Николая — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». И как раз такое письмо было упомянуто в описи!

Письма теоретического характера, перечисленные в описи, но изъятые из дела Федосеева, как не имеющие к нему непосредственного отношения (описание одного из них сопровождалось именно такой оговоркой: «Не имеет отношения для производства данного дознания»), очевидно, и были присланы Лениным. Автора их жандармы не смогли установить по следующей причине: письма эти, по словам Сергиевского, получала Гопфенгауз. Он или она переписывали эти письма и переправляли Федосееву в тюрьму через заслуживавшего доверие надзирателя. Затем их возвращали Марии Германовне, а от нее они попадали к Сергиевскому. До 1895 года все письма теоретического характера Сергиевский хранил в особом тайнике, потом они ему зачем-то понадобились, он взял их из хранилища и временно спрятал в книжном шкафу в комнате брата, где их и обнаружили жандармы. Одного письма, написанного почерком Федосеева, оказалось достаточно, чтобы возбудить против него новое дело. Так как переписка между Лениным и Федосеевым, по словам Сергиевского, велась без подписи и без обращения, Сергиевский на допросе отказался сообщить имена авторов писем, благодаря этому они и «застряли у жандармов».

Таким образом, пашлись следы ленинских писем, посланных Федосееву в наиболее оживленный период их переписки. Не удалось, однако, установить, были ли эти письма изъяты из пакетов потому, что «не имели отношения к производству данного дознания», и по этой же причине уничтожены, или их подшили к какому-нибудь другому делу и они находятся среди неопознанных рукописей.

Но если вся переписка Владимира Ильича с Федосеевым окончательно утрачена, может быть, есть надежда найти хотя бы те замечания, которые Ленин делал на полях рукописей своего корреспондента. По утверждению их общего товарища Исаака Христофоровича Лалаянца, часть исследования о падении крепостного права перешла к нему с карандашными пометками Ленина. Вскоре после этого в квартиру Лалаянца в Самаре ворвались жандармы.

Роясь в письменном столе, жандармский ротмистр наткнулся на рукопись Федосеева с замечаниями Владимира Ильича на полях и спросил, кто ее автор и где она должна быть издана?

Лалаянц выдал федосеевскую работу за свою и добавил, что собирался послать ее в редакцию одного столичного журнала. Такой ответ должен был бы успокоить ротмистра, однако, продолжая перелистывать рукопись, он вдруг заинтересовался фразой:

«...Таким образом, актом 19 февраля 1861 года натуральное хозяйство было принесено в жертву на алтарь желтолицему господину»¹.

Ротмистр ехидно улыбнулся и высказал сомнение, что какой-нибудь легальный журнал посмеет напечатать такое сочинение. В словах «желтолицый господин» он заподозрил «оскорбление величества». Лалаянц стал доказывать, что это выражение является синонимом власти золота, денег. Это подтвердил и присутствовавший при обыске помощник прокурора, и ротмистр сразу потерял интерес к рукописи. Лалаянц вскоре передал рукопись другому члену самарской «марксистской тройки», Алексею Петровичу Скляренко, у которого через некоторое время тоже был произведен обыск. Но сам Скляренко был арестован позже всех и успел частью уничтожить, частью перепрятать хранившуюся у него нелегальную литературу. Однако именно с тех пор о судьбе рукописи Федосеева с пометками Ленина нет никаких сведений.

После смерти Федосеева сам Владимир Ильич прилагал усилия к сохранению его литературного наследства. Этот факт стал даже известен полиции. Однажды при случайном обыске у политического ссыльного Ивана Зобнина, знавшего Федосеева еще по Казани, жандармы обнаружили экземпляр отпечатанного на гектографе решения товарищеского суда по делу клеветника Юхоцкого. «У политических ссыльных, значит, имеется гектограф!» — всполошились жандармы и приступили к новым обыскам и допросам. Найденная у того же Зобнина расписка иркутской почтово-телеграфной конторы в получении заказного письма, адресованного В. И. Ульянову, оказалась достаточным поводом для непрошеного визита в Шушенское. Налет этот мог причинить Владимиру Ильичу

¹ «Федосеев Н. Е.». Сб. Истпарта, стр. 30.

серьезные неприятности, так как в незастекленной половине книжного шкафа за деревянными дверцами он хранил много всякой нелегалщины и принадлежности для тайнописи. Но Ленин не растерялся, даже сам пододвинул стул к этому шкафу, предлагая жандармскому полковнику начать обыск с верхних полок. Тщательно просматривая многочисленные статистические сборники и выписки из них, сделанные не всегда разборчивым ленинским почерком, жандармский полковник и прокурор утомились. Они поверили на слово Надежде Константиновне, что там хранятся только ее книги по педагогике, и перестали обыскивать нижние полки. Книгами была заполнена и этажерка, а рядом с ними на одной из полок стоял глиняный кувшин, в котором были спрятаны некоторые действительно секретные рукописи. Мать Надежды Константиновны вспомнила об этом и вошла в комнату со словами: «Ах, я старая дура, ах, батюшки, горшок я здесь свой забыла. Наверное, он вам мешает. Дайте-ка мне его». Горшок был завязан тряпкой, и один из непрошенных гостей, не заглядывая в него, отдал старушке, которая тут же унесла его в кухню и бросила хранившися в нем бумаги в печь. Среди них, вероятно, были и рукописи Ленина. Но одно попавшееся на глаза письмо жандармы все же изъяли. Оно было прислано из Верхоленска ссылкой Ляховским. Он извещал Владимира Ильича, что корзина с бумагами Николая Евграфовича отправлена в Красноярск, и высказывал тревогу о ее дальнейшей судьбе.

Это письмо послужило поводом еще для одного расследования. Жандармы сгорали от нетерпения узнать, что это были за бумаги. Владимир Ильич, по-видимому, уклонился от всяких объяснений, и они взялись за автора письма. У Ляховского они смогли только узнать, что «после смерти Федосеева он действительно отправил по его предсмертной просьбе и по указанному им адресу корзину, в которой находилось «литературное наследство» покойного — черновики его литературного произведения, относящегося к истории великой крестьянской реформы». Кому именно отправлена эта корзина, Ляховский отказался сообщить. Ульянову он написал только потому, что хотел выяснить, дошла ли она по назначению.

Фамилия адресата, получившего корзину с рукописями Федосеева, устанавливается по одному из писем

Ленина к Анне Ильиничне. Рассказав ей о смерти Федосеева, Владимир Ильич сообщал, со слов Ляховского, что «Николай Евграфович оставил письмо Глебу и ему же рукописи»¹.

Глеб Максимилианович Кржижановский, подружившийся с Федосеевым еще в Бутырской тюрьме, отбывал ссылку вблизи Красноярска, куда и была послана корзина. Почему же Ляховский не его, а Владимира Ильича запрашивал о судьбе федосеевского наследия? По мнению Сергиевского, интересовавшегося судьбой федосеевских рукописей, Кржижаповский был лишь временным их хранителем. Он обязался привести рукописи в порядок и подготовить к печати, а потом они должны были быть переданы Ленину, взявшему на себя дальнейшую заботу о них. Сергиевский даже высказал предположение, что Федосеев завещал свое литературное наследие Владимиру Ильичу.

Именно поэтому, встретив в 1900 году в читальном зале Псковской библиотеки вернувшегося из ссылки Ленина, Сергиевский и осведомился у него о рукописях своего друга. Владимир Ильич тогда ответил, что они по-прежнему находятся в полной сохранности у Кржижаповского.

«Но, оказывается,— добавляет Сергиевский,— Владимир Ильич тогда знал одно, что корзина с рукописями была переслана Г. М. Кржижановскому и последним получена. Дальнейшей же судьбы рукописей он еще не знал».

Получив сведения, что жандармы продолжают охотиться за корзиной, и имея серьезные основания опасаться обыска, Кржижановский поспешил передать ее на хранение бывшему политическому ссыльному Ковалевскому, служившему с ним вместе на станции Тайга. Уже после Октябрьской революции Сергиевский узнал от жены Кржижановского, Зинаиды Павловны Невзоровой, что Ковалевский так и не вернул корзины с рукописями Федосеева, весившей около пуда или немного более, «но все же меньше двух пудов». Очень расстроенный пришел он однажды к Кржижановскому и признался, что его жена, напуганная слухами о новых обысках и арестах, тайком от него сожгла эти рукописи в печи.

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 4(87), стр. 170.

Все эти показания, однако, говорят о том, что погибли только черновики работ Федосеева. «Не следует ли из этого, что где-то был еще белой список, в корзину не вложенный?» — поставил вопрос Сергиевский.

Дополнительные сведения по этому вопросу сообщила Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, продолжавшая и после смерти Владимира Ильича интересоваться судьбой Федосеевского наследия, в котором, по ее предположению, должна была находиться и чрезвычайно ценная переписка с Лениным.

Председатель совета Истпарта, заведовавший раньше редакционным отделом партийного издательства «Вперед», Михаил Степанович Ольминский однажды рассказал ей, что в 1906 году, то есть через восемь лет после утраты корзины с черновиками Федосеева, кто-то принес в это издательство большой пакет с его рукописями. Одна из них представляла собой толстую тетрадь без обложки. Это была работа о состоянии крестьянского хозяйства до реформы 1861 года. Вполне законченный ценный труд тут же был отдан в набор, но вскоре в издательство нагрянула полиция и после тщательного обыска унесла с собой все рукописи. Так как их не удалось нигде найти и после революции, Анна Ильинична предполагает, что эти рукописи Федосеева сгорели в феврале 1917 года при пожаре архива судебной палаты, разбиравшей дело издательства «Вперед»¹.

Проанализировав разноречивые сведения о судьбе рукописей Федосеева, Сергиевский пришел к выводу, что ходившие по рукам случайные ранние списки отдельных глав его основного труда все же могли где-нибудь сохраниться².

По словам бывшего директора Музея революции старого большевика С. И. Мицкевича, рукопись работы Федосеева о падении крепостного права имелась также в нелегальной библиотеке московского марксистского кружка. Мицкевич получил ее в Нижнем Новгороде от близко знавшего Федосеева по Владимиру судебного работника С. П. Шестернина. Значит, мог уцелеть где-нибудь и один из тех ранних списков, на полях которого делал свои пометки Ленин.

¹ См. «Федосеев Н. Е.». Сб. Истпарта, стр. 18—19.

² См. там же, стр. 111.

«Вся переписка Владимира Ильича с Николаем Евграфовичем велась исключительно через Гопфенгауз, которая переписывала своей рукой все письма и отметки на рукописях, сделанные Владимиром Ильичем». Это свидетельство встречавшегося с Лениным в те годы самарского учителя Белякова указывает еще одно направление для поисков.

«Тюремная невеста» Федосеева, через руки которой прошла почти вся его переписка с Владимиром Ильичем, могла бы в свое время дать ценные сведения о судьбе многих рукописей обоих корреспондентов и снятых ею с них копий. Но она не успела это сделать. В тот день, когда верхоленские ссыльные гурьбой отправились в полицию, чтобы заявить о смерти Федосеева, они узнали там сильно взволновавшую их новость. Из Петербурга в Верхоленск пришло разрешение на переселение туда Марии Германовны Гопфенгауз, отбывавшей в Шенкурске ссылку по делу Федосеева. Этому разрешению она добилась как его невеста при условии, что скоро станет его женой. Перед своим отъездом из Шенкурска Мария Германовна получила письмо от Николая Евграфовича, в котором он ей писал то же, что просил передать и Владимиру Ильичу: «Умираю, не потеряв веры в будущее». «Поддерживать в себе эту веру» была его последняя просьба к ней и к ее товарищам по ссылке. Душеприказчица Николая Евграфовича выполнила его желание — рассказала об этом письме ссыльному Григорьеву, бывшему участнику федосеевского кружка в Казани, переписывавшемуся с Владимиром Ильичем. Но ее собственные нравственные силы иссякли. На следующий день она застрелилась.

«Ужасно это трагическая история!»¹ — только и мог написать сестре глубоко потрясенный этим известием Владимир Ильич.

Преждевременный уход из жизни этих двух спутников молодости Ленина отчасти объясняет, почему в собрании его Сочинений, в «списке неразысканных работ» от издания к изданию неизменно повторяются слова:

«Переписка с Н. Е. Федосеевым»².

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 4(87), стр. 179.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 1, стр. 565.

ВОПРЕКИ «СТОРОННИМ ПРЕПЯТСТВИЯМ»

Личное у Ленина неотделимо от жизни партии. Поэтому и личные письма стали неотъемлемой частью его литературного наследия.

Очень оживленной была переписка с родными в годы сибирской ссылки, и велась она главным образом легально.

«...Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За все три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним»¹, — свидетельствовала Анна Ильинична. Она объясняла это тем, что невольное одиночество располагало к переписке. Но она же отмечала и другое. Владимир Ильич и тогда не отрывался от жизни и в письмах к родным со свойственной ему живостью откликался на самые жгучие вопросы марксистской теории и практики. Анна Ильинична назвала еще одну причину, побуждавшую брата усердно писать домой. «Владимир Ильич хотел частыми известиями хотя бы до некоторой степени успокаивать мать, очень тяжело переживавшую его заключение и с большой грустью отпускавшую его в далекую ссылку»².

«Ну вот, в чем другом, — а в редкости писем меня уж не обвинить! Когда *есть что писать*, — пишу сугубо часто»³, — предупреждал Владимир Ильич упреки родных в письме, посланном еще с дороги. А в одном, отправленном уже из Шушенского, Ленин сообщал: «...Вот уже очень давно, насколько я помню, я пишу еженедельно, а

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 2—3, стр. 194.

² Там же, стр. 194—195.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 28.

иногда случается и 2 раза в неделю, т. е. с каждой почтой»¹.

Это признание дает приблизительное представление о количестве писем, посланных Владимиром Ильичем домой за три года ссылки.

В одном письме, отправленном еще из Красноярска, Ленин просил своих близких писать ему туда на адрес Антонины Максимилиановны Розенберг, сестры Глеба Максимилиановича Кржижановского, уехавшей в Сибирь вслед за своим женихом — политическим ссыльным Старковым². Адрес этой добровольной изгнанницы, прискавшей себе место фельдшерицы на переселенческом пункте, казался Владимиру Ильичу более надежным, чем его собственный. Ведь в Красноярске он был только проездом.

Заботясь о сохранности посылаемых ему писем, Ленин просит наиболее важные оформлять как заказные. «...А то здесь, должно быть, на почте неряшества уйма, так что письма, видимо, теряются (по-видимому, к этому еще добавляются сторонние препятствия)»³, — замечает Ленин в скобках. Нетрудно догадаться, что именно он имеет в виду. В письмах к родным Ленин дважды напоминает о любопытном гоголевском почтмейстере Иване Кузьмиче Шпекине из «Ревизора». Советуя сестре в случае пропажи заказного письма или бандероли непременно требовать вознаграждения, Владимир Ильич добавляет, что только так можно научить сибирских двойников Шпекина «быть аккуратными»⁴. А в письмах к матери он просит передать и шурина не забывать о Шпекиных⁵.

«Не знаю, какие там у вас в России прогрессы, а здесь-то, несомненно, они в полном цвету и интересуются не только тем, скачет ли штандарт и скачут ли барышни»⁶, — предостерегает Ленин. В первом действии комедии «Ревизор», в сцене разговора Шпекина с городничим, почтмейстер пытается заинтересовать «отца города» содержанием вскрытых на почте писем: «Есть прекрасные места. Вот недавно: один поручик пишет к приятелю и описал

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 57.

² См. там же, стр. 32.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ См. там же, стр. 84.

⁶ Там же.

бал в самом игровом... очень, очень хорошо. «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, «в эмпириях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...»» Цитируя именно это место из «Ревизора», Ленин недвусмысленно намекает, что и его переписка просматривается.

Из материалов департамента полиции видно, что едва только родные Ленина переселились из Самары в Москву, районный полицейский пристав еще в декабре 1893 года донес в охранное отделение: «Семья Ульяновых живет скрытно, получает ежедневно громадное количество писем»¹. Вскоре после ареста Ленина в Петербурге полиция перехватила письмо Марка Тимофеевича Елизарова к самарским товарищам Владимира Ильича — Лалаянцу и Складенко.

Департамент полиции продолжал следить за перепиской Ульяновых и после отъезда Ленина в Сибирь. Об этом можно судить хотя бы по такому факту: в делах департамента нашлась выписка из письма Марии Ильиничны к брату, посланного из Подольска в сентябре 1899 года. На этом письме есть пометка директора департамента. Его особенно заинтересовало сообщение, что Марку Тимофеевичу Елизарову удалось поступить в Московское инженерное училище вопреки противодействию полиции, отказавшей в выдаче свидетельства о благонадежности. «Со всей перепиской по поводу поступления Елизарова в доклад г. министру» — гласит грозная резолюция.

Перлюстрация писем, вероятно, иногда задерживала доставку их адресату. Не этим ли объясняются встречающиеся в письмах Владимира Ильича фразы: «Выходит как будто, что пропало еще одно мое письмо»².

«Ты пишешь, что получила письмо мое от 15/XI и не получила предыдущего письма о книгах»³.

Не было ли среди книг, читаемых политическим сыльным Ульяновым каких-нибудь особенно зловредных? Судя по сделанным перлюстраторами выпискам, этим вопросом они очень интересовались. Старательно выписывались также и все имена и фамилии, упоминаемые в письмах Ульяновых. Ленин поэтому избегал называть знакомых по имени и часто ограничивался указанием их профессии: «писатель», «книгопродавец», «историк», «издатель» и т. д.

¹ «Красный архив», 1934, № 1(62), стр. 75.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 110.

³ Там же, стр. 139.

«Китайским путешественником» он окрестил, например, своего самарского товарища Скляренко, переехавшего служить в Мапчжурию. Передвижения двух других волжан — Лалаянца и нижегородского статистика Ионова — послужили поводом для присвоения им кличек: «Колумб» и «Чикагинец».

«Если же в письмах В. И. встречаются все же имена и изредка фамилии,— поясняла Мария Ильинична,— то только товарищей и знакомых, с которыми наше знакомство все равно было установлено полицией»¹.

Некоторые письма Ленина и его родных могли быть утрачены и по небрежности почтовых работников. «У нас почтарь порядочная рохля: то газетку потеряет, то квитанцию забудет отдать, то письма провезет мимо»²,— жаловалась как-то Надежда Константиновна в письме к Марии Александровне Ульяновой. И даже каялась, что мысленно ругает этого недотепу всеми сибирскими ругательствами.

Родным не всегда удавалось сохранять даже прошедшие цензуру письма Владимира Ильича. «При частых переездах из города в город, при многочисленных обысках и арестах, которым подвергался то один, то другой член нашей семьи, многие из его писем либо попали в руки полиции и не были возвращены, либо утрачены иным путем»³,— с горечью писала после смерти Ленина Анна Ильинична⁴.

Судьбу некоторых писем Владимира Ильича, попавших в руки полиции в связи с арестами его близких, удалось выяснить лишь сравнительно недавно. Так, обнаружен след шести писем Ленина, отобранных у Марии Ильиничны при аресте в ночь на 1 марта 1901 года. Короткие выдержки из них были приведены в следственном деле московской группы РСДРП, членом которой она состояла⁵. Следователя заинтересовали главным образом содержащиеся в письмах Ленина скудные сведения о некоторых его знакомых, а также о революционной литературе.

¹ См. *В. И. Ленин*. Соч., изд. 4, т. 37, стр. XIII.

² См. там же, стр. 486—487.

³ См. там же, стр. XII.

⁴ Обе сестры Владимира Ильича и его младший брат Дмитрий постоянно состояли то под особым, то под гласным или под негласным надзором полиции и не раз арестовывались и ссылались.

⁵ См. *В. И. Ленин*. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 463—464.

В фонде московской судебной палаты, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве, удалось найти протокол допроса Марии Ильиничны по поводу этих писем. На все вопросы следователя сестра Ленина давала уклончивые ответы, категорически отказывалась объяснять неясные места в письмах брата.

«Инициалы «С. Ив., Ап. А.» и фамилия Лепешинских, упоминающиеся в письме брата моего Владимира с датой 4. IX—98, я объяснить не могу, так как письмо это было адресовано не ко мне, а к моей матери, а мне было переслано ею в Брюссель для прочтения, ибо в нем были интересовавшие меня места о жизни брата в Сибири»¹.

Мария Ильинична, конечно, отлично знала, что «С. Ив.» — это Сергей Иванович Мицкевич, активный участник московской организации РСДРП, сосланный в Средне-Колымск, а «Ап. А.» — Апполинария Александровна Якубова, петербургская курсистка, осужденная по делу «Союза борьбы». Не были для нее пустым звуком и имена П. Н. и О. Б. Лепешинских, но она, конечно, скрыла это от следователя. Не узнал он от нее никаких подробностей и относительно назначения революционной литературы, упоминаемой в письмах В. И. Ленина.

«...Письмо моего брата Владимира от 3. 7. 99, где он мне указывает на источники ознакомления с марксизмом, является ответом на мое письмо, где выражалась просьба дать упомянутые указания»², — записано в протоколе.

В действительности Владимир Ильич сообщил сестре программу по изучению марксизма не для личного ознакомления; это была программа занятий для московских рабочих кружков.

Подлинников писем В. И. Ленина, отобранных при аресте Марии Ильиничны, в деле не оказалось. Они не были ей возвращены и, вероятно, остались в московском охранном отделении. Возможно, что эти письма уничтожил пожар в помещении жандармского управления, произошедшего в 1917 году бывшими агентами охраны.

Даже легальная переписка Ленина, не содержащая никаких условных знаков, требует умения читать между строк, хотя под ними и нет химического текста. «Личная легальная переписка, несомненно, сильно страдала и

¹ «Вопросы архивоведения», 1960, № 5, стр. 12.

² Там же.

урезывалась нами из-за полицейских условий»¹, — вспоминала Мария Ильинична. «Очень уже трудно в нашем (в твоём и моём особенно) положении вести переписку, как хочется»², — вырвалось однажды у Владимира Ильича. Не прибегая к условным знакам, он вынужден был о многом говорить иносказательно, намеками, так называемым эзоповским или рыбьим языком. Важнейшую свою работу — законченное в ссылке исследование «Развитие капитализма в России» — Ленин в письмах к родным обычно называл одним словом: «рынки». Иногда он скупко сообщал: «Про себя писать, право, нечего. Потому и письма коротки, что жизнь слишком однообразна... сегодня читаешь одну книгу, завтра — другую; сегодня идешь гулять направо из села, завтра — налево; сегодня пишешь одну работу, завтра — другую»³. Его родные, конечно, и не требовали большой откровенности. Впрочем, в одном из писем к младшей дочери, уехавшей в Брюссель, Мария Александровна пожаловалась: «...В и Н (Володя и Надя) заежились писать, если В (Володя) пишет, то только о Рынках, с примечаниями, замечаниями и проч. и проч., а о себе ничего. Хочу обратиться с ними»⁴. Все же Владимир Ильич ухитрялся и в легальных письмах, остроумно комбинируя научные термины с условными выражениями или с иностранными словами, высказывать свои взгляды по многим актуальным вопросам, давал очень сжатые, но меткие характеристики своим политическим противникам. Получив наконец осенью 1899 года наделавшую много шума книгу «новейшего героя оппортунизма» Эдуарда Бернштейна («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), Ленин в первом же письме, адресованном матери, дает этой книге краткую, но исчерпывающую оценку: «Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм... и притом все же *трусливый* оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет»⁵. Ленин особенно негодует по поводу похвал, расточаемых этому махровому оппортунисту его русскими

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. XII.

² Там же.

³ Там же, стр. 58.

⁴ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 8.

⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 209.

подголосками, и тут же добавляет: «Напишу Анюте вскоре подробнее на эту тему». «Подробнее» означало нелегально, химией.

«...Вся деловая переписка (все сообщения о революционных событиях, жизни партии и т. п.) велась нами в те времена конспиративно, химией»¹, — поясняла Мария Ильинична, а Анна Ильинична уточняет, что на наших «weiss auf weiss», что значит белым по белому, то есть молоком или химией, она описывала не только «партийное или нелегальное», но и все «самое интересное», о чем она узнавала во время поездок в Петербург и при встречах с людьми, приезжавшими из других городов и из-за границы². Как раз эта, особенно важная часть переписки Владимира Ильича со своими близкими или с участниками общего революционного дела погибла безвозвратно, потому что химические письма обычно уничтожались сразу же по прочтении.

Как же хотя бы приблизительно восстановить содержание этой переписки?

Ценным источником могли бы служить ответные письма корреспондентов Ленина, но Владимир Ильич их не сохранял по многим соображениям.

В химических же письмах Ленина наряду с меткими в два-три слова характеристиками, даваемыми людям и течениям в партии, встречались и свойственные ему в свободном разговоре резкие, решительные выражения.

В отличие от легальных писем химические всегда доходили. «Ни разу за все три года ссылки Ильича ни одно из таких писем не пропало, не обратило на себя внимание. Никто, кроме самых близких людей, не знал, каким способом велась переписка. Все письма, кроме того, шифровались»³, — раскрыла впоследствии секреты этой переписки Анна Ильинична.

Лишь отдельные фразы в уцелевших легальных письмах Ленина к своим близким наводят на след полученных и отравленных им химических.

В письме от 24 февраля 1898 года Ленин сообщает родным, что получил много весточек «со всех концов России и Сибири» и поэтому был весь день празднично

¹ См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 4, т. 37, стр. XII.

² См. «*Пролетарская революция*», 1929, № 2—3, стр. 202.

³ Там же.

настроен¹. Перечисляя полученные журналы, Ленин называет три издания: «Юридический вестник», «Статистический временник» и «Дневник съезда техников». Первое, очевидно, было необходимо Владимиру Ильичу как юристу: в Шушенском к нему иногда обращались за советами по судебным делам местные крестьяне. Автор работы «О рынках» в «Статистическом временнике», вероятно, находил полезные сведения. Но чем же так понравился Ленину отчет о каком-то съезде «техников», что, поблагодарив за присылку журналов, он счел нужным добавить: «Последний был очень интересен, и Анюте за него особенное спасибо»². Интересен был, конечно, не этот отчет, а письмо, написанное между строк химпией. Вставленное Лениным в скобках слово «техников» содержит намек на конспиративную технику, которой пользовалась его сестра, посылая это письмо.

В другом легальном письме встречается: благодарю за «биографию Коханской»³. Чем привлекла Владимира Ильича эта книга?

Ее написала известная в свое время, но посредственная писательница Кохановская⁴. Сомнительно, чтобы Ленину стал читать ее сентиментальные сочинения, в которых можно найти такие строки: «Простой белый стол, на нем наша библия, и вишня в отворенное окно осыпает ее своими цветами...»⁵; «Я жила в разрисованных, лакированных комнатах; лакеи в белых перчатках служили мне; французская кухня кормила; ела я с серебряных блюд и серебряными вилками; полковник с деньгами и бриллиантами сватался за меня»⁶.

В предисловии к этой книге, между прочим, сказано, что произведения Кохановской так понравились государыне императрице, что она пожелала познакомиться с писательницей и подарила ей драгоценную брошку. Вряд ли вкусы Владимира Ильича и «государыни императрицы» совпали. Очевидно, между строк рассказа были вписаны молоком или лимонным соком какие-то очень ценные сведения.

¹ См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 4, т. 37, стр. 91.

² Там же.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Псевдоним Н. С. Коханской.

⁵ *Н. С. Кохановская. Биографич. очерк.* Спб., 1909, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 105.

В письме от 4 апреля 1899 года Владимир Ильич подтверждает получение трех других изданий: журнала «Практическая жизнь», выпускаемого «Обществом счетоводов», книги И. Ф. Циона «Нигилисты и нигилизм» и немецкой грамматики Гейзе. Усердно занимавшийся в ссылке немецким языком, Владимир Ильич благодарит сестру за присылку грамматики, которую он называет очень хорошей вещью¹. Что же касается журнала и книги Циона, то, по словам Анны Ильиничны, они были использованы для пересылки химических писем.

Еще в первый год своей жизни в Шушенском Владимир Ильич как-то попросил Анну Ильиничну выписать для него «Известия по литературе, наукам и библиографии» — новый справочник, выпускаемый владельцем книжных магазинов М. О. Вольфом. Дешевая цена, объяснял он свою просьбу, — тридцать пять копеек в год. «Я хочу посмотреть, что это за изданице»².

Вероятно, Ленин уже тогда предвидел, что это «изданице» может пригодиться и для другой цели. «Журнальчик Вольфа недурен и дешев баснословно», — пишет Владимир Ильич, получив справочник. А спустя некоторое время он извещает мать, что послал на ее имя небольшую заказную бандероль — тот номер «Известий», который якобы его просили вернуть. Между строк, содержавших сведения о вновь вышедших книгах, по свидетельству Анны Ильиничны, было вписано очередное химическое письмо от брата.

С помощью Анны Ильиничны, ездившей летом 1897 года за границу, Ленин восстановил связь с группой «Освобождение труда», прерванную его арестом. «Я очень и очень рад, что мне удалось-таки получить от Вас письмо... и вести о Вас и о Г. В.»³, — писал Владимир Ильич из Сибири 15 августа 1897 года Аксельроду. «Про меня вам, конечно, рассказывали достаточно так, что добавлять нечего», — сообщал Ленин, объясняя краткость своего письма и, конечно, не называя имени рассказчика, которым была его собственная сестра. Письмо было посвящено главным образом вопросу о способе дальнейшей переписки, от чего зависело участие Владимира Ильича в создании марксистской литературы для рабочих.

¹ См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 4, т. 37, стр. 183.

² Там же, стр. 67.

³ *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 4, т. 34, стр. 4.

Получив однажды из Швейцарии отчет о Бреславльском съезде германской СД партии, вклеенный в переплет какой-то книги, Ленин тогда писал Аксельроду: «Расклеили с несказанными усилиями, причем большую часть изорвали (письмо благодаря хорошей бумаге оказалось целым)»¹.

В переплете книг были, например, переправлены за границу написанные в ссылке работы Ленина «Задачи русских социал-демократов», «Новый фабричный закон» и «Анти-кредо». Переплетенные по этому способу книги проходили через несколько рук, они посылались на так называемые «чистые» адреса — лицам, за которыми не было наблюдения.

Когда Анна Ильинична сама уехала за границу, книга была прислана и ей. Она расклеила переплет, извлекла из него химическое письмо брата и, проявив его, обнаружила в нем текст другого письма, предназначенного Аксельроду, которое она ему и переслала, поступив таким же образом: Анна Ильинична включила письмо Ленина к Аксельроду в текст своего письма к нему же. Из писем, посланных Лениным Аксельроду из Сибири, сохранился текст только одного этого письма.

Прежде чем условиться о способе дальнейшей переписки, Ленин поблагодарил основателей группы «Освобождение труда» за их одобрительный отзыв о его брошюре «О штрафах», отпечатанной в лахтинской типографии и пересланной в Швейцарию. «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих», — писал Владимир Ильич. Но как это сделать отсюда? — спрашивал он и сам же отвечал: «Очень и очень трудно, но не невозможно»². Ленин это доказал, написав в ссылке «Новый фабричный закон». Так как в России эту брошюру нельзя было напечатать, он заделал ее рукопись в переплет какой-то книги по испытанному способу и переслал за границу.

Группа «Освобождение труда» могла напечатать эту работу Ленина в Женеве только в 1899 году без имени автора на обложке. Таким образом, прошло целых два года, пока это произведение Ленина, обращенное к массовому рабочему читателю, смогло начать свой обратный

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 34, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

путь в Россию. В письме Аксельрода к Плеханову от 25 апреля 1898 года есть приписка: «Газеты и манускрипт вышли на днях»¹. «Манускрипт» — это и есть извлеченная из переплета и, вероятно, после этого переписанная начисто рукопись статьи Ленина.

В пересланной таким же способом из Сибири за границу работе «Задачи русских социал-демократов» Ленин подвел итоги деятельности петербургского «Союза борьбы» и обрисовал задачи, стоявшие перед русским социал-демократическим движением. Дважды после этого переизданная в Женеве брошюра в течение многих лет переправлялась разными путями в Россию и получила широкое распространение среди передовых рабочих. Подлинник этой рукописи Ленина был уничтожен после того, как с него была снята копия, вероятно та самая, которая теперь хранится в Институте марксизма-ленинизма.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1, стр. 11—12.

ТАЙНУ ХРАНИТ ВОЛГА

Чаще, чем с другими ссыльными, Ленин встречался с Глебом Максимилиановичем Кржижановским, не раз гостившим в Шушенском. Перед отъездом Ленина из Сибири они долго гуляли по берегу Енисея, и Ильич посвятил своего собеседника в самые сокровенные планы. В промежутках между встречами они деятельно переписывались. «Горько мне вспомнить о том, что эта груда писем от Владимира Ильича, полученная мной за время ссылки, погибла в результате тех мытарств и непрерывных полицейских репрессий, которым пришлось подвергаться в дальнейшем». Это признание Глеба Максимилиановича как будто не оставляет никаких надежд, что ленинские письма к нему в период сибирской ссылки могут быть когда-нибудь найдены. Но при каких именно обстоятельствах они были утрачены? Попытка уточнить этот вопрос не приводит к столь обескураживающим выводам. Оказывается, Кржижановский сохранил около двухсот ленинских писем и привез их из ссылки в Самару. Отсюда он продолжал поддерживать связь с Лениным, выполнял многие его поручения и по настоянию Владимира Ильича взял на себя руководство Центральным бюро русской организации «Искры».

Вскоре после образования этого бюро на адрес фотографа Пинкау в Лейпциге, пересылавшего тайную корреспонденцию в редакцию «Искры», пришло письмо от Клэра. Этим псевдонимом пользовался Кржижановский по окончании ссылки.

«...За нами отчаянно следят. Опыт показал, что, чтобы что-нибудь сделать под нашей фирмой, надо быть гением

конспирации. Очевидно, надо переходить на нелегальное положение...»¹ — писал он Ленину.

«Клэру обязательно спастись и для этого немедленно перейти на нелегальное.

...Берегите себя пуще зеницы ока — ради «главной задачи»»² — так ответил на это письмо Ленин. Из дальнейшей переписки Феклы с Соней (редакции «Искры» с ее русским бюро) видно, что Кржижановский не смог перейти на нелегальное положение из-за болезни.

«Клэр сейчас очень болен», — сообщила его жена в «Искру» и добавила в скобках «буквально», опасаясь, что эта фраза может быть понята в переносном смысле, как сообщение о его аресте. Но, несмотря на болезнь, Кржижановскому уже была вручена повестка из жандармского управления.

Вероятно, именно в эти дни, готовясь по указанию Ленина к переходу на нелегальное положение, Кржижановский и передал самарскому товарищу опытному конспиратору Василию Петровичу Арцыбушеву пакет с сибирскими письмами Владимира Ильича. Дальнейшая судьба этого большого собрания ленинских писем связана уже с его именем.

Василий Петрович Арцыбушев был хорошо известен многим поколениям русских революционеров. Сын курского помещика, он разделил доставшееся ему в наследство имение между бывшими крепостными своего отца, а сам, надев лапти и залатанный зипун и захватив с собой плотничий инструмент, пошел бродить по деревням. За пропаганду идей «Земли и воли» Арцыбушева не раз сажали в тюрьму и наконец сослали в Сибирь. Там он взялся за изучение Маркса, стал социал-демократом. Из далекого Верхоянска Арцыбушев вместе с восемью другими ссыльными пытался бежать на самодельном боте, построенном по чертежам потерпевших крушение американцев — участников известной полярной экспедиции де Лонга.

Беглецы успели проплыть по реке сотни верст, но их задержали льды, а тем временем подоспел посланный за ними в погоню карательный отряд. Арцыбушеву продлили ссылку еще на два года. Осев по окончании ее в Самаре, он продолжает здесь революционную работу, входит в

¹ «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 146.

² Ленинский сборник VIII, стр. 232.

русский комитет «Искры», потом в областной комитет социал-демократической партии. Так же как и за Кржижановским, за ним непрерывно следит охранка. Арцыбушеву нелегко было скрываться от шпииков. Слишком заметны были его грузная фигура и львиная голова с большой гривой волос, напоминавшая голову Маркса. И в Самаре наступил момент, когда он стал опасаться ареста. Поэтому Арцыбушев и решил подальше спрятать доверенный ему Кржижановским сверток с ленинскими письмами. И вот план уже разработан! Письма уложены в небольшой оцинкованный ящик, завернутый в толстую бумагу.

В погожий летний день — это было в воскресенье — Арцыбушев с женой, сыном Борисом и одним молодым социал-демократом, по фамилии Елькин¹, отправились на прогулку. Они спустились к берегу Волги по Заводской улице (теперь переименованной в улицу Венцека) и сели в лодку. Василий Петрович сузил под сиденье сверток и лопату. Пятнадцатилетний сын Арцыбушева и Елькин взялись за весла. Уже начало смеркаться, когда лодка пересекла Волгу и причалила к лесистому безымянному острову у противоположного берега. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Арцыбушев вытащил из-под сиденья лопату и сверток и зашагал в глубь острова.

Спутники его остались у берега и начали собирать сучья для костра, готовить ужин. Спустя некоторое время Арцыбушев вернулся уже без свертка. За ужином он не сказал ни слова о содержимом зарытого им ящика. Да никто об этом и не спрашивал. В качестве «специалиста по сапожному делу» (так обычно называли революционеров, заведовавших нелегальным паспортным бюро) Василию Петровичу приходилось нередко прятать в разных местах фальшивые паспорта, заготовленные для бежавших из Сибири ссыльных, и секретные партийные документы. Жена его, работавшая шифровальщицей и не раз проявлявшая химические письма Ленина и Крупской, умела хранить тайны. Участники этой поездки понимали, что Василий Петрович пригласил их всех главным образом «для отвода глаз». Семейная прогулка на лодке незрений ни у кого не вызывала.

Вскоре Арцыбушев уехал в Уфу. Сыну его, в памяти которого сохранились все эти подробности, пошел по от-

¹ Елькин впоследствии погиб в боях с колчаковцами.

новскому пути и тоже стал с юных лет профессиональным революционером — отведал тюремной похлебки, был на каторге и в ссылке. Жили они поэтому врозь. В 1905 году встретились в Самаре. В домике Арцыбушева разместился революционный штаб. В годы реакции оба они — отец и сын — были опять арестованы. В 1907 году перед высылкой Арцыбушева в Вологду он увиделся с сыном в самарской тюрьме. Борису пришлось отбывать каторжные работы в уфимском центре. Потом и отец приехал в Уфу, а сына выслали в Иркутск. Накануне 1 мая 1917 года, всего за полгода до Октябрьской революции, Борис получил тревожную телеграмму: «Выезжай немедленно», но он застал старика уже при смерти. Разъезжая по заданиям партии по уральским заводам, Арцыбушев в дороге заразился тифом. Василий Петрович умер, не придя в сознание, и не успел никому сообщить о местонахождении оцинкованного ящика, раскрыть тайну, которую знал только он один, — в каком именно месте зарыты письма Ильича...

Прошло десять лет. Осенью 1927 года, когда Глеб Максимилианович Кржижановский передавал представителю Института Ленина сохранившиеся у него ленинские документы более позднего периода, секретарь партийного архива А. Лашин стал расспрашивать близкого товарища Владимира Ильича о судьбе многочисленных писем, полученных им от Ленина в годы сибирской ссылки.

Кржижановский ответил, что из этой переписки не уцелело ни одной строки, но тут же вспомнил, что все эти письма — а их было около двухсот — он передал самарскому социал-демократу Василию Петровичу Арцыбушеву, погибшему в годы гражданской войны. Глеб Максимилианович, по-видимому, не знал о подлинных обстоятельствах смерти Арцыбушева. Но он тогда же рассказал представителю института, что письма были уложены в оцинкованный ящик и зарыты где-то под Самарой. Где именно, он не мог вспомнить.

Об этом разговоре с Кржижановским А. Лашин сообщил заведующему партийным архивом Герману Александровичу Тихомирнову. В бумагах архива хранится его служебная записка. Из других документов видно, что Г. А. Тихомирнов в 1931 году договорился с Средне-Волжским краевым комитетом партии об организации раскопок на одном из островов близ Самары, на подгорной стороне

Волги, против села Рождествено. От этого села остров отделяется притоком Волги — рекой Воложкой. Выяснилось, что остров не маленький — более километра в длину и около четверти в ширину и покрыт лесом и маленькими озерами.

Приступая к поискам оцинкованного ящика, Тихомиров поделился с секретарем крайкома своими соображениями: закапывая этот ящик, Арцыбушев, вероятно, подумал и о приметах, с помощью которых письма можно было бы опять найти. Скорее всего такой приметой было какое-нибудь высокое дерево, заметное уже тогда, в 1902 году, или, может быть, старый пенёк. Ящик, должно быть, зарыт на высоком месте, где ему не угрожала опасность оказаться под водой во время разлива.

Весной 1931 года волжские комсомольцы и пионеры взялись за лопаты, но это была только первая разведка. Отсутствии точных ориентиров привело к распылению сил, и поиски были временно прекращены.

В 1940 году на одном из совещаний, посвященных розыску второго выпуска «Друзей народа», обсуждался вопрос и о возобновлении поисков сибирской переписки.

В качестве консультанта был привлечен сын Арцыбушева, работавший в это время в Москве в Центральном статистическом управлении.

Трудно было вспомнить еще какие-нибудь подробности того вечера, когда пятнадцатилетний подросток вместе с отцом отправился на безымянный остров. Юноша воспринимал эту поездку как обычную прогулку. Сын Арцыбушева смог только припомнить, что лодку все время сносило вниз по течению. Они подошли к берегу немного ниже Воскресенского спуска, когда уже стемнело. Затем поплыли к нижней оконечности острова, круто подымавшейся вверх и заросшей лесом. Приставать здесь было неудобно, и никто и не пытался это делать. Отец, очевидно, именно поэтому подвел сюда лодку. Что касается примет, которые помогли бы отыскать ящик, сын Арцыбушева высказал такое предположение: «Отец много жил в Сибири. Там охотники в лесах делают заметки на деревьях. Вероятно, и Арцыбушев сделал затес на ближайшем дереве»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 1, ед. хр. 243, л. 68—69.

Куйбышевский комитет партии поручил отделу пропаганды и агитации организовать в 1940 году поиски ленинской корреспонденции.

Единственный оставшийся в живых участник прогулки на безымянный остров перед отъездом из Москвы зашел к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому, с которым он был хорошо знаком с юношеских лет. Не рассказывал ли когда-нибудь Кржижановскому Василий Петрович, где именно зарыт оцинкованный ящик? «Да, такой разговор был», — подтвердил Глеб Максимилианович. Арцыбушев ему однажды сказал, что ящик он зарыл в хорошо выбранном месте под высокой и очень приметной красивой сосной. «Так законал, что теперь ни один черт не сыщет». Никаких подробностей, где именно находится эта сосна, он не сообщил.

Куйбышевский областной комитет партии приложил много усилий для розыска писем Ленина. К участию в поисках были привлечены все, кто мог сообщить сколько-нибудь полезные сведения, опытные волжские водники, даже саперы со всей имеющейся в их распоряжении техникой.

Работники обкома вместе с сыном Арцыбушева тщательно обследовали район, где мог быть зарыт клад. Водники уверяли, что за сорок лет остров на четыреста метров размыт Волгой, другие считали, что всего только на двести. За островом образовался длинный большой проток, возможно скрывший под своей поверхностью как раз ту его часть, где могли быть зарыты ленинские письма. Высоких сосен на волжских островах было много, и все они казались приметными и красивыми.

Партработники разыскали одного старого водника, участника постройки плотины, перегородившей широкий проток у самого города. Он подтвердил, что Волга действительно отступила от левого берега и подмыла правый.

Поиски и на этот раз были безрезультатными. Партработники пришли к выводу, что та часть острова, где зарыты письма, вероятно, залита водой.

Розыски оцинкованного ящика неоднократно возобновлялись и после войны, но они тоже были безуспешными.

Для согласования усилий изыскателей при Куйбышевском горкоме ВЛКСМ был создан инициативный штаб по розыску ленинских писем. Уточняя район поисков, этот штаб затребовал из архивов копии старых географиче-

ческих и топографических карт правобережья Волги с нанесенными на них островами. Молодые геофизики вместе со студентами индустриального института испробовали некоторые научные приборы. Они закапывали изделия из цинка и снова находили их. Показания прежних карт и рассказы старых волгарей сопоставили с новыми топографическими данными.

Несколько островов, разбросанных у правого берега Волги были искожены вдоль и поперек, во многих местах пустили в ход заступы, кирки и лопаты, но оцинкованный ящик, как заколдованный, не давался в руки.

Быть может, поиски шли по неверному пути и утраченные письма находятся за пределами обследованных районов? Ответить на этот вопрос мог только В. П. Арцыбушев сам.

Но хочется верить, что тайна бесценного клада будет разгадана.

БОЙ НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВИКОВ

В государственных и партийных архивах сохранилось немало документов о том, как распространялась и выполняла свою историческую задачу ленинская «Искра». Важнейшие из них — около трех тысяч «единиц хранения» — находятся в Центральном партийном архиве ИМЛ. Это прежде всего сосредоточенные в фонде № 2 статьи и другие материалы, написанные в те годы В. И. Лениным.

Большинство писем Ленина, адресованных членам редакции и агентам «Искры», а также и искровским группам в России, хранится в подлинниках и лишь немногие — в копиях, сделанных Н. К. Крунской. Но и в этом драгоценном фонде есть серьезные пробелы. Институт располагает лишь немногими рукописями напечатанных в «Искре» и «Заре» ленинских статей. Между тем их было более шестидесяти. Правда, все эти статьи напечатаны в прижизненных изданиях, просмотренных Владимиром Ильичем, и во многих случаях печатному тексту следует отдавать предпочтение перед рукописным. Ведь это окончательная редакция, одобренная самим Лениным. Но исследование некоторых уцелевших подлинников как раз и показало, что вопрос о том, какой вариант — рукописный или печатный — следует предпочесть, может быть окончательно решен только путем их сравнения и изучения истории рукописи. Это убедительно доказывает история сохранившейся рукописи статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», опубликованной в 1901 году в журнале «Заря»¹.

Рукопись состояла первоначально из трех тетрадей, написанных ровным мелким почерком Владимира Ильича

¹ См. «Заря» № 4.

черными чернилами. При наборе статьи эти тетради были разорваны по листам, вероятно, в типографии. На листах имеются пометки с названиями шрифтов, следы типографской краски.

В одном из пунктов сохранившегося в бумагах Ленина проекта договора об издании «Зари» и «Искры» оговорено, что «все принципиальные и имеющие особенно серьезное значение статьи редакция сообщает ... всем членам Группы «Освобождение Труда»»¹. Написанное Лениным для журнала «Заря» разъяснение аграрной программы русской социал-демократии как раз и было такой статьей.

«...Окончательно сломить господство крепостников-помещиков, чтобы совершенно очистить нашу деревню от всех следов крепостничества»² — вот к какой цели, по мнению Ленина, должны были звать требования, выдвигаемые программой РСДРП. Первым шагом на этом пути должно было быть возвращение крестьянам земель, отрезанных в пользу помещиков при проведении реформы 1861 года. Но Ленин коснулся в своей статье и вопроса о национализации земли. Отметив, что этот лозунг «идет дальше» требования вернуть отрезки, Ленин прямо заявил, что *«в известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть»*³. Именно это место статьи вызвало решительные возражения со стороны тех редакторов «Искры», которые впоследствии стали меньшевиками. На обратной стороне ленинской рукописи они сделали ряд замечаний, предложили свои поправки «частью литературного, частью политико-дипломатического характера». Так их охарактеризовал Аксельрод.

Заботясь о сохранении единства внутри редакции, Ленин пошел навстречу пожеланиям ее членов и внес в рукопись некоторые изменения. Так как на этих изменениях настаивал главным образом Плеханов, рукопись была послана ему для вторичного просмотра. Ободрила ли его уступчивость Ленина, или Плехановым овладел новый порыв честолюбия, но он испещрил однажды уже просмотренную им рукопись новыми замечаниями, носившими характер явных придирок. Поступая так, Плеханов возродил старый спор о непререкаемости его суждений, из-за которого «чуть не потухла «Искра»», и сделал новую по-

¹ Ленинский сборник I, стр. 77.

² Ленинский сборник III, стр. 332.

³ Там же, стр. 352.

пытку решить этот вопрос в свою пользу. Члены его группы — Аксельрод и Засулич — с оговорками присоединились к этим возражениям. Рукопись вернулась к Ленину, вдоль и поперек исписанная их замечаниями. Но на этот раз, возмущенный поведением Плеханова, Ленин категорически отказался что-либо менять. Рядом с замечаниями Плеханова он решительно вписал свои возражения. Общее число поправок и исправлений, включая и ответные замечания Ленина, перевалило теперь за сотню. К рукописи пришлось добавлять чистые листки. На последнем из них Ленин дал общую оценку действиям Плеханова.

«Замечания «автора замечаний», — писал он, — показывают с полной ясностью только следующее. Если он поставил себе целью сделать невозможной совместную работу... несогласных с ним, хотя бы в неважных вопросах, товарищей, то он очень быстро и верно идет к сей благородной цели. Но он же пусть несет и последствия, если он ее достигнет»¹.

Приниска кончалась сравнением Плеханова с кучером, убежденным, что хорошо править лошадьми можно, только если почаще и посильнее их дергать. *«...Но бывает ведь, — предостерегал Ленин, — что даже самая задерганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера»².*

Дальнейшее развитие этого конфликта, для предотвращения которого Ленин приложил немало усилий, можно проследить по сохранившейся в Институте марксизма-ленинизма внутриредакционной переписке «Искры».

Большинство ленинских писем было получено из архивов Плеханова и Аксельрода в обмен на подлинники их писем. Разгоревшаяся вокруг статьи Ленина полемика занимает важное место в редакционной переписке за лондонский период с первых же дней после переезда «Искры» в Англию. В бумагах Ленина сохранился набросок его короткого письма к Плеханову, повторяющий основную мысль последнего ленинского предостережения на рукописи статьи.

Судя по тому, что подлинника этого письма не оказалось в архиве Плеханова, оно, может быть, и не было отослано. Другие члены редакции поторопились общими усилиями уладить конфликт. Но для Ленина он был тревож-

¹ Ленинский сборник III, стр. 394.

² Там же, стр. 395.

ным сигналом. Владимир Ильич убедился, что при данном составе редакции в ее работе возникают серьезные трудности. Именно это убеждение заставило его впоследствии выступить с предложением о сокращении редколлегии до трех человек.

По совету Засулич Плеханов согласился изменить одно место в своей статье о проекте программы РСДРП, не понравившееся Ленину. Сообщая об этом Владимиру Ильичу, он нашел нужным добавить: «Поверьте одному: я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75% мы с вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии»...» В письме высказывалась готовность «во имя единомыслия позабыть о разногласии». В другом письме, адресованном уже Вере Засулич, Плеханов соглашался на опубликование статьи Ленина без всяких изменений, но при одном условии, что и «мне будет предоставлено право высказать в программной статье свой взгляд на отрезки».

«Большой камень свалился у меня с плеч»¹ — этими словами начал Ленин свое ответное письмо. Он был удовлетворен тем, что «междоусобие» предотвращено («ибо партийные последствия были бы самые печальные»), и теперь тоже не возражал против внесения некоторых изменений в статью об аграрной программе уже в корректуре. Весь раздел, посвященный требованию национализации земли, и некоторые другие места были после этого опущены. Статья «Аграрная программа русской социал-демократии» появилась в августе 1902 года в четвертом номере журнала «Заря» в урезанном виде.

Только после Октябрьской революции, когда в бумагах Ленина был найден подлинник этой статьи, стало известно, что Владимир Ильич еще в начале 1902 года отстаивал лозунг национализации земли против будущих меньшевиков. Данное им в статье обещание выдвинуть в известный революционный момент этот лозунг Ленин осуществил дважды: в 1905-м и в 1917 году, причем в последний раз этот лозунг был не только брошен в массы, но и проведен в жизнь. Полный же текст статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», восстановленный по рукописи, был напечатан только после Октябрьской революции в собрании Сочинений Ленина.

Тянувшийся четыре месяца конфликт был наконец по-

¹ Ленинский сборник III, стр. 433.

тушен. Но спор, начавшийся на полях ленинской рукописи, не мог, конечно, заглухнуть. Непонимание революционного характера выдвинутого Лениным лозунга национализации земли было главным источником тактических ошибок, допущенных Плехановым и его единомышленниками в дни первой русской революции, когда крестьяне сами стали отбирать землю у помещиков. Реакционность позиции меньшевиков в этом вопросе была убедительно доказана Лениным в его более позднем труде — «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», — история которого также заслуживает подробного рассказа.

Эта большая работа Ленина была написана в ноябре — конце декабря 1907 года и должна была войти во второй том его Сочинений, подготовленный к выпуску издательством «Зерно». Весной 1908 года этот том был набран и отпечатан тайком в петербургской «Русской скоропечатне» в виде второй части уже выпущенного второго тома ленинского сборника «За 12 лет». Но издательство «Зерно» к этому времени уже было разгромлено охранкой, и в его помещении устроили засаду. Жандармам удалось перехватить принесенные на просмотр корректурные листы и изъять ленинскую рукопись.

Эту рукопись арестованный руководитель издательства большевик Кедров увидел на столе у жандармского ротмистра во время допроса. Рядом с ней лежала рукописная копия статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», напечатанной в 1902 году в «Заре» после четырехмесячных споров, и тоже предназначенная для сборника.

«Придвинув ко мне объемистую рукопись, написанную убогим шрифтом на листах большого формата, — рассказывает Кедров, — жандарм спросил, не я ли издатель вот этой книги? Бегло просмотрев, я ответил утвердительно и выразил возмущение, что книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя и к тому же в наборе, задерживается печатанием. По-видимому, делается это умышленно, чтобы разорить издательство.

Ротмистр обиделся... Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной... В подтверждение этих слов жандарм нагнулся к рукописи и, перелистав несколько страниц,

ткнул пальцем на несколько строк в примечании, подчеркнутых жирным синим карандашом.

— Вот, прочтите...»¹

Это была сноска, сделанная Лениным, в которой говорилось о том, что старые русские революционеры, народники, бунтари никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, на долю же социал-демократов выпало распространить требование республики в массе. Вот это-то слово «республика» и было особенно жирно подчеркнуто жандармским ротмистром.

Перелистывая рукопись, Кедров нашел еще несколько жандармских пометок на более ранних статьях Ленина. Последняя же большая его работа, посвященная аграрной программе 1905 года, казалась непрочитанной. На ней не было ни одной пометки. Тем не менее ротмистр возбудил ходатайство об уничтожении этой рукописи. С.-петербургская судебная палата вынесла соответствующее определение, и весь тираж сборника был действительно уничтожен, кроме одного-единственного экземпляра, в конце которого недоставало несколько страниц. Книга обрывалась на словах: «Реформаторский путь создания юнкерски-буржуазной России необходимо предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное...»

Этот уцелевший экземпляр в 1917 году, когда Ленин уже вернулся на родину, был использован для выпуска нового, фактически первого издания ленинской работы.

Владимир Ильич по памяти закончил оборванную фразу: «...систематическое, мучительнейшее насилие над массой крестьянства». И добавил еще три строки: «Революционный путь создания крестьянски-буржуазной России необходимо предполагает ломку всего старого землевладения, отмену частной собственности на землю»².

Но этих строк Ленину показалось теперь недостаточно. Восстановить весь утраченный текст по памяти он не смог, но нашел нужным добавить небольшое послесловие, в начале которого рассказал историю рукописи, запрещенной и уничтоженной царской цензурой.

«В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах», — писал Ленин в этом послесловии

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 413.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 13, стр. 471—472 (прим. 73).

28 сентября 1917 года, за один месяц до Великой Октябрьской революции. Требование национализации земли в аграрной программе теперь, отмечал Ильич, приобретает иную постановку. Такое требование, подчеркивал он, теперь уже «не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»¹.

Книга подросла как раз вовремя и быстро разошлась². А уже после того как знаменитый ленинский лозунг был проведен в жизнь, пашелся и черновик утраченной рукописи и удалось, таким образом, полностью восстановить ее первоначальный текст. Именно по этой рукописи работа об аграрной программе и напечатана в 13-м томе четвертого издания собрания Сочинений Ленина. Вместе с позднее написанным послесловием она занимает почти половину тома.

Вместе с подлинником статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» Надежда Константиновна Крупская передала в институт и другой ценнейший документ — рукопись опубликованного на страницах «Искры»³ проекта программы партии, выработанного ее редакцией, и целую грудку материалов, связанных с подготовкой этого проекта. Только благодаря тому, что эти важные материалы сохранились в личном архиве Ленина, удалось во всех подробностях восстановить историю рождения программы партии, принятой ее вторым съездом.

Именно Ленин, как видно из переписки, хранящейся в том же институте, поднял в редакции «Искры» вопрос о необходимости взяться за подготовку программы.

«...Из России нам писали, что толки о съезде усилились,— напоминал он Аксельроду.— Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы крайне необходимо, и имело бы громадное значение»⁴.

По предложению Ленина теоретическую часть проекта написал Плеханов. Владимир Ильич, как мы знаем, еще в 1895 году, находясь в петербургской «предварилке», набросал молочными чернилами проект программы партии

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 13, стр. 395.

² Книга была выпущена в декабре 1917 года в Петрограде издательством «Жизнь и знание» в серии «Библиотека общественно-образования».

³ См. «Искра» № 21.

⁴ Ленинский сборник III, стр. 192.

для ее первого съезда, не подвергавшийся обсуждению. Он продолжал работать над проектом партийной программы и в последующие годы, возвращаясь к этой теме в ряде статей, так и не увидевших света. Но только после ознакомления с проектом, составленным Плехановым, Ленин противопоставил ему свой собственный проект, обсуждавшийся 21 января 1902 года на съезде редакторов «Искры» в Мюнхене. Оба проекта были переданы в институт Надеждой Константиновной Крупской. Примечательно, что уже на полях первой страницы плехановского проекта рукой Ленина написано: «Оставлен открытым (3 голоса за и 3 против) вопрос о том, не начать ли с указания на Россию»¹.

При обсуждении плехановского проекта в Мюнхене Ленин сразу же обратил внимание участников совещания на то, что программа партии начинается с общей характеристики капитализма. Ленин видел в этом недостаток программы. Автор глубокого исследования о развитии капитализма в России предлагал в первых же строках программы дать характеристику русского капиталистического строя. При голосовании половина участников совещания высказалась за это предложение Ленина. Но, по мнению Владимира Ильича, у плехановского проекта были и другие недостатки. Поэтому Ленин составил себе на особом листке еще небольшой конспект того же проекта со своими поправками.

Возражений против плехановского проекта накопилось так много, что Владимир Ильич перечислил их отдельно на пяти листках тетрадного размера. Но он не ограничился этим и вскоре написал свой собственный проект программы, неоднократно упоминаемый в редакционной переписке под названием «Проект Фрея».

Три черновых наброска этого контрпроекта — один из них с замечаниями Мартова — сохранились в бумагах Владимира Ильича, так же как и созданный на их основе окончательный проект партийной программы. Ленин переписал его в самодельную тетрадь, первые и последние листы которой, заменяющие обложку, остались чистыми. К своему проекту теоретической части программы он присоединил также и ее практическую часть, согласованную со всеми членами редакции (кроме Плеханова) и допол-

¹ Ленинский сборник II, стр. 15.

нённую новыми ленинскими поправками как в тексте, так и еще на отдельном листке. Рукой Ленина синим и красным карандашом сделаны пометки также на двух листах с дополнительными замечаниями Мартова к теоретической части программы. Все ленинские поправки к практической части были им приняты.

Пока Ленин готовил свой контрпроект, Плеханов закончил второй вариант предложенной им программы. Он уместился на шести страницах тетрадного размера, написанных убористым почерком. На этот раз проект Плеханова переписывала не Крупская, а кто-то другой, кто именно — не удалось установить. Замечаниями Ленина к этому проекту заполнена еще одна довольно толстая тетрадь в желтой обложке, на обратной стороне которой Владимир Ильич написал синим карандашом: «Очень важно»¹.

Из редакторов «Искры» раньше других с этим проектом познакомилась жившая также в Мюнхене Вера Засулич. На обратной стороне почти каждого листа она сделала свои замечания. Подвергая подробному разбору второй проект Плеханова, Ленин написал нужным изложить вкратце на двух листках и еще одной странице свои основные возражения против этого проекта. Ленину не нравилось, что программа пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, похожа на «программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще»².

Противоречия и общественные бедствия, порождаемые русским капитализмом, были в ней почти совершенно обойдены. Ленин же хотел, чтобы программа была обвинительным актом русскому капитализму, объявляла ему войну. Он опасался, что неточная формулировка некоторых ее важнейших пунктов затруднит в дальнейшем теоретическую борьбу и пропаганду.

Опасаясь, что новые возражения Ленина убьют в Жорже — так обычно называли Плеханова его ближайшие друзья — «его очень большое стремление к соглашению», Вера Засулич внесла компромиссное предложение: составить из второго варианта плехановской программы и контрпроекта Ленина один общий проект.

¹ Ленинский сборник II, стр. 9.

² Там же, стр. 88.

Авторы обоих проектов с этим согласились. Но, раздраженный настойчивостью, с которой Ленин добивался изменения некоторых формулировок, Плеханов в письме к Вере Засулич не преминул съязвить: «Против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею, Фрей [Ленин] пашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом проекте о ней говорилось слишком «крикливо»... Но выходит, что теперь у меня сказано недостаточно «крикливо». Прибавьте «крику»»¹.

Первоначальный текст проекта программы, выработанный специально выбранной комиссией, не сохранился. Но уцелело письмо Плеханова, раскритиковавшего и этот проект, заставившее членов комиссии подготовить новый, второй вариант. Между строк основного текста, переписанного Мартовым, Ленин внес карандашом свои поправки, предложил другие формулировки. Некоторые из них заполнили целиком обратную сторону листа. Этот проект Надежда Константиновна также передала в институт.

Для утверждения окончательного текста в Цюрихе собралось специальное совещание, в котором Ленин не захотел участвовать. В те дни редакция «Искры» переезжала в Лондон и он должен был находиться там. Что Владимир Ильич не считал работу над проектом программы завершенной, видно из дополнительных замечаний, написанных им уже в Лондоне на шести тетрадных листах. Одним из них было добавление к вопросу о «классовой борьбе».

«У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплуатируемой массы» не вызывали никакого народного движения, — писал Ленин в этой поправке, — пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, расширение»². Ленин требовал, чтобы в программе была подчеркнута руководящая роль пролетариата в классовой борьбе эксплуатируемых.

Утвержденный на Цюрихском совещании окончательный текст проекта программы был снова переписан в отдельную тетрадь. На ее чистых оборотных листах уже нет ленинских поправок. Кое-где Плеханов сделал только короткие замечания по поводу небольших стилистических погрешностей. Под последней строкой этой окончательной редакции проекта он же написал: «Аминь».

¹ См. Ленинский сборник II, стр. 95.

² Там же, стр. 133.

Ленину было предоставлено право добиваться дальнейших изменений проекта программы, критиковать ее на страницах «Искры» или «Заря». Но он этим правом не воспользовался, удовлетворившись тем, что по его настоянию был внесен важнейший пункт о диктатуре пролетариата, как необходимом условии пролетарской революции, подчеркнута руководящая роль в ней рабочего класса.

На восьмом съезде партии, собравшемся уже после того, как первая в мире пролетарская революция совершилась, вся прежняя теоретическая часть программы по предложению Ленина была включена в ее новый текст, принятый съездом. Ленин же заботливо сохранил среди своих бумаг тетрадку со всеми вариантами прежнего текста. Содержание тетради опубликовано недавно в «подготовительных материалах» 6-го тома пятого издания Сочинений В. И. Ленина. Вчитываясь в последние страницы этого тома, вышедшего тиражом в 200 тысяч экземпляров, читатель вновь переживает все ощущения боя, разгоревшегося на полях черновиков.

ПАЧКА ШКОЛЬНЫХ ТЕТРАДОК

История распространения «Искры» и ее изданий очень интересна. Ведь она является и историей напечатанных в них работ Ленина.

На какие только ухищрения не пускались распространители «Искры»! Посылали, например, из-за границы на адреса русских технических фирм модели машин из полых частей, внутри которых была спрятана «Искра». Нелегальная литература заделывалась в гипсовые фигуры, доставлявшиеся в Петербург в специальную мастерскую на Бассейной улице. Там из них извлекалось содержимое, а фигурки поступали в продажу. Модницам, возвращавшимся из-за границы на родину, дарили элегантные шляпы. Взамен от них требовали только одной небольшой услуги: передать в России коробку от шляпы определенному лицу. Картон, из которого она была сделана, изготовлялся по рецепту, применявшемуся Лениным еще в Сибири для заделки писем в переплеты книг, только вместо рукописей прессовалась «Искра».

Но и переплетам не пренебрегали. В одном из писем Ленина в Россию встречается такая просьба: «...Дайте скорее адрес врача, техника, велосипедиста, артиста...»¹ Адреса нужны были Владимиру Ильичу для пересылки специальных журналов, которые выписывали представители этих профессий. В переплеты этих журналов, не вызывавших ни у кого подозрений, заделывались, например, письма Ленина к агенту «Искры» Ивану Радченко. Таким же способом пересылалась на разные адреса и отпечатанная на тонкой бумаге «Искра».

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 245.

«Искра» впервые донесла ленинское слово до широких кругов читателей, хотя и распространялась нелегально. Отпечатанные отдельными брошюрами в ее типографии ленинские работы, такие, например, как «Что делать?», распространялись вместе с ней.

Но выходила «Искра» за рубежом — сначала в Германии, потом в Англии и, наконец, в Швейцарии. Уже это одно говорит о возникавших перед издателями трудностях. А сколько препятствий приходилось преодолевать, чтобы доставить газеты в Россию! Как часто при этом перехватывали охотившиеся за ней сыщики и жандармы! «Искра» все же нашла своих читателей и донесла ленинское слово и до последующих поколений благодаря самоотверженным усилиям, неисчислимым жертвам, неиссякаемой энергии ее приверженцев. Их неустанно направляла воля Ленина, взявшего на себя также и заботу о распространении газеты. Об этих его усилиях дает живое представление хранящаяся в Институте марксизма-ленинизма обширная переписка редакции с партийными комитетами в России. Из переписки можно также узнать, при каких обстоятельствах были утрачены некоторые письма В. И. Ленина.

Еще до приезда Надежды Константиновны в Мюнхен по предложению Ленина был решен вопрос об ее избрании секретарем «Искры». Такое решение немало способствовало сохранению литературного наследия Ленина за все эти годы, в частности его переписки со сторонниками «Искры» в России.

В одной статье¹, посвященной «Искре», Надежда Константиновна вспоминала, что Ленину еще при его первой встрече с Плехановым и Аксельродом бросилась в глаза их оторванность от России. А очутившись в одинаковом с ними положении, Владимир Ильич только и думал о том, «как бы покрепче, попрочнее палладить связь с Россией»². Письма из России для «Искры» приходили разными путями. «Для нас, агентов «Искры», у Надежды Константиновны имелось миллион сто тысяч заграничных адресов³, — рассказывал Лепешинский, завербованный Лениным в «искряки» еще в Сибири. — И на Женеву, и на

¹ См. Н. Крупская. «Искра». «Борьба классов», № 1, март 1931, стр. 30.

² Там же.

³ Цифра, конечно, вымышленная. Называя ее, Лепешинский хотел сказать, что у Н. К. Крупской было много адресов.

Нюрнберг, и на Брюссель, и на Штутгарт, и на Цюрих и т. д., — перечислял он важнейшие промежуточные пункты. — Все мы были связаны с нею своими особыми условными шифрами... В «почтовом ящике» «Искры» каждый из нас мог получить весточку. Например «2 а 3 б... Ваше письмо от такого-то числа получено». Это значит, что отправленное мной письмо дошло благополучно. Отсутствие такой весточки заставляло насторожиться и менять на всякий случай адрес посылаемой корреспонденции»¹. Но секретарь «Искры» поддерживал связь с агентами, корреспондентами редакции и просто со многими известными революционерами, разумеется, не только при помощи коротких извещений на страницах самой «Искры».

Бывший народоволец, а затем социал-демократ Николай Леонидович Мецераков, который знал Крупскую еще курсисткой, прививал ей уже тогда конспиративные навыки. В ссылке в Якутии он однажды получил из-за границы письмо от неизвестного лица. По почерку он все же догадался, кем оно написано. Письмо сначала его разочаровало, показалось малосодержательным, но после химической обработки Мецераков нашел в нем уйму интересных сведений и для себя и для других ссыльных².

Ответные письма агентов и корреспондентов «Искры» тоже были химические. Они писались разными составами, иногда простым раствором соли или лимонной кислоты и при подогревании проявлялись на бумаге.

Прокопченные листочки с выступившим на них секретным текстом полагалось уничтожать. Каким же образом дошла до нас эта переписка?

В Центральном партийном архиве кроме фонда № 2 — хранилища ленинских автографов и прижизненных изданий его сочинений — есть еще специальный фонд «Искры» (фонд № 24), где собрана обширная переписка редакции со своими агентами и корреспондентами, а также со стоявшими на платформе «Искры» партийными организациями.

Чувствуя себя в эмиграции в относительной безопасности, Надежда Константиновна не уничтожала чернови-

¹ П. Н. Лепешинский. На повороте. Госполитиздат, М., 1955, стр. 134.

² См. В. П. Степанов. Документы ленинской «Искры». «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 175.

ков. Прежде чем зашифровать письмо и вписать химическими чернилами между строк легального почтового отправления или книги, секретарь «Искры» записывала его в особую тетрадь. В эту же тетрадь она вписывала и приходившие из России химические письма после их проявления и расшифровки.

В одном из песгораемых шкафов Центрального партийного архива хранится целая пачка простых школьных тетрадей, исписанных рукой Надежды Константиновны. В некоторых из них ею же или самим Владимиром Ильичем записаны и письма Ленина. Между их письмами периода «Искры» не всегда удается провести четкую грань. Вот, например, письмо агенту «Искры» в Полтаву от 27 апреля 1904 года написано рукой Крупской¹. Но на черновике этого письма почерком Ленина набросано несколько слов столбиком.

- 1) -| Крох.
- 2) + Орг (И...)
- 3) + съезд
- 4) + латыш — тран.
- 5) хоро (Цд)

Сбоку еще две строчки: «Раб. воля» и под ней: «Доп. 3 №»². В Институте Ленина установили, что письмо написано Крупской по заданию Владимира Ильича по этому набросанному им карандашному плану. В письме говорится о взаимоотношениях полтавских искровцев с русской организацией, о попытках рабочедельцев созвать партийный съезд помимо «Искры», о судьбе транспорта подпольных изданий, организованного при помощи латышей. «Хоро (Цд)» означает, что надо хорошенько отчитать за бездеятельность агента «Искры» Цедербаума. Ленину пришлось потом еще раз пробираться Цедербаума уже по другому поводу, и, так как история этой головомойки связана с историей одного ленинского письма, мы здесь о ней вкратце расскажем.

Посланный в Россию для организации распространения «Искры» этот ее агент вместе с двумя другими³ прислал

¹ См. Ленинский сборник VIII, стр. 132.

² Приписанные сбоку пункты ленинского плана не получили отражения в письме; вероятно, в этом отпала необходимость.

³ С. В. Андронов и В. П. Ногин.

Ленину план нового издания: создать в Петербурге районную подпольную газету вроде выходившего в Киеве и враждовавшего вначале с «Искрой» «Южного рабочего». Ленина это письмо возмутило. Он его воспринял как попытку «опять рассызать храмину и возвращаться к старому кустарничеству»¹ и написал прожектеру большое и взволнованное письмо, в котором напомнил, что «организация «Искры» существует для поддержки и развития последней и для объединения этим партии, а не для дробления сил...»²

Находившийся в Вильно Цедербаум вдруг получил по условному адресу сборник стихов Тана. Нагрев над лампой его первые страницы, он прочел между стихотворными строчками длинный и совсем не лирический текст, написанный почерком Крупской, но оказавшийся на самом деле письмом Леппа.

Вопреки правилу уничтожать конспиративные письма Цедербаум его сохранил, и вскоре оно было у него отобрано при аресте. После Октябрьской революции письмо обнаружили в деле № 5 департамента полиции.

Ленин, конечно, поручал секретарю «Искры» писать письма и без предварительного плана на бумаге. Надежда Константиновна вспоминала, что все письма им просматривались, а помогавший ей некоторое время в работе М. Н. Лядов утверждал даже, что большей частью ответы писал сам Ильич, наше дело было только занумеровать и переписать химическими чернилами³. Ни одно письмо не отправлялось в Россию без одобрения Владимира Ильича. Иногда он делал в черновик вставки и приписки карандашом. Некоторые из этих приписок были потом стерты резинкой, но в лаборатории Института Ленина почти полностью восстановили текст. Встречающиеся в редакционной переписке «Искры» короткие пометки и замечания Ленина существенно дополняют статьи и письма этого периода, опубликованные в собрании его Сочинений. Но и в тех письмах, где нет никаких приписок и пометок Владимира Ильича, содержатся часто его указания, пересказанные секретарем «Искры». Во всех случаях, когда

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 183.

² Там же, стр. 185.

³ См. М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 гг. Госполитиздат, 1956, стр. 25.

Надежда Константиновна писала «мы», она подразумевала прежде всего Ленина, давала понять, что передает его мнение. Судя по воспоминаниям многих искровцев, письма за подписью «Катя» именно так и воспринимались. Так как письма эти были химическими и писались обычно одним почерком, Надежда Константиновна иногда уточняла: «Сегодня пишет Старик, а я о текущих делах».

Как показало изучение черновигов, в некоторых письмах есть вставки Ленина, не оговоренные Крупской.

Важнейшие письма Ленина этого периода опубликованы в собрании его Сочинений. Но знакомство с перепиской в целом и сопоставление этих писем с ответами его корреспондентов открывают новые подробности, обогащающие наше представление о живом Ленине. Мы узнаем, как он воспринимал письма своих корреспондентов. И каждое вставленное и подчеркнутое Лениным в ответном письме слово добавляет новую черточку к уже сложившемуся образу.

После приезда Надежды Константиновны в Мюнхен Ленин еще раз переменил имя и квартиру. Теперь он был уже не Мейер. Он отпустил «болгарские усы» и раздобыл паспорт на имя доктора юриспруденции Иордано Иорданова из Софии с супругой Марицей (так теперь называлась Надежда Константиновна). Комнату же снял по объявлению у одного многосемейного рабочего, чтобы не встречаться с русскими эмигрантами и туристами. «Доктор Иорданов» со своей женой во время прогулок выбирали «места подичее, где меньше народу». В редакционной переписке с оставшимися в Швейцарии Плехановым и Аксельродом Ленин не называл своих корреспондентов полным именем. «Дорогой Г. В.» или «П. Б.» — так начинал он обычно свои письма к ним, а его адресаты чередовали псевдонимы Владимира Ильича, называя его то Петровым, то тем же Мейером, то Фреем. Плеханов же иногда после обращения «дорогой» ставил просто многоточие.

Избегая упоминать в письмах имена и фамилии, Аксельрод умудрился однажды назвать Ленина и двух других членов редколлегии, живших в Мюнхене, «святой троицей!» То один, то другой редактор «Искры» именуется в письмах просто «братом». «Сестрами» называли в письмах и Веру Ивановну Засулич (она, впрочем, часто превращалась и в Велику Дмитриевну — это имя стояло в ее болгарском паспорте), и Надежду Константиновну Крупскую,

и ее предшественнику на секретарском посту Инну Германовну Смидович, у которой было второе болгарское имя — Димка¹. Когда Анна Ильинична Елизарова приехала в Германию, она стала «четвертой сестрой». Несмотря на все эти предосторожности, еще в октябре 1900 года, то есть до выхода первого номера «Искры», в одном из писем Ленина к Аксельроду проскользнуло тревожное сообщение: «Нам приходится получать отовсюду предостережения — и из Парижа (что приезжие из России пазывают всех троих по именам) и из России (что меня выследили на пути сюда и в одном уездном городе взяли совершенно невиновного и не видавшего меня человека, дальнего родственника, и спрашивали, какие я ему давал поручения!!)»². А Аксельрод в свою очередь информирует Ленина, что какая-то прпехавшая из Самары в Цюрих барыня любопытствовала, видел ли он Ульянова. И в этом же письме он ставит вопрос: не начать ли Ленину выступать открыто с рефератами перед обучающимися за границей русскими студентами и таким путем добывать средства для «Искры» и создавать «моральную поддержку новому предприятию». Ведь тайна, окружавшая это предприятие особым ореолом, по его мнению, все равно раскрыта³.

Ленин это предложение отверг. «Что «легальность уже потеряна», — писал он в ответном письме, — этого я еще не могу думать. По-моему, пока еще не потеряна, и это пока, может быть, протянется еще несколько месяцев... Я во всяком случае буду продолжать прятаться»⁴.

Опасения все же порой возвращаются к Аксельроду. «Живу еще в большом страхе за всю компанию, чем прежде», — сообщает он в Мюнхен через полгода, получив, очевидно, какие-то сведения о происках баварской полиции. Ленин по-прежнему не придает значения этим страхам, но проходит всего один месяц, и Аксельрод вдруг получает от него запрос о судьбе большого письма⁵. Вероятно, оно было задержано баварской полицией, стремившейся удружить русским «коллегам». Письмо доставили с

¹ И. Г. Смидович — социал-демократка, искровка, впоследствии меньшевичка.

² Ленинский сборник III, стр. 69—70.

³ См. там же, стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ См. там же, стр. 282.

большим опозданием, но вскоре стали поступать еще более тревожные сигналы. В типографию Дитца в Штутгарте, где набиралась не «Искра», а «Заря», уже наведывались какие-то подозрительные субъекты и паводили справки: не печатается ли тут газета на русском языке?

Германские социал-демократы через переселившуюся в Дрезден «Тетку» (высланную из Петербурга Александру Михайловну Калмыкову) поспешили предостеречь редакцию: «Искра» должна переехать в другую страну. Было принято решение перебираться в Англию. Насколько оно было своевременным, можно судить по тому, что теперь одно письмо вовсе не доставили адресату. Оно было послано Лениным жившей в то время в Берлине Анне Ильиничне Елизаровой, а попало в руки заведующего берлинской агентурой департамента полиции Гартинга. Пересылая его в Москву своему начальнику, руководившему этой заграничной агентурой, Ратаеву, он доносил: «Наблюдавшим за Елизаровой агентам недавно удалось узнать, под какими буквами она получает письма *post restante*¹ и один из них сумел вчера получить адресованное ей письмо *Ленина*»². В этом письме, обнаруженном уже после Октябрьской революции в делах особого отдела департамента полиции, Владимир Ильич писал:

«Совсем сбился с ног с хлопотами. Едем 12-го. Пиши пока, если что спешно, на адрес Mr. Alexejeff 14. Frederickstr. 14 Gray's Inn Road London W. C. (для Л е н и н а — внутри).

Адрес здешнего доктора во всяком случае годен: всегда перешлет.

Тетку благодарю за письмо, которое сегодня получил (и книги)»³.

Этот лондонский адрес Ленина, перехваченный охранкой, вряд ли ей пригодился. Ленин пользовался им только первые недели своего пребывания в Лондоне. В конце апреля 1902 года Ленин послал Аксельроду свой новый адрес — Мистеру Якобу Рихтеру в Холфорде — и просил не сообщать этот адрес никому, даже членам созданной по его инициативе Лиги революционной социал-демократии, кроме разве только самых близких товарищей.

¹ До востребования.

² См. Ленинский сборник III, стр. 293.

³ Там же, стр. 294.

Слишком оптимистически настроенному Аксельроду, поспешившему поздравить Ленина «с водворением в свободной стране» и по этому случаю назвавшему его даже настоящим именем и отчеством, Владимир Ильич дает совет скрывать переезд редакции: если можно, в разговорах употреблять систематически Мюнхен вместо Лондона и мюнхенцы вместо лондонцы.

Пропавшие письма Ленина — если они не были перехвачены департаментом полиции и не сохранились в его архиве — нельзя восстановить. Но утрату рукописных подлинников некоторых ленинских работ обычно возмещают их первые печатные издания, особенно если они были просмотрены самим Владимиром Ильичем.

Опубликованные в «Искре» и «Заре» произведения В. И. Ленина представлены в собрании его Сочинений. Почти все они сопровождаются примечанием: «Печатается по тексту газеты». А это значит, что институт не имеет рукописного подлинника и, может быть, даже не выяснено, при каких обстоятельствах он был утрачен. Однако и печатные издания ленинских произведений нередко исчезали — мы уже видели это на примере второго выпуска его труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ведь Ленин писал главным образом в нелегальных газетах и журналах или в таких, которые хотя и выходили открыто, но их вскоре запрещали и конфисковывали («Искра» и «Заря»), и все их издания не допускали в Россию, они повсеместно изымались.

СКВОЗЬ СТРОКИ КОНСПЕКТОВ

О способах распространения «Искры» в первый период ее существования Ленин намеревался рассказать на втором съезде партии. Конспект такого доклада был им написан за несколько недель до начала съезда на том же самом листке, что и проект резолюции о партийной литературе. Листок этот хранится в Институте марксизма-ленинизма и опубликован в шестом Ленинском сборнике¹. Это единственный ленинский документ, целиком посвященный вопросу о распространении «Искры» за первые годы ее существования.

Конспект доклада предельно сжат, но в распоряжении института нет другого ленинского документа, обрисовывающего в основных чертах деятельность «Искры» в эти годы. Доклад так и не был сделан Лениным. Причину он сам объяснил на состоявшемся позже съезде Заграничной лиги революционной социал-демократии.

Делегатами Лиги на партийный съезд сначала были избраны Ленин и Мартов. Но когда выяснилось, что от Центрального бюро «Искры» из России никто не прибыл, представлять «Искру» предложено было одному из делегатов Лиги. Вопрос был решен жеребьевкой, и этим делегатом оказался Мартов. Он же должен был доложить о деятельности «Искры». Материал для этого сообщения подготовила секретарь «Искры» Надежда Константиновна Крупская. Составленный ею отчет был обнаружен отдельно от ленинского конспекта в документах женевского партийного архива. Вот этот-то отчет, просмотренный и отредактированный Лениным, может в известной мере

¹ См. Ленинский сборник VI, стр. 68.

служить ключом к его конспекту, позволяет шире раскрыть его содержание¹. Отчет освещает деятельность «Искры» главным образом с организационной стороны, то есть именно в той области, которой Ленин придавал большое значение. Пользуясь отчетом как компасом, можно найти ценные факты, дополняющие ленинский конспект, и в хранящейся в том же институте редакционной переписке «Искры» со своими агентами. Но отчет заслуживает серьезного внимания и еще по одной причине: в нем приводятся выдержки из утраченных писем Ленина; сведения о таких письмах иногда встречаются и в редакционной переписке.

Во втором разделе конспекта, среди заключенных в скобки имен активных искровцев, поставлено Аким (конспиративная кличка). Первая попытка размножить «Искру» в России типографским способом была сделана именно им. С осуществлением этого проекта связана оживленная переписка Ленина с Акимом, частично утраченная. Владелец этой клички, скрывавшийся от полиции социал-демократ, впоследствии меньшевик, Леон Гольдман, когда «Искра» еще не пачала выходить, предложил ее полтавскому представителю открыть «чайный магазин», то есть создать тайную искровскую типографию в России. Свое предложение Аким подкреплял такими доводами: если бы в России разыгрались революционные события, типография могла бы выпускать листовки от имени «Искры», не дожидаясь, пока переправят из-за границы газету. «Чайная фирма» перепечатывала бы и издаваемые «Искрой» брошюры и задержанные на границе номера.

Обосновавшаяся в Полтаве Любовь Радченко списалась с Лениным, и он одобрил проект. Это письмо Ленина не сохранилось, но в отчете Крупской приводится выдержка из обращения в редакцию предприимчивого Акима, доказывавшего, что местные партийные комитеты «нужно бесперывно хлестать «Искрой», так... чтобы искры сыпались»².

Выдав себя за агента крупного хлеботорговца, Аким снял в Кишиневе квартиру против здания губернского жандармского управления. Теперь он мог наблюдать за

¹ См. доклад ко II съезду организации «Искры». «Пролетарская революция», 1928, № 1(72), стр. 149—167.

² Там же, стр. 151.

его сотрудниками и узнавать их в любом обличье. Первую же отпечатанную в тайной типографии брошюру — работу Крунской «Женщина и работница» — издатель ее по всем правилам конспирации вклеил в переплет журнала, а журнал засунул в подушку, которую и послал в Мюнхен на адрес доктора медицины Лемана, пересылавшего письма Ленину. Но немец отказался от подушки. Ему еще никогда не приходилось получать корреспонденцию в такой упаковке. Случайно узнавшие об этом искровцы, впрочем, успели исправить ошибку и заставили его взять посылку. А в августе 1901 года на адрес посудного магазина Вейсмана в Кпшиневе (то был местный Лемап) пришло письмо с надписью на втором внутреннем конверте: «Для Акима».

«...Порадовали-же Вы нас своей посылкой! сделано великолепно...»¹ — писал Владимир Ильич. Ленин сообщал, что поверил теперь в удачу предприятия и выслал статью из второго номера «Зари» для переиздания отдельной брошюрой. Вслед за ней пришли и другие рукописи. Сохранилось еще одно письмо Ленина к Акиме, в котором Владимир Ильич благодарил за другой подарок — десятый номер «Искры», перепечатанный в Кпшиневе.

«Мейер все никак не мог налюбоваться на газету», — говорит в этом письме Ленин о самом себе в третьем лице и тут же засыпает Акима вопросами: В какой срок этот номер приготовлен и как скоро вообще при местной технике можно выпускать четырехстраничную газету?

«Непременно напишите, и поточнее» — эти слова вписаны в черновик рукой Ленина. Можно различить еще несколько вставок, сделанных его рукой то черными чернилами, то таким же карандашом.

«...Печатайте в *гораздо* большем числе экземпляров: надо хоть раз попробовать *насытить* всю Россию. Помните, как Вы же жаловались на малое распространение?»²

Требования Ленина подстегивали кишиневцев. Но сколько им пришлось преодолеть препятствий! В захолуственном провинциальном центре было всего два больших писчебумажных магазина. Оптовые закупки бумаги могли вызвать подозрения. Еще труднее было сплавлять готовую продукцию. Для этой цели приспособили детскую коляску,

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 190.

² Там же, стр. 218.

в которой жена Акима возила на прогулку ребенка. «Чайный магазин» просуществовал около года и за это время только один раз переезжал.

«Чайный магазин» уцелел даже после нашумевшего киевского провала. Но связь с транспортерами «товара», называвшегося теперь уже не «чаем», а «мехом», порвалась. Аким написал об этом в Мюнхен. Вскоре от Ленина пришло письмо, тоже не сохранившееся ни в подлиннике, ни в черновике¹. К письму была приложена рукопись брошюры. Отпечатав ее пятитысячным тиражом, Аким написал об этом Ленину и пошел на станцию, чтобы бросить письмо прямо в почтовый вагон. На перроне он встретился со шпиком, выслеживавшим его еще в Одессе. Скрыться было некуда.

В связи с провалом типографии был посажен в тюрьму и владелец посудного магазина, на адрес которого посылал письма Ленин². Они продолжали, вероятно, приходить и некоторое время после провала типографии. Во всяком случае, вряд ли нужно объяснять, почему в списке неразысканных рукописей В. И. Ленина упоминается и переписка с Л. Гольдманом.

«Работа над И + З из России».

Эту тему и должен был главным образом осветить доклад Ленина. «И» — это, конечно, «Искра». «З» — печатавшийся в Штутгарте научно-политический журнал «Заря».

«Февраль 1902 года».

Ленин поставил эту дату на своем конспекте, очевидно рассматривая ее как начало нового этапа проникновения «Искры» в Россию. От предыдущего раздела ведет черточка вниз к двум с первого взгляда загадочным словам: Кавказ — «лошади». Хотел ли Ленин сказать, что возрождение началось на Кавказе? Но между этими двумя разделами на краю листка есть еще одна дважды подчеркнутая важная запись:

«Янв. 1902 г. (основ. орг-ции «Искры»)».

Центральное бюро «Искры» в России, или центральный комитет «Искры» — так оно вначале называлось, — возникло на Волге, в Самаре. Отсюда было удобно распространять газету и водным путем. Оно было создано там

¹ См. «Каторга и ссылка», 1925, № 4(17), стр. 29.

² См. там же, стр. 33.

Г. М. Кржижановским. Незадолго перед этим в Мюнхен прибыл «товарищ, по разным причинам стоявший вне практической деятельности», как аттестован в отчете Крупской только что вернувшийся из Сибири друг Ленина¹. На свидании его с Владимиром Ильичем обсуждался самый больной вопрос: как наладить распространение «Искры» по всей России, преодолеть районное кустарничество — такой уклон выявился у южан. За это взялись Клэр (революционный псевдоним Кржижановского) и его жена Зинаида Павловна Невзорова, упоминавшаяся в сибирских письмах Ленина как «Булочка», но теперь она уже называлась «Булкой».

В конце января 1902 года в почтовый вагон Самара — Москва было брошено письмо, подписанное именно этим именем. На конверте стоял адрес проживавшего в Гамбурге господина Беекена, одного из двойников мюнхенского доктора Лемана. Письмо это было перлюстрировано департаментом полиции, проявлявшим повышенный интерес к корреспонденциям, отправляемым за границу без указания места отсылки. В этом письме «Булка» сообщала о важном событии: избрании Центрального русского бюро на Самарском совещании искряков. В письме перечислялись обсуждавшиеся на совещании вопросы и первые принятые решения. Таким образом, департамент полиции узнал о них раньше Ленина, но все же помешать их осуществлению не смог.

Важное сообщение из Самары, конечно, не осталось без ответа. Но он, к сожалению, утрачен. Его текст не сохранился и в черновых тетрадях Крупской (черновики писем Ленина иногда вкладывались в эти тетради в виде отдельных листков), однако краткая выдержка из письма приведена в составленном ею отчете:

«...Ваш почли нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит, и продолжение будет успешно!»²

Судя по присланному «Булкой» ответу, Русское бюро «Искры» начинало свою деятельность именно в том направлении, которое наметил Ленин в статье «С чего начать?», напечатанной в «Искре» еще весной 1901 года.

¹ См. «Пролетарская революция», 1928, № 1(72), стр. 164.

² Там же, стр. 162.

Воплощался в жизнь и разработанный им проект положения об искровских организациях, требовавших прежде всего правильной доставки и распространения искровской литературы. Подлинник проекта утрачен, но сущность его видна из наброска письма, написанного рукой Н. К. Крупской¹.

Подбирая товарищей из южной группы и хваля их за самостоятельность и инициативу, Ленин в то же время переоценивал их возможности и предвидел ожидавшие их трудности. Он продолжал неутомимо испытывать новые средства и пути доставки «Искры».

В том самом письме, которым Крупская в марте 1902 года извещала Клэра, что в связи с расстройством подпольного транспорта после февральского разгрома она не может уделить даже полутора пудов литературы, Надежда Константиновна советовала ему связаться с Семеном Семеновичем, то есть с социал-демократической организацией Центрального промышленного района — Северным союзом, раньше других примкнувшим к «Искре». Они успешно продвигали искровскую литературу, могли ею поделиться и с Клэром². Но к этому времени все руководящие работники Северного союза были уже высланы в Воронеж. Вот почему и появилось название этого города в ленинском конспекте и рядом с ним в скобках имя «Бор. Ник.» — Борис Николаевич Носков. В качестве одного из руководителей Союза он ездил к Ленину за границу для укрепления связи с «Искрой», а впоследствии заведовал транспортировкой нелегальной литературы через западную границу. Советуя Кржижаповскому съездить в Воронеж, Крупская сообщала ему в химическом письме адрес и пароль, с помощью которого можно было добраться до Семена Семеновича.

В Воронеже на Садовой улице жила в собственном доме Софья Александровна Мартынова; через нее и надо было вызвать Алексея Ивановича Любимова, перешедшего на нелегальное положение руководителя транспортно-технического бюро. Его можно было разыскать и в губернской земской управе. При встрече следовало спросить: «Есть у

¹ См. Ленинский сборник VIII, стр. 196—197.

² Главная цель свидания была другая: установить контакт с Северным союзом для совместных действий по вопросу о подготовке партийного съезда.

вас «Воскресенье» Толстого?» Любимов должен был ответить: «Нет, но есть «Дурные пастыри» Мирбо».

Химическое письмо, посланное Крупской Клэру, перехватил департамент полиции и расшифровал. Ни оригинал, ни черновик не сохранились. Содержание его стало теперь известно лишь благодаря обнаруженному в архиве департамента тексту с пометкой: «Копия письма Кати из Мюнхена к Ивану Ефремовичу Рябову в Самару, Молоканский сад, дача № 4». На этот адрес получал письма Кржкжановский. Перлюстрация письма повлекла за собой очень серьезные последствия. Адрес и пароль использовал подосланный департаментом провокатор М. И. Меншиков.

Еще в середине 1901 года Ленин узнал о намерении «экономистов» опередить «Искру» — созвать съезд в России, но под своим лозунгом. Он не раз объяснял, почему созывать съезд преждевременно: надо сначала обсудить причины разногласий, выработать порядок дня, обеспечивающий деловую, целеустремленную работу без налета экономизма. Собираться, не сделав этого, значило, по мнению Ленина, «даром бросать деньги и приносить жертвы»¹.

Фекла — так называлась «Искра» в конспиративной переписке — все же решила принять приглашение и послать на съезд своего представителя, хотя и считала, что «момент выбран крайне неудобно во всех отношениях, после разгрома, когда еще не вышла брошюра»². Подразумевалась направленная против «экономистов» ленинская книга «Что делать?». Первые ее экземпляры успел захватить с собой выехавший на съезд представитель «Искры». Кроме того, он вез один номер журнала «Русское богатство», в котором между строк был вписан химией общеполитический доклад Ленина, не имевшего возможности отправиться в Россию. Но и на этот раз съезду не удалось собраться. Посланец «Искры» прибыл в Белосток с опозданием, так как «Саша³, оказывается, была именинница не в то число, какое было сообщено нам», — объяснил Клэр. День открытия съезда его устроители, вероятно, умышленно сообщили «Искре» с большим опозданием. Надежда Клэра, что «Саша отложит свое празднество», тоже не сбылась. Она оказалась, с одной стороны, «чрезмерно

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 215.

² См. «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 141.

³ Одно из конспиративных названий организаторов съезда.

болтливой» (место предполагаемого съезда — Белосток — было плохо законспирировано, и туда налетели шпики), с другой — подозрительно скрытной. День своих именин (в некоторых письмах съезд назывался свадьбой) скрyla даже от приглашенных. Посланец «Искры» смог только письменно известить Клэра, что он с опозданием добрался до места. Дальнейшие сведения Клэру пришлось узнать окольным путем. Из «Искры» в Самару пришло сообщение, что «свидание с Сашей имело место, но гостей было всего семь человек, ни до чего определенного не договорились, условились, что знакомство с Сашей останется шапочным» — так находчивая Фекла давала понять, что горсточка делегатов объявила это совещание всего только конференцией¹. Письменный доклад Ленина, вписанный химией между строк «Русского богатства», однако, не достался полиции. Он был проявлен на одном из заседаний конференции и сразу же после оглашения уничтожен... Текст его все же уцелел благодаря тому, что один экземпляр был послан Лениным членам редакции «Искры», жившим в Швейцарии, и этот экземпляр сохранился в бумагах П. Б. Аксельрода. Таким образом, представитель «Искры» был арестован только с письмом Ленина в кармане и с первыми экземплярами ленинской брошюры «Что делать?» между стенками чемодана с двойным дном.

Вопреки всем препятствиям летучие агенты нового транспортного бюро сумели распространить ленинскую брошюру, донесли организационный план «Искры» до сознания тех, кому предстояло проводить его в жизнь. Из доклада видно, например, что Центральный промышленный район получил достаточное количество экземпляров. Под влиянием «Что делать?» усилились поступления в фонд «Искры».

«О «Что делать?» пока только слышим хвалебные отзывы, но вызывает оно массу мыслей, вопросов и запросов»², — подводил первые итоги Клэр. Одна за другой приходили в «Искру» резолюции о солидарности в вопросах программных, тактических и организационных. Стало известно о возрождении одной из важнейших организаций — Северного союза, находившегося в Ярославле. В ответ на свое письмо Ленин получил сообщение одного из руково-

¹ См. «Пролетарская революция», 1928, № 7—8, стр. 147.

² Там же, стр. 149.

дящих работников Союза — Федора Ивановича Щеколдина. Ленинское письмо к Щеколдину, к сожалению, безвозвратно утрачено. Но письмо Щеколдина недавно обнаружено работниками Института марксизма-ленинизма. Оно является единственным источником, с помощью которого можно выяснить приблизительно содержание утраченного ленинского письма.

«...Очень мало могу дать вам самых свежих сведений, потому что почти везде, где мне приходилось бывать в России, я попадал как раз после арестов, но я ограничусь делами Северного союза и отвечу на ваши вопросы, первый и второй:

Северный союз существует и формально и фактически в составе тех же комитетов и групп, что и прежде.

3) Силы Северного союза и в настоящее время достаточны, чтобы идти с ними к осуществлению тех ближайших задач, которые он себе ставил и ставит. Я полагаю, что эта организация очень жизненная и дееспособная, но повторяю, что предстоит много оргработы, особенно после провала.

4) Для меня не совсем ясно, о каких организационных идеях вы здесь говорите. Что касается обоих принципов, то Северный союз является, смею думать, одним из самых искренних сторонников «Искры», поскольку эти принципы изложены в брошюре Ленина. Вполне ли понимаем эти идеи, судить вам. Я не вижу, чтобы могли встретиться в Северном союзе решительные противники «Искры», так как в члены Северного союза принимаем только людей, согласных с этим принципом»¹.

Ответ Щеколдина дает четкое представление о содержании потерянного ленинского письма, заданных в нем Владимиром Ильичем вопросов. Щеколдин подтверждает также сообщение Крупской (в отчете для второго съезда) о широком распространении и влиянии «Что делать?» в районе деятельности Северного союза. Рукопись этого замечательного произведения Ленина тоже утрачена. В собрании его Сочинений, а также в отдельных выпусках воспроизводится текст первого издания, вышедшего в 1902 году в Штутгарте. О том, как широко распространялась эта книга, можно судить и по такой справке:

¹ «Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива», 1960, № 2, стр. 111.

когда, например, ленинскую брошюру удавалось переправить в тюрьму, хотя бы в одном экземпляре, с ней знакомились обычно все политические заключенные; они передавали ее текст, выстукивая слово за словом, из камеры в камеру ключом тюремной азбуки.

Письмо, в котором Фекла сообщала Соне более подробные сведения о «лошадипом предприятии», не сохранилось. В составленном Крупской для второго съезда партии отчете этому предприятию посвящено всего две строки: «Тем временем в другом конце России группа лиц налаживает вторую технику. Дело затеяно в широких размерах...»¹ Зато другие хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма письма с лихвой восполняют этот пробел.

Из письма Крупской в Астрахань к Лидии Михайловне Книпович видно, что еще весной 1901 года «Дяденька» запрашивал мнение редакции «Искры» относительно нового проекта расширить ее распространение. Речь шла о регулярном размножении типографским способом с помощью присылаемых редакцией картонных матриц, с которых должны были отливаться стереотипы. Как раз это предлагал Ленин в свое время Леону Гольдману. «Это было бы превосходно, — отвечала Надежда Константиновна «Дяденьке» от имени Ленина, — мы и мечтаем о подобной постановке дела». А сам Владимир Ильич в своей приписке на черновике этого письма буквально забросал вопросами Лидию Михайловну: каким образом думаете вы поставить «Искру» в России? В тайной типографии или в легальной? Не убьет ли она с чрезмерно большим риском тьму денег и людей? На печатание «Искры» тайком в легальной типографии он тут же согласился.

Дело сладилось не сразу. Сначала в Баку в одноэтажном домике на углу Воронцовской и Балаханской улиц открылась под видом картонной мастерской небольшая подпольная типография «Нина» — там печатали грузинскую марксистскую газету «Брдзола» и брошюры и листовки на грузинском языке. В этой типографии удалось выпустить только первомайские прокламации «Искры». Но картина изменилась, когда «отец Нины», молодой грузинский марксист Ладо Кецховели, взялся за осуществление ленинского плана — размножения «Искры» по присылаемым из-за границы матрицам. Ему удалось даже раздобыть сте-

¹ «Пролетарская революция», 1928, № 1 (72), стр. 151.

реотипный станок, приобрести который можно было, только имея личное разрешение губернатора на право открытия типографии. Кецховели изготовил это разрешение с таким мастерством, что нотариус без малейших колебаний засвидетельствовал его подлинность.

«Мы послали телеграмму, — смысл ее понятен — согласие». Этими словами начинается письмо, отправленное из Мюнхена в Баку вслед за телеграммой. В нем Ленин подробно перечисляет преимущества пользования матрицами: «1) Не надо иметь шрифта, 1а) Гораздо скорее, 2) Меньше людей — значит безопаснее в конспиративном отношении, 3) Газета будет иметь вид заграничной, что опять-таки в видах конспирации гораздо удобнее». Это письмо было послано Коняге¹. После его ареста в почтовом ящике «Искры» появилось сообщение², из которого видно, что Ленин вел переписку с Кецховели. Из этого же сообщения вытекает, что какие-то письма, возможно, не дошли до адресата.

«Отцу Нины. Письмо получено. Дайте адрес для писем. Старый не годится»³. Однако ни одно письмо Владимира Ильича к «отцу Нины» не найдено.

В отчете Крупской говорится и о берлинской транспортной группе, организовавшей несколько путей, «которыми за последние месяцы прошло более 45 пудов». Вследствие большой протяженности русско-германской границы Ленин уделял ей много внимания. «Кожа» шла через Юрбург, Калиш, Вилькомир на Вильно и Ковно. Искровец Тарсис, недавний портновский подмастерье из местечка Вилькомир, по кличке «Пятница»⁴, использовал все лазейки. Это он завел в Тильзите знакомство с представителями тайной литовской организации, перебрасывавшей в Россию запрещенные царскими властями религиозные книги. У этой организации было много тайных складов. Вместе с литовскими молитвенниками в такой же упаковке перепосили теперь через границу «Искру» и «Зарю». Этим путем удавалось перебрасывать много литературы, но она застревала на складах, так как поставщики молитвенников не торопились. А более оперативный способ доставки «Искры» — в чемоданах — к этому вре-

¹ Л. Е. Гальперину.

² См. «Искра», № 18, 10 марта 1902 года.

³ «Пролетарская революция», 1928, № 1(72), стр. 167.

⁴ Эта кличка потом была переделана в фамилию Пятницкий.

мени уже устарел. Изготавливавшая эти чемоданы небольшая фабрика делала их все на один фасон, и жандармы научились их сразу узнавать. «Пятница» воспользовался тем, что ему же было поручено переправлять через границу людей. В принадлежавшие им чемоданы разной формы он вставлял второе, хорошо замаскированное дно из крепкого картона, укладывая под ним полторы сотни номеров «Искры». Пригодился и его портновский опыт. Для возвращавшихся в Россию изготавливались особые панцири — жилеты и лифчики, начиненные «Искрой». Отпечатанная на тонкой бумаге газета запивалась также в складки женских юбок. Накупившая за границей много туалетов модница могла провезти до 400 экземпляров «Искры».

«Пятница» стал впоследствии главным уполномоченным ЦК и заграничного большевистского центра по транспорту. Частые отлучки не нарушали его связи с Лениным, они вели оживленную деловую переписку. Но письма эти не сохранились. Перед отъездом в Россию Пятницкий оставил весь свой личный архив с письмами Ленина у бывшего агента ЦК в Берлине М. Н. Лядова, тоже часто находившегося в разъездах. Во время одной из таких отлучек его архив вместе с бумагами Пятницкого попал в руки германской полиции. «Не знаю, удастся ли их когда-нибудь вернуть...»¹ — писал впоследствии М. Н. Лядов в своих воспоминаниях. Этот вопрос так и остался без ответа.

Воспользовавшись приездом долгожданных гостей — делегатов от русской организации «Искры», Петербургского комитета и возродившегося Северного союза, Ленин созвал в Лондоне небольшое совещание, принявшее важное решение: избрать неофициальное ядро Организационного комитета по подготовке второго съезда партии. На этом совещании не велось никаких записей, кроме замечаний, которые в конспективной форме были сделаны самим Владимиром Ильичем.

В ядро неофициального ОК вошли все участники совещания. Вскоре двое из них — Игнат² и Гражданин³ — вернулись в Россию для создания официального ОК.

¹ М. Лядов. О Ленине. Воспоминания, кн. II. М., 1925, стр. 81—85.

² П. А. Красиков.

³ В. П. Краснуха.

В конце октября Игнат, носивший также клички Потап, Музыкант и Колючка, смог известить Ленина, что «дело реки двинуто, назначено к слушанию в самом коротком времени»¹. Это означало, что представители ряда комитетов договорились собраться для обсуждения интересующих Ленина и их всех вопросов. В письме были перечислены кандидаты в состав ОК, который в дальнейшей переписке стал часто упоминаться также под именем Оли или реки.

«Вышлите немедленно на всякий случай тот коротенький конспект по делу реки, который набросал был стариком...»² — просил Игнат. От этого конспекта, составленного Лениным, не сохранилось никаких следов, кроме письма Владимира Ильича, из которого видно, что он сам его уничтожил: «Дорогой друг! Заметок своих о нашем здешнем собрании я не могу найти. Да и не к чему они. Собрание имело совещательный характер, и вы вдвоем, конечно, лучше меня помните, что было. Восстановить официально того, что было, я не могу и не мог бы, даже имея отрывочные заметки, писанные исключительно для себя иногда не словами, а знаками...»³

В дни подготовки съезда переписка Фекты с ее многочисленными корреспондентами была особенно интенсивной. Но именно в этот период департаменту полиции удалось перехватить многие письма. Некоторые из них были впоследствии обнаружены в жандармских архивах⁴. Но в них были пробелы, так как чиновникам департамента не всегда удавалось полностью их расшифровать, а подлинники не сохранились. Именно в этот период были, несомненно, утрачены и некоторые письма Ленина.

После ареста Лепешинского, агента «Искры», на квартире которого происходило совещание членов ОК, многие клички пришлось переменить. ОК из Ольги превратился в Александра, Клэр стал Брутом, а Соня — Дашей. Письма для ОК посылались теперь на адрес Мути. Это не кличка, а фамилия посредницы — Розы Антоновны Муть, жившей в Харькове. На ее адрес шла раньше корреспонденция для Каролины (Харьковского комитета). Но адрес был, видимо, ни к черту не годен! — такое восклицание вырвалось

¹ «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 111.

² Там же.

³ Ленинский сборник VIII, стр. 294.

⁴ См. «Красный архив», 1934, № 1(62), стр. 147—152.

у Феклы. Она жаловалась, что два ее больших письма — письмо Ленина и о текущих делах — пропали. Правда, через некоторое время пришло извещение, что «все письма Феклы к Каролине и письмо Ленина получены»¹. Но после этого тот же адресат известил Феклу об утрате трех других ее писем. Не было ли среди них письма Ленина?

Пропажа писем — верный сигнал ненадежности адреса. «В последнее время с перепиской с другими дело обстоит очень плохо», — жаловалась Н. К. Крупская в конце 1902 года одному из своих корреспондентов. Она возмущалась тем, что эти другие дают плохие адреса. «Наших писем» (то есть писем, посланных и от имени Ленина) пропало 6 к Жене (редакция «Южного рабочего»), к Осипу (в Одессу) 4, к Зарину (Ленгнику) 4². Не дошли и письма, посланные в Нижний Новгород к «трудоправцам». Сколько писем Ленина было утрачено таким образом, трудно, конечно, установить. В собрании его Сочинений перечислены имена многих искровцев, которым Ленин безусловно писал, но эти письма не дошли или не все найдены.

Цепный документ партийной истории — заметки, сделанные Лениным на Лондонском совещании, — утрачен безвозвратно, по признанию самого их автора. Написанный им не словами, а знаками, набросок принятого там решения, вероятно, было бы еще труднее прочесть, чем шифрованное письмо, если бы оно и сохранился. Свой отказ восстановить эти заметки Ленин в письме к Красикову мотивировал тем, что другие участники совещания обладают лучшей памятью и об общей тактике договорились вполне. Таким ответом он хотел подчеркнуть, что главная задача состоит в проведении в жизнь этой тактики. И эта задача была выполнена, невзирая на все препятствия.

¹ «Пролетарская революция», 1928, № 8, стр. 55.

² «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 132.

БЕЗ ПОДПИСИ, НО... АВТОР — ЛЕНИН

Мы подробно рассказали о превратностях, которые испытала «Искра» в первые годы своей жизни, ибо столь же превратна была судьба и напечатанных на ее страницах ленинских произведений. И тем не менее все номера «Искры» сохранились. Все до единого! От первого по пятьдесят первый, последний номер, вышедший под редакцией Ленина.

Ленинская «Искра» начала свою новую жизнь после Октябрьской революции уже в форме книги. Она была переиздана в семи выпусках ленинградским партийным издательством «Прибой». Два коренных искряка: Пантелеймон Николаевич Ленишинский и Надежда Константиновна Крупская — написали для этого издания предисловие и вступительную статью.

В «Искре» было напечатано более пятидесяти статей В. И. Ленина¹. На страницах «Искры» Владимир Ильич впервые получил возможность регулярно публиковать свои статьи. На ее страницах Ленин высказал свои взгляды по важнейшим вопросам строительства партии, марксистской теории и практики революционной борьбы. «Искра» выпустила многие его работы и отдельными изданиями. Впоследствии они вошли в собрание Сочинений. Но лишь немногие из них Владимир Ильич подписал в те годы своим именем или разными инициалами. В большинстве случаев имени автора не было. Каким же образом узнали, что именно из опубликованного в «Искре», «Заре» и отдельными изданиями написано Лениным?

Послеоктябрьское издание «Искры» отличается от до-революционного прежде всего тем, что под редакционными

¹ См. «Исторический архив», 1955, № 6, стр. 175.

статьями в скобках поставлены фамилии авторов. Имена их были установлены с помощью архивных документов, уцелевших подлинников некоторых статей и тематических указателей, составленных бывшими сотрудниками «Искры», а также по регистрационным записям поступавшей в редакцию почты. Ценные сведения нашлись также в редакционной переписке. По 45-ти номерам «Искры» Ленин сам составил небольшую «таблицу учета количества статей различных авторов, помещавшихся в ЦО»¹. Но он внес в нее главным образом большие статьи и фельетоны, написанные членами редколлегии и некоторыми постоянными сотрудниками. Из своих статей он включил в эту таблицу только тридцать две. Все же с помощью этой таблицы удалось окончательно установить, что именно Ленин написал статьи «Новое побойще» («Искра» № 5), «Начало демонстраций» («Искра» № 13), «Признаки банкротства» («Искра» № 17). Две последние были помещены как передовицы. Первоначально все они приписывались другому автору².

В 1925—1929 годах, когда «Искру» переиздавали, еще не были выявлены все напечатанные в ней произведения Ленина. Редакторы этого издания были вынуждены добавить к приведенному в последнем выпуске указателю особый список заметок, «автором которых, возможно, является В. И. Ленин». В нем было 13 названий³. Этот же список был приведен в третьем издании собрания Сочинений Ленина. Но в него была включена еще одна небольшая статья — «Земский съезд», напечатанная в № 8 «Искры». Таким образом, в списке вероятных ленинских произведений было уже четырнадцать названий.

Предположения составителей списка вскоре начали подтверждаться. Так, например, выяснилось, что для первого номера «Искры» кроме передовицы «Насущные задачи нашего движения» и статьи «Китайская война» Ленин написал еще и заметку «Раскол в Заграничном союзе русских социал-демократов». Передовица сохранилась только в виде гранок с чьей-то корректурной правкой, но уцелел один из номеров «Искры» с пометкой Ленина, что она написана им. Такая же пометка была сделана Влади-

¹ «Под знаменем марксизма», кн. 6—7, 1923, стр. 105.

² См. «Искра», вып. VII. Л., «Прибой», 1929, стр. VII. От Испарта.

³ См. там же, стр. 203.

миром Ильичем рядом со статьей «Китайская война». По поводу же заметки «Раскол в Заграничном союзе русских социал-демократов» указания Ленина были обнаружены в его переписке с членами редколлегии Плехановым и Аксельродом. Плеханов предлагал внести в текст этой заметки некоторые поправки и более резкие выражения. Ленин, однако, не во всем с ним согласился. Заметка была опубликована в той редакции, которую он считал правильной¹.

По мнению составителей списка, Ленин мог быть также автором двух заметок, помещенных во втором номере «Искры». В одной говорится о росте безработицы в России; другая представляет собой рецензию на издания социал-демократической рабочей библиотеки. В первой была ссылка на доклад министра Витте по поводу государственных доходов и расходов, к которой автор обещал вернуться. Ленин это и сделал позже в специальной статье о государственной росписи 1902 года, помещенной в № 15 «Искры».

В списке вероятных произведений Ленина была и заметка «Секретный документ» из № 4 «Искры», посвященная конфиденциальной записке того же Витте. Его возражения против проекта министра внутренних дел Горемыкина ввести земства в так называемых неземских губерниях были уже подробно разобраны Лениным в известной статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма», предназначавшейся для «Искры», но опубликованной потом в «Заре». Заметка в пятом номере «Искры» как раз и сообщала о первоначальном намерении редакции. В ней записка министра характеризовалась как замечательный документ, «бесстыдно разоблачающий сокровеннейшие вождедения наших правителей». Предположение, что эта небольшая заметка была написана Лениным, подтвердилось. В пятом издании его Сочинений она помещена рядом со статьей, перепечатанной из «Зари».

Были основания предполагать, что Ленин написал и напечатанный в третьем номере «Искры» обширный обзор хроники бурных событий, разыгравшихся после того, как взяли в солдаты 183 киевских студента «за учинение скопом беспорядков». Обзор можно считать продолжением

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 4, стр. 384—385 и 485 (прим. 138).

гневной статьи на эту же тему, появившейся в предыдущем номере и заканчивающейся словами: «...Пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!»¹

Статья была написана Лениным. Он же мог быть и автором помещенного вслед за ней обзора, где было сказано: «Наше указание, что это не чисто студенческий вопрос, что он должен вызвать массовую студенческую забастовку и демонстрацию с участием всех классов общества и рабочими во главе их, оправдалась в полной мере»².

Среди заметок, автором которых мог быть Ленин, в списке названы две, посвященные одной и той же теме. В обеих говорится о бойкоте земского «султана» Родзянко, ретивого председателя екатеринославской земской управы, уволившего несколько ее сотрудников за попытку охладить его административный пыл. Этой же теме — борьбе земских работников с чиновным самодержавием — была посвящена и небольшая статья о самовольно собравшемся в одном городе земском съезде, напечатанная в восьмом номере «Искры» и дополнительно включенная в список вероятных произведений Ленина.

Статья «Земский съезд» недолго числилась в списке «вероятных». «Пора, наконец, и земским деятелям дать энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление, изуродовавшему самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшему свой топор над последними остатками земских учреждений»³. Автор статьи «Земский съезд», из которой взята эта цитата, был Ленин, и, начиная с четвертого издания, она включается в собрание его Сочинений.

В том же девятом номере «Искры», где помещена одна из язвительных заметок о земском султани, можно прочесть и небольшой фельетон «Новые рогатки», затрагивающий, казалось бы, не очень значительную тему: введение в России полицейского контроля... за продажей билетов на благотворительные концерты. Но автор фельетона очень убедительно разъясняет, «каких внутренних врагов имеет в виду этот новый циркуляр»⁴. В те годы такие кон-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 393.

² «Искра» 3, вып. I. «Прибой», 1925.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 85.

⁴ «Искра», вып. II. Л., «Прибой», 1926, стр. 29.

церты устраивались особенно часто в пользу нуждающихся студентов и голодающих крестьян. Сборы с концертов оказывали также существенную помощь и революционерам.

«Жизнь, конечно, не преминет обойти все эти новые рогатки, и, в частности, сочувствующая русской революции публика найдет возможность пополнить и при новых порядках кассы наших организаций»¹, — уверял автор заметки и советовал читателю задуматься, как скоро он добьется «распоряжения о том, чтобы всякий обыватель представлял все свои домашние счета на просмотр ближайшего постового городского».

Для включения этой едкой заметки в список работ, возможно принадлежавших В. И. Ленину, имелись также основания.

В декабре 1901 года журнал «Заря» поместил «Внутреннее обозрение» положения в России, подписанное инициалами Т. Х. Скрывавшийся под этими буквами Ленин подробно разобрал «временные меры», которые принимали царские власти для предотвращения волнений в голодающих областях, в частности циркуляр министра иностранных дел Сипягина начальникам этих губерний. «Мы не будем останавливаться на такой — сравнительно с разобраным циркуляром — «мелочи», как циркуляр того же министра об усилении надзора за благотворительными концертами»...² — писал автор обозрения и отсылал читателя к помещенной в «Искре» заметке «Новые рогатки», вероятно им же и написанной. Эта заметка близка по содержанию и к напечатанным в «Искре» ленинскими статьям «Борьба с голодающими» и «Каторжные правила и каторжный приговор». В последней Ленин сопоставляет введенные Сипягиным драконовские «временные правила» для жителей голодающих областей с драконовскими же мерами по отношению к рабочим, в частности с каторжным приговором участникам волнений на Обуховском заводе.

К этим статьям примыкают еще две заметки, включавшиеся в список вероятных произведений Ленина. Обе они помещены в семнадцатом номере «Искры». В той, которая носит обзорный характер, тоже говорится о «временных правилах», но введенных другим царским сатрапом —

¹ «Искра», вып. II. Л., «Прибой», 1926, стр. 30.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 5, стр. 413.

министром просвещения Ванновским. Эти «правила» подчиняли полицейскому контролю всю общественную жизнь студентов и вызвали среди них серьезные волнения. Как раз на эту тему именно Ленин написал передовую статью под заглавием «Признаки банкротства».

Вторая заметка написана как рецензия на выпущенную петербургскими социал-демократами брошюру о том самом процессе обуховских рабочих, за которым Ленин очень внимательно следил. Автор рецензии защищает одну из его участниц, восемнадцатилетнюю девушку Марфу Яковлеву, от близорукого автора брошюры, усомнившегося в правильности ее поведения на суде. Да, заявила Яковлева, она признает себя виновной в том, что после залпов, сделанных полицией в упор по толпе рабочих, стала подавать им камни... В последнем, пятом издании Сочинений Ленина впервые опубликованы сохранившиеся в его бумагах наброски статьи «Новое побоище», посвященной выступлению обуховских рабочих¹. Из этих заметок видно, какое значение придавал Владимир Ильич тому факту, что рабочие камнями отгоняли карателей.

«...Нападение полиции (с требованием разойтись) отбито камнями», — записывает он и в квадратных скобках уточняет:

«[Из-за заборов и из толпы. Град камней. Рабочие доказали, что хорошо сражаются]».

Перечислив в трех строчках действия карателей, Ленин еще раз повторяет: «Камни из дворов» — и не только подчеркивает эти слова, но обводит их чертой².

Еще один каторжный приговор, вынесенный уже не рабочим, а крестьянам (сектантам из села Павловка, Харьковской губернии), послужил темой краткой заметки, также включенной в список вероятных произведений Ленина. Список этот заканчивается двумя редакционными примечаниями. Одно из них, касающееся опубликованного в «Искре» (№ 29) воззвания Южно-русской группы учащихся, уже напечатано в пятом издании как принадлежащее перу Ленина³. Нашелся и экземпляр этого воззвания с текстом набросанного на нем рукой Ленина редакционного примечания. Листовка была прислана в редакцию из Ростова-на-Дону. Ее сочинили старшеклассники — тамош-

¹ См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 5, т. 5, стр. 385—386.

² Там же, стр. 386.

³ См. *В. И. Ленин. Соч.*, изд. 5, т. 7, стр. 66, 459 (прим. 33).

ние школьники. Помогая распространять «Искру», «Зарю» и изданные их редакциями брошюры, школьники призывали учащихся других городов последовать их примеру.

Перепечатывая текст этого воззвания в «Искре», Ленин добавил к нему несколько приветливых слов и деловой совет: поставить главной целью своей организации самообразование, сделаться убежденными, стойкими и выдержанными социал-демократами. Когда же придет время призыва на военную службу, держать тесную связь с партийными организациями, чтобы «начинать уже не с начала, а продолжать сделанное раньше»¹.

Второе примечание звучит как гневный комментарий к помещенному в «Искре» сообщению о разыгравшейся в Златоусте трагедии — расстреле участников стачки на казенном заводе. Местный губернатор обвинил во всем агитаторов. Нет, не на них падала вина за пролившуюся кровь! «Рабочие Златоуста шли на штыки и под пули, требуя освобождения этих агитаторов, которых они научились ценить, как своих представителей»², — добавлял автор заметки.

Названные выше статьи и заметки не исчерпывают список вероятных произведений Ленина, помещенных в «Искре». Он, возможно, был автором и редакционного примечания к волнующему письму одного петербургского ткача, напечатанному в «Хронике рабочего движения» («Искра» № 7):

«...Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номерок истрепался, а он дорог... Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь, когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих и всех интеллигентов, за которыми мы идем...

Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу. Нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень! Сейчас все рабочие точно керосином облитые... Раньше каждая стачка была событием, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее.

Теперь уж нам не кассы, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать...»

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 7, стр. 66.

² «Искра», вып. V. Л., «Прибой», 1928, стр. 163.

Как видно из примечания, письмо было написано после того, как рабочий прочитал четвертый номер «Искры», то есть тот, где была опубликована передовицей статья Ленина «С чего пачать?». На это, в частности, указывают такие строки: «Хочется нам письмо в эту самую «Искру» вашу написать, чтобы она не только учила, как пачать, а как жить и умереть». Как бы откликаясь на эту просьбу, автор заметки в добавление к письму сообщает о том, что возобновилась борьба на Обуховском заводе. Возмущенные возвращением на завод прежнего помощника директора, виновника первой стачки, рабочие опять объявили забастовку; начались новые аресты.

Из текста заметки неясно, было ли это письмо при-слано прямо в редакцию «Искры» или через одного из агентов, или корреспондентов. Но веским доводом в пользу того, что эта короткая заметка принадлежит Ленину, может служить его письмо агенту «Искры» Ивану Ивановичу Радченко: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими,— писал в этом письме Ленин.— Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, к[ото]рые действительно придают массу бодрости»¹. И Ленин настойчиво просит этих рабочих не только посылать корреспонденции в «Искру», но и писать ему просто, «для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания». Как раз такой характер и послало помещенное в «Искре» письмо питерского ткача. В том же письме к Радченко Ленин подчеркивал, что его особенно интересует мнение рабочих о его брошюре «Что делать?».

Отвечая на вопросы читателей, Ленин, оказывается, писал иногда в «Искре» даже совсем маленькие заметки для «почтового ящика». Такая заметка — характеристика политической группы «Борьба» — помещена, например, в восемнадцатом номере. Более пространное сообщение — оценка другой, тоже антипсковской, группы «Свобода» была опубликована как сноска к статье Мартова «Борьба направлений — пожива демагогам» («Искра» № 30)². Рукописи этих заметок не сохранились. В собрании Сочинений они воспроизведены по тексту «Искры». Но в бумагах Ленина был найден подлинник неоконченной им

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 256.

² «Искра», вып. IV. Л., «Прибой», стр. 146.

статьи о журнальчике «Свобода», предназначенной, по-видимому, для «Искры». Возможно, что Ленин не дописал свою статью именно из-за того, что мертворожденное издание перестало существовать. Однако изложенные в этой неоконченной статье взгляды Владимира Ильича на то, как надо писать для широких масс, и на роль писателя-популяризатора до сих пор сохранили свою актуальность. От писателя, пишущего для народа, Ленин требует прежде всего уважения к своим читателям. «Популярный писатель, — пишет он, — подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общезвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель, — продолжает делиться своими интересными наблюдениями Владимир Ильич, — не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно»¹. Эту характеристику прежде всего можно отнести к самому Ленину. Его умение уважать читателя и стремление давать ему нишу для размышлений нередко помогают узнавать и те ленинские статьи, которые были опубликованы без подписи.

Совсем недавно выяснилось, что помещенная в последнем, вышедшем под редакцией Ленина номере «Искры» заметка «К статистике арестованных» тоже, вероятно, была написана им. В архиве Института марксизма-ленинизма оказался список заключенных, находившихся в 1901 году в одесской тюрьме. Приводились также сведения об их возрасте, профессии, причинах ареста. На этом списке рукой Ленина было помечено: «Из Одессы получено 8/Х». К списку был приложен листок, на котором Владимир Ильич записал, очевидно, для памяти: «Составить бы заметку на основании этого. Обработать в статистику». И он сам тут же набросал для нее заголовок: «Статистика арестованных».

Такая заметка с несколько измененным заглавием

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 5, стр. 358, 457.

(«К статистике арестованных») и появилась в № 51 «Искры». В ней прежде всего дается характеристика узников, перечислены их профессии и отмечено, что 73 из 105 попали в тюрьму впервые. У половины при аресте не было найдено никаких улик. Сорок человек хранили нелегальную литературу. Пятнадцать были социал-демократами. Один из них, член ОК, участвовал в подготовке съезда партии. Среди арестованных по политическим мотивам на первом месте стояли участники стачек и демонстраций. Одному было предъявлено обвинение в намерении убить Инку Милушу — как известно, под этим именем был выведен Николай II в фельетоне Амфитеатрова «Господа Обмановы»¹. Предполагается, что эту заметку написал Ленин, основано также на имеющихся в институте сведениях, что Владимир Ильич относился с особым интересом к такого рода статистическим данным.

Искровская организация в Одессе подвергалась жестоким преследованиям. В ее рядах было много смельчаков. Об этом говорит, в частности, найденное в жандармских архивах донесение об одном чрезвычайном происшествии, всполошившем весь город. Во время спектакля в русском драматическом театре, когда меняли декорации, кто-то крикнул: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода!» — и с галерки посыпались листовки. «Парушитель спокойствия», рабочий Юрий Матлахов, был тут же арестован и отвезен в тюрьму. Он был одним из тех 105 заключенных, которым посвящена заметка «К статистике арестованных».

В первом печатном указателе работ Ленина, изданном после Октябрьской революции, упоминались две первомайские листовки, якобы написанные им в 1901 году: «Листок «Искры» («О последних событиях») и «Первое мая (Листок «Искры»)». Рядом с названиями листовок стоял, однако, вопросительный знак, и ни одна из них не была включена в собрание Сочинений В. И. Ленина. Опытный источниковед С. Н. Валк доказал, что в справочнике допущена ошибка: одна и та же первомайская листовка упоминается под разными названиями. Листовка эта была выпущена не редакцией «Искры», а рядом партийных комитетов² в России совместно с «Искрой». Ре-

¹ См. «Искра», вып. VII. Л., «Прибой», 1929, стр. 185.

² Петербургским, одесским, киевским, харьковским и организациями «Южного рабочего» и «Искры».

дакция же «Искры» напечатала в 1901 году другое первомайское воззвание, где не было указано, что оно — листок «Искры». Ленин не написал ни одной из этих листовок. Но в этом же 1901 году появилась ленинская работа, посвященная 1 Мая, долго остававшаяся неопознанной.

Исследование переписки между Лениным и членами редколлегии «Искры», жившими в Швейцарии, показало, что Владимир Ильич написал предисловие к изданной «Искрой» в 1901 году брошюре «Майские дни в Харькове». Еще до выхода первого номера «Искры» редакция ее получила из России интересное описание первомайских событий в Харькове, разыгравшихся весной 1900 года.

Очерк был написан по рассказам участников этих событий. Впервые празднование 1 Мая в Харькове носило действительно массовый и боевой характер. Рабочие забастовали и вышли на улицы с красными знаменами. На их полотнищах были написаны революционные требования: восьмичасовой рабочий день и политическая свобода. Корреспонденция не уместилась, однако, на страницах «Искры». Ленин подсчитал, что в ней около пятидесяти тысяч знаков, и, поместив ее, редакции пришлось бы пожертвовать значительной частью другого важного материала. В то же время жаль было ее сокращать. Ленин предложил напечатать очерк отдельной брошюрой. О ее предстоящем выходе появилось сообщение в первом же номере «Искры». К этой брошюре Владимир Ильич написал предисловие, в котором наряду с оценкой положительного опыта харьковчан отметил и недостатки в организации маевки. Предисловие заканчивалось выводом: «Нам недостает организации».

«Эта организация, — растолковывал Ленин, — должна быть революционной организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознававших задачи социалдемократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем»¹. Под предисловием Владимир Ильич подписал: «Редакция «Искры»».

Посылая предисловие членам редколлегии, Ленин просил Аксельрода высказать о нем свое мнение и сделать замечания, «не стесняясь, пером или карандашом тут

¹ Ленинский сборник III, стр. 296—297.

же»¹. Но Аксельрод нашел, что предисловие к брошюре написано прекрасно. «Два раза прочел — и оба раза очень понравилось»², — ответил он Ленину.

Лишь тогда, когда вся переписка по поводу этого предисловия попала в Институт марксизма-ленинизма, удалось установить, кто был его автором. Начиная с третьего издания, предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове» включается в собрание Сочинений В. И. Ленина.

Но подавляющее число документов о деятельности «Искры» еще не исследовано. Такой вывод был сделан недавно научным сотрудником Института марксизма-ленинизма В. Н. Степановым в статье, посвященной ее шестидесятилетию³. Значит, среди опубликованных в «Искре» материалов могут оказаться еще другие произведения В. И. Ленина. Так, совсем недавно, в 1958 году, научный сотрудник того же института М. В. Стешова установила, что опубликованная без подписи в газете «Искра»⁴ статья «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев» написана В. И. Лениным⁵. Как и в ряде других своих статей⁶, Ленин разъяснял в ней тактику самодержавия, политику «кнута и пряника». Закон о вознаграждении искалеченных рабочих как раз и был таким пряником, но пряником горьким и жестким.

Рукописи Ленина, относящиеся к искровскому периоду, могут быть, разумеется, обнаружены и в других местах при изучении архивных материалов.

Всего несколько лет назад кандидат исторических наук Г. С. Жуйков, знакомясь в «Доме Плеханова»⁷ с хранящимися в его архиве документами, обратил внимание на приписку в одном из писем Мартова к Плеханову, сделанную, судя по почерку, не его автором. В письме говорилось о только что вышедшем сборнике «На славном по-

¹ Ленинский сборник III, стр. 103.

² См. Ленинский сборник III, стр. 105.

³ См. статью «Документы ленинской «Искры». «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 174.

⁴ См. «Искра» № 47 от 1 сентября 1903 года.

⁵ См. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, 7.

⁶ Напечатанной в той же «Искре» передовой «Эра реформ» и написанных раньше статьях «Проект программы нашей партии» и «О промышленных судах».

⁷ Этот дом, находящийся на 4-й Красноармейской улице в Ленинграде, был передан родственникам Г. В. Плеханова по распоряжению В. И. Ленина.

сту», посвященном юбилею кумира народников — Михайловского. Автор приписки предлагал «разнести» в «Заре» помещенные в этом сборнике медоточивые статьи. Он сам брал на себя разнос будущего вождя эсеров Чернова, а Плеханову советовал «взяться за Рафаилова, Южакова и пр. социологов». «Это будет реванш против Михайловского»¹, — заканчивалась приписка. Исследование показало, что она была сделана В. И. Лениным.

¹ Жуйков Г. Из архива Г. В. Плеханова. «Нева», 1957, № 1, стр. 213.

ЧЕМОДАН ФРЕЯ

«Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) равно чтению чужого письма»¹.

Так начинается рукопись Ленина «Рассказ о II съезде РСДРП». Слова «равно чтению чужого письма» трижды подчеркнуты. Но с тех пор как в таком предостережении отпала необходимость, рассказ этот много раз публиковался в собрании Сочинений В. И. Ленина, был помещен и в сборнике, напечатанном большим тиражом. Мы привели здесь эти слова с единственной целью — ввести читателя в сложную атмосферу, создавшуюся после исторического второго съезда.

Рождение революционной марксистской партии — партии нового типа, наметившей ясный и прямой путь борьбы против царизма и капитализма и подчинившей этой цели все свои решения и действия, не могло быть безболезненным. Ленинские идеи победили после ожесточенной борьбы с их противниками — оппортунистами разных мастей. Обнажились и углубились расхождения во взглядах, выявившиеся еще до съезда, в частности при обсуждении статей и партийных документов, публиковавшихся на страницах «Искры» и «Зари». Размежевание на большевиков и меньшевиков произошло прежде всего в рядах самих искровцев.

Протестуя против решения Плеханова вернуть в редакцию «Искры» своих сторонников, устранившихся из нее по воле съезда, Владимир Ильич ушел из «Искры». Газета стала вскоре меньшевистской, и это, конечно, не способ-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 8, стр. 5.

ствовало сохранению рукописей Ленина в ее редакционном архиве.

Надо было продолжать борьбу за осуществление решений съезда, и Ленин печатал теперь свои произведения в типографии ЦК, как его издания. Через заграничный отдел ЦК и другими путями он вел оживленную переписку с партийными комитетами, в большинстве своем разделявшими его взгляды, и со всеми единомышленниками в разных концах России. Судя по посланному Н. К. Крупской в Россию сообщению: «Надо писать уйму, а старые адреса не действуют»¹, в переписке были перебои, и ленинские письма не всегда доходили. Это подтверждается и материалами, обнаруженными после Октябрьской революции в полицейских архивах. Некоторые письма В. И. Ленина сохранились только там — в копиях, сделанных перлюстраторами, но иногда все же с пробелами, так как многие места они не смогли полностью расшифровать. Письма иногда терялись и потому, что были посланы по неправильному адресу. В архиве ярославского охранного отделения нашли, например, копию перехваченного письма, отправленного в 1904 году из Лейпцига и написанного, по-видимому, Крупской. Письмо было адресовано в аптеку Фишера, явочную квартиру для ярославских социал-демократов, большинство которых разделяло ленинские взгляды.

«Дорогие товарищи, известите, пожалуйста, получено ли письмо Ленина от 10 ноября, — интересовался автор письма, — в адресе, как оказалось, была ошибка. Очень неприятно, если письмо пропало. Адреса, на которые пишет Чижиков, действуют. Подписывать только химией: для Ленина».

Изменения в составе партийных центров, происшедшие вскоре после второго съезда в связи с арестами некоторых членов ЦК — сторонников большинства, и захват этих центров меньшевиками и примиренцами вызывали у приверженцев Ленина опасения за судьбу написанных им в этот период произведений. Их распространению препятствовали, с одной стороны, департамент полиции, с другой — меньшевики и примиренцы. Это можно наглядно проследить на судьбе такого важного произведения Ленина, как «Шаг вперед, два шага назад». Книгу эту

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3Н, ед. хр. 1920, № 19.

пришлось печатать в Женеве в типографии, перешедшей уже в руки меньшевиков. Предвидя возможность всяческих козней, заведовавший в то время экспедицией ЦК В. Д. Бонч-Бруевич стремился ускорить ее выход в свет. Отпечатанные листы сразу же вывозились в брошюровочную с таким расчетом, чтобы в день, когда поступит последний лист, первые экземпляры брошюры уже можно было доставить в экспедицию и разослать по адресам. И как раз в тот день, когда эта работа была закончена, явился Б. Н. Носков — новый заграничный представитель ЦК, назначенный на место арестованного в России Ленинина. В то время Носков занимал уже двойственную позицию, и он сразу же спросил Бонч-Бруевича:

— Когда выйдет книжка Ленина?

— Она уже вышла... — и Бонч-Бруевич протянул Носкову один из готовых экземпляров.

— Как так? Ведь она только что печаталась? — удивился Носков.

— А теперь уже сброшюрована.

— Чем это вы заняты? — продолжал допрашивать Носков.

— Подготовлением рассылки книги.

— Нет, нет, это нельзя... Я должен еще ее прочесть.

— Ну и читайте.

— Нет, нет, рассылать нельзя... Я властью ЦК запрещаю рассылать¹.

Экспедиторов, сочувствовавших большевикам, эти слова возмутили. Они впервые видели представителя ЦК в роли цензора партийной литературы и стали громко выражать свое негодование. Бонч-Бруевич потребовал у Носкова письменного распоряжения, подтверждавшего его право так действовать. Не дожидаясь распоряжения, которое так и не поступило, он быстро разослал весь тираж по адресам.

Книга, призывавшая к созданию большевистской партии на основе новых организационных принципов, была в большом количестве доставлена в Россию. Судя по донесениям департамента полиции, она распространялась в Москве, Петербурге, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме и других городах и в 1907 году была вто-

¹ Разговор этот приведен здесь по записи В. Д. Бонч-Бруевича, опубликованной в сборнике «Техника большевистского подполья», вып. I, стр. 238.

рично опубликована уже в России в сборнике «За 12 лет». Рукопись ее, однако, долгое время считалась утерянной. По словам В. Д. Бонч-Бруевича, он бережно хранил ее среди бумаг Женевской библиотеки и архива РСДРП. Она была написана на больших почтовых листах, прямо па-бело, почти без помарок. В 1905 году и архив и библиотека были отправлены в Швецию, в стокгольмский пародный дом, принадлежавший Центральному Комитету Шведской социал-демократической партии, и там якобы спустя несколько лет погибли¹. Тогда же как будто была утрачена и ленинская рукопись. Сведения эти, к счастью, не подтвердились. Рукопись ленинской брошюры пашлась и смогла быть опубликована в XV Ленинском сборнике в 1930 году.

Изучение рукописи подтвердило, что первоначальный текст был написан почти без поправок, лишь с небольшими зачеркиваниями и вставками, одним духом. Так сильно, очевидно, был увлечен Ленин темой. Перед сдачей рукописи он, однако, дважды сделал вставки черным и синим карандашом, уточняющие некоторые подробности острой борьбы, развернувшейся на втором съезде между большинством и меньшинством.

Спустя много лет в архиве бывшего департамента полиции в папке «Заграничная агентура» был обнаружен убедительный документ, подтверждающий намерение группы примиренцев помешать изданию и распространению сочинений Ленина.

В письме, посланном в Россию к члену ЦК примиренцу М. Е. Гальперину через входившего в «берлинскую группу содействия «Искре»» Житомирского, оказавшегося впоследствии провокатором, Носков откровенно писал, что собирается «захватить все практические дела в наши руки»². Письмо это было в присутствии Носкова заложено в каблук уезжавшего в Россию Житомирского, что, конечно, не помешало ему снять копию для департамента полиции. После возвращения провокатора из России именно Носков рекомендовал его Пятницкому в качестве помощника для работы на германском транспортном пункте³. Попытка

¹ См. Влад. Бонч-Бруевич. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М., «Жизнь и знание», 1924, стр. 80—85.

² См. «Красная летопись», 1925, № 2(13), стр. 161.

³ См. О. Пятницкий. Записки большевика. Л., 1926, стр. 49.

Житомирского завладеть связями этого пункта и помешать таким образом распространению произведений Ленина сорвалась только благодаря бдительности Пятницкого, уклонившегося от передачи ему этих связей и вынудившего его таким образом оставить работу транспортера подпольной литературы.

После раздела партийного имущества и передачи экспедиции ЦК новому представителю большевики стали распространять ленинские произведения через созданную ими собственную экспедицию. Они сохранили наиболее надежные адреса и шифры для переписки с приверженцами большинства. По свидетельству берлинского представителя ЦК М. Н. Лядова, заведовавший транспортным бюро Пятницкий лучшие и наиболее надежные участки переброски через границу приберег для большевистской литературы. Эти связи удалось сохранить, несмотря на попытку германских властей помешать дальнейшей транспортировке литературы в Россию. Ящики отправляли из Берлина в пограничный городок Тильзит на имя сапожника Мертенса под видом сапожного товара (поэтому их и называли «кожей»). Прусские жандармы случайно установили, что содержимое ящиков не соответствует накладной, и начали следствие. К делу были привлечены девять немецких социал-демократов, помогавших Пятницкому¹. Начались обыски и аресты, приведшие к высылке из Германии трех большевиков — П. А. Красикова, М. Н. Лядова и Ф. И. Щеколдина. Под давлением русского правительства в Кёнигсберге был инсценирован процесс, закончившийся, однако, полным провалом его организаторов. Благодаря удачному выступлению защитников, и прежде всего Карла Либкнехта, сумевшего доказать, что обвинение построено на песке, подсудимые были приговорены к небольшим срокам заключения, и некоторые из них вскоре возобновили свою деятельность².

Создав свою экспедицию, большевики продолжали совершенствовать способы распространения нелегальной ли-

¹ Это были парикмахер Макс Новградский, часовщики Август Кугель и Герман Трептау, кассир Отто Браун, грузчик Фридрих Клейн, плотник Эренфорт, сапожник Фердинанд Мертенс, житель Берлина Петцель и Мартин Когст; последний не был социал-демократом.

² См. В. А. Радус-Зенькович. Страницы героического прошлого. Госполитиздат, 1960, стр. 93—126.

тературы. По словам М. Лядова, жена которого работала в этой экспедиции, принципы ее перестройки подсказал Ленин¹. Так, например, экспедиция завела в Женеве собственную мастерскую, превращавшую напечатанные на тонкой бумаге нелегальные листовки и брошюры в прочный картон по новому рецепту, изобретенному одним швейцарским переплетчиком. Когда тайну чемоданов с двойным дном и стенками раскрыли, Ленин предложил изготавливать в этой мастерской чемоданы другого типа. Их дно и стенки делались из «конспиративного картона». Из него же изготовлялось днище посылаемых в Россию рамок с гравюрами известных европейских художников, картин с изображением мадонн и т. п., а также подставки для ручных зеркал. В ванне с теплой водой этот прочный картон легко расклеивался. Страницы брошюр высушивали, и их текст полностью восстанавливался.

По-прежнему много забот причиняло распространение литературы на русской территории. На одном из важнейших участков этим успешно занимался «Папаша» — участник знаменитого побега из киевской тюрьмы Максим Максимович Литвинов. Именно он доставил по назначению первые экземпляры книжки «Шаг вперед...».

Не повторяя сказанного в предыдущих главах, мы хотели бы привести здесь один эпизод, относящийся к 1904 году. Вот за что получил кличку «Чорт» транспортер восточного бюро ЦК РСДРП Виктор Богомолов. Он узнал, что присланную из-за границы корзину с подпольной литературой вскрыли и перенесли из камеры хранения в жандармскую дежурку. Транспортер лично в этом удостоверился, придя якобы для того, чтобы подать заявление, что на вокзале у него украли портфель. Затем Богомолов отправился к местному социал-демократу городскому ветеринарному врачу Абалдуеву, и тот связал его с железнодорожниками. Было решено, что вечером рабочие депо начнут стрельбу на дальних парковых путях или будут, перебегая под вагонами, бросать на рельсы железнодорожные петарды. В это время к вокзалу должен был подкатить лихач. Править лошадью вызвался родственник Абалдуева, опытный ездок. На вокзал для помощи Богомолову пришли четыре ученика железнодорожного училища.

¹ См. М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах. М., 1956, стр. 26.

В условленный час все они собрались **вблизи** жандармской дежурки. Когда послышались выстрелы и начали взрываться петарды, шесть встревоженных жандармов выбежали из дежурки. Этого только и ждал Богомолов. Едва жандармы скрылись из виду, он вместе со своими помощниками с размаху высадил дверь дежурки, вытащил корзину и водрузил ее на сани на глазах у перепуганных пассажиров. Отличный саратовский рысак вмиг доставил в надежное убежище драгоценный груз, в котором были и лепинские брошюры.

Пытаясь отстранить В. И. Ленин от руководства партией, примиренцы, завладевшие большинством в ЦК, запретили Владимиру Ильичу печатать свои произведения без их разрешения, но заграничный большевистский центр вскоре после организации собственной экспедиции основал и свое издательство, выпустившее ряд брошюр. В одной из них — «Земская кампания и план «Искры»» — Ленин разбирал предательскую тактику руководителей меньшевистской «Искры».

Меньшевики пытались опорочить новое издательство, объявить его «незаконным». Через совет партии они провели свое решение, запрещающее на изданиях, выпускаемых ленинцами, ставить заголовок РСДРП. Эти выпады против Ленина вызвали негодование в России. Московский комитет и другие организации осудили действия совета и незаконный бойкот «самого крупного и авторитетного партийного литератора»¹.

Только новый партийный съезд мог, по убеждению Ленина, положить конец обострению разногласий, вывести партию из кризиса. Для подготовки такого съезда одних брошюр было недостаточно. Нужно было создавать новую газету, зубастую, боевую, которая не давала бы спуску дезорганизаторам. Такой именно и стала газета «Вперед», начавшая выходить в Женеве, — периодический орган большевиков, за редактирование которого Ленин взялся с большим увлечением.

Выдающаяся роль газеты «Вперед» в подготовке съезда была признана его делегатами в специальном решении. В условиях нарастания первой русской революции особенно важное значение приобретало выяснение ее харак-

¹ «Третий съезд РСДРП». Сборник документов. Госполитиздат, 1955, стр. 106.

тера и движущих сил, а также возникающих в связи с ней задач для рабочего класса и его партии. Это и было сделано Лениным. На страницах «Вперед» было напечатано 42 его статьи. Как и появившиеся в «Искре», они воспроизведены в собрании Сочинений с примечанием: «Печатается по тексту газеты». Рукописи этих статей не сохранились. Но деятельный сотрудник «Вперед» Анатолий Васильевич Луначарский утверждал, что основное, две трети всего появившегося в этой газете, за исключением корреспонденций, было «результатом работы Владимира Ильича»¹.

Луначарский рассказывал в 1931 году слушателям курсов марксизма, что в редакции «Вперед» укоренился обычай — обсуждать в узком кругу основных сотрудников все намеченные к опубликованию статьи. В результате обсуждения в эти статьи нередко вносились дополнения и поправки. «Было немало случаев, когда первоначально статья была сначала написана Орловским или Ольминским, но в конце концов становилась произведением Владимира Ильича. Он ее так сильно изменял, черкал, перedelывал, вставлял большие куски, что часто позднее редакторы переизданий становились в тупик — чья же это статья, ибо многие узнавали, что это выражение Орловского, что так Владимир Ильич никогда не выражался, а рядом находили тишичный слог Ильича»².

Но Ленин не был честолюбив. По словам В. В. Воровского, подписывавшего свои статьи псевдонимом Орловский, он охотно следовал чужому совету, если совет был хорош, и добродушно позволял редактировать свои собственные рукописи и «изменять» их, если только эти стилистические исправления не искажали смысл во вред интересам партии и рабочего класса.

В списке неразысканных произведений Ленина за годы первой эмиграции мы встречаем главным образом его письма в Россию. Некоторые из них, к счастью, не попали в этот список, хотя, казалось бы, утрата их была неизбежна. Это письма, адресованные заключенным. Обычно они уничтожаются получателями, даже если и не написаны шифром или химическим способом.

«...Нужны подвижные, летающие, свободные и неле-

¹ «Ленин — журналист и редактор». Госполитиздат, 1960, стр. 325.

² Там же, стр. 326—327.

гальные люди»¹, — писал Ленин Кржижановскому незадолго до второго съезда. Владимир Ильич мог бы повторить эти слова и в период подготовки к третьему съезду. Это определение вполне подходило к молодой большевичке члену ЦК М. М. Эссен. Направленная Лениным в Россию в ответственный момент, она, однако, не смогла тогда выполнить его задания. По доносу в то время еще не разоблаченного провокатора Житомирского ее арестовали сразу же после пересечения границы. Вскоре в тюремную камеру ей было передано письмо от Владимира Ильича с сообщением о выпуске газеты «Вперед».

«Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить!.. Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть»².

Прочтя это письмо, Мария Моисеевна воспрянула духом. Во всяком случае, уже с дороги из тюрьмы в ссылку она совершила побег и пробралась в Петербург. По просьбе членов Петербургского комитета, твердо стоявших на ленинских позициях, Эссен написала письмо Владимиру Ильичу с просьбой дать оценку начавшимся в России выступлениям масс. И опять из Женевы повеяло бодростью.

«Хорошая у нас в России революция, ей-богу! — отвечал Ленин. — Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой». В конце письма он подчеркнул, что «значение заграницы теперь *ежечасно* падает... Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература), — скоро закроем совсем и откроем в Питере»³.

Несколько раньше «Зверя» (партийная кличка М. М. Эссен) вышла из тюрьмы и Елена Дмитриевна Стасова, арестованная по делу Северного бюро ЦК. Объявив голодовку, она добилась освобождения «на поруки». Но другие большевики — Ленгник, Бауман, Кнуныяц — оставались еще за решеткой в камерах Таганской тюрьмы. Готовясь к разбору их дела в открытом заседании судебной палаты, они обсуждали, как вести себя на суде: отказываться ли от показаний, данных на предварительном следствии?

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 323.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 34, стр. 241.

³ Там же, стр. 311, 312.

Стасова попыталась узнать мнение Ленина об этом. Оно высказано в известном письме к Абсолюту¹ и тоже заканчивалось ободряющим призывом: «Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем... Желаю здоровья и бодрости!!»² Подлинник этого письма, написанного химическим способом, по словам Е. Д. Стасовой, она уничтожила после проявления. Но спустя много лет среди привезенных из Женевы партийных документов была обнаружена копия письма, написанная ее рукой. Еще осенью 1905 года Стасова была вызвана Лениным в Женеву для заведования техническими делами ЦК. Ей же перед своим отъездом в Россию Владимир Ильич поручил ликвидацию этих дел. В ноябре 1905 года в Петербурге впервые начала легально выходить ежедневная большевистская газета «Новая жизнь», и уже не было необходимости печатать газету, листовки и брошюры за границей.

«Мы привели в порядок и продали женевскую типографию, уложили и отправили в Стокгольм (в пародный дом на имя Брантинга) всю библиотеку и весь архив партии. Эти ящики и чемоданы долго стояли на хранении в Стокгольме, а потом, как рассказывали товарищи, не то при перестройке народного дома, не то при переезде его в другое помещение, часть хранившегося была сожжена»³.

Однако не следует делать вывод, что после отъезда Ленина и отправки в Стокгольм партийной библиотеки и архива в Женеве не осталось ни одного ленинского документа. В этой отвратительной дыре — так отозвался однажды о живописной Женеве рвавший на родину Ленин — давно существовала русская библиотека, созданная на средства политических эмигрантов и взносы читателей. Ею пользовались, впрочем, не только эмигранты, но и другие русские, приезжавшие в Женеву, главным образом студенты, учившиеся в местном университете. За умы и сердца этой молодежи шла борьба между политическими партиями и многочисленными эмигрантскими группами и группками, усердно снабжавшими библиотеку своими изданиями.

¹ «Абсолют» — подпольная кличка Е. Д. Стасовой.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 8, стр. 52.

³ Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, 1957, стр. 54.

Рост революционного движения в России увеличил приток эмигрантов — их ряды непрерывно пополнялись бежавшими из тюрем и ссылки революционерами. Незадолго до приезда Ленина в Швейцарию они решили основать в Женеве центральный русский революционный музей со своей библиотекой и архивом, где должны были быть собраны первые революционные издания. Небольшой комитет под председательством Плеханова начал сбор книг для музея. Книги временно хранились в «Вилле Рюс», принадлежавшей высланному из России толстовцу П. И. Бирюкову. Секретарем этого комитета состоял литератор Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, вступивший вскоре в созданную Лениным Заграничную лигу революционной социал-демократии.

Подходящего помещения для будущего музея не удалось подобрать, да и экспонатов, очевидно, было собрано недостаточно. Короче говоря, его так и не открыли. Тогда Бонч-Бруевич предложил нескольким большевикам¹ создать свой партийный музей с библиотекой и архивом при нем. Они сразу же согласились и притащили к нему на квартиру книги и листовки. Ленин поддержал это начинание и захотел внести и свою лепту. Много книг пожертвовали вскоре русские и заграничные издательства, эмигрантские и социалистические организации в разных странах. Переселившийся в Женеву библиофил и книгоиздатель Григорий Аркадьевич Куклин поделился с новой библиотекой своими богатствами. Помещение для нее подыскали в том самом доме на Рю де ля Каруж, где находились большевистские экспедиция и типография. Задуманная как отдел музея, библиотека эта стала самостоятельным центром, так как и на этот раз музей не удалось открыть. Но при ней был оборудован архив, помещение которого служило одновременно и комнатой для научных занятий. Здесь часто работал Ленин, ему даже передали запасной ключ. К приходу Владимира Ильича на столе раскладывали заказанные им газеты, журналы и только что полученные книжные новинки, но он всегда с интересом просматривал и старые издания, комплекты «Полярной звезды» и «Колокола», лежавшие на полках. Эти издания он иногда брал домой.

¹ П. Н. Лепешинскому, В. В. Воровскому, М. С. Ольминскому, М. Н. Лядову и др. См. «Красная летопись», 1932, № 3(48), стр. 109.

Вступивший в наблюдательный комитет «Библиотеки и архива РСДРП» книголюб Куклин летом 1905 года примкнул к большевикам, а потом передал им и свою личную библиотеку. Когда группировавшиеся вокруг заграничного большевистского центра эмиграции стали возвращаться в Россию, больной туберкулезом Куклин вынужден был остаться в Женеве. По совету Ленина он стал хранителем библиотечного фонда и созданного при нем архива. Эту обязанность Куклин выполнял до конца своей жизни. После смерти Куклина его заменил библиотекарь книгохранилища большевик Вячеслав Алексеевич Карпинский. Именно ему, уезжая в Россию, в октябре 1905 года Ленин передал еще триста своих книг и свой личный архив.

* *
*

...Ценнейшие документы, рукописи и письма были уложены в обыкновенный кожаный чемодан, без двойных стенок и двойного дна, который впоследствии был назван «чемодан Фрея», так как хранившиеся в нем бумаги относились главным образом к тому времени, когда Ленин пользовался этим псевдонимом, то есть к годам его первой эмиграции. Владимир Ильич перед возвращением в Россию сам упаковал этот чемодан. Об этом в нескольких строках впоследствии рассказала Крупская:

«...Вместе с Ильичем разобрали мы его бумаги и письма, разложили по конвертам, Ильич подписал собственноручно каждый конверт. Все было уложено в чемодан и сдано на хранение, кажется, т. Карпинскому. Этот чемодан сохранился и был доставлен уже после смерти Ильича в Институт Ленина. В нем была масса документов и писем, бросающих яркий свет на историю партии»¹. Именно эти документы составили впоследствии основу фонда № 2 Института марксизма-ленинизма, фонда, в котором хранятся все рукописи Владимира Ильича.

После того как сам Ленин в последний раз просмотрел эти, особенно дорогие ему, листы и позаботился об их сохранности, «чемодан Фрея» много лет оставался в стране, давшей приют его владельцу в годы первой эмиграции.

¹ П. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 105.

Тем временем в Швейцарии произошло немало перемен. Славившаяся когда-то своим либерализмом и демократическими традициями, маленькая страна дольше многих других отказывалась признать молодую Советскую республику. В этой стране находили убежище выброшенные из России белогвардейцы; один из них выстрелом из револьвера убил первого советского полпреда деятельного искровца и стойкого большевика В. В. Воровского, вместе с Владимиром Ильичем в этой же Швейцарии издававшего газету «Вперед». Если бы убийцам Воровского было известно местонахождение ленинского архива, они не преминули бы его уничтожить. Но сотрудники советских учреждений за рубежом сумели сберечь эту величайшую ценность.

ОШИБКА ШПИКА ФИКУСА

«Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжелее, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны», — писал в апреле 1910 года Владимир Ильич из Парижа жившему в то время в Италии Горькому. И все же письмо это дышало бодростью, уверенностью, что «развитие партии, развитие с.-д. движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего положения»¹.

Осенью того же года в Париж приехала из России большевичка Серафима Ильинична Гопнер (партийная кличка Наташа), опытная подпольщица, не раз обводившая вокруг пальца охранку. Восстанавливая в памяти спустя много лет свои тогдашние встречи с Лениным, она припомнила содержание одного утраченного ленинского документа — «Обращения к членам парижской секции заграничной организации РСДРП». Это обращение как раз и было вызвано теми самыми «дьявольскими трудностями», о которых Владимир Ильич писал Горькому. Оно должно было способствовать их преодолению. К сожалению, этот ленинский документ не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях. Таким образом, узнать о его содержании можно теперь только из воспоминаний Серафимы Ильиничны Гопнер.

Как появился этот документ?

Отношения с меньшевиками к тому времени настолько обострились, что сторонники большинства уже не встречались с ними на партийных собраниях. Только в Заграничном бюро Центрального Комитета с их представителями еще велись переговоры о разделе партийного

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 34, стр. 369.

имущества. Большевики затягивали их, предлагая возобновить дискуссию о положении в партии при неизменном участии Ленина. Сторонники большинства согласились на это без ведома Владимира Ильича. А он отказался способствовать новой словесной перепалке с меньшевистскими крикунами. Когда же на собрании парижской группы большевиков кое-кто стал настаивать на продолжении дискуссии, Ленин ушел с собрания.

Непоколебимость Владимира Ильича в этом вопросе заставила многих призадуматься. Были выбраны два делегата для переговоров с Лениным, но они не застали его дома. Покинув собрание, Ленин отправился бродить по парижским предместьям и поздно вернулся домой. Увидев терпеливо поджидавших его делегатов, Владимир Ильич очень обрадовался. Он пригласил их в свою скромную квартирку на улице Мари-Роз и долго с ними беседовал. Гости ушли окончательно убежденные в его правоте, но Ленин этим не удовлетворился. Он подробно изложил свою точку зрения в специальном письме-обращении ко всем жившим в Париже большевикам. Серафима Ильинична Гоцнер несколько раз перечитывала это письмо и хорошо запомнила его содержание.

В письме Ленин объяснил, почему он не согласен с мнением других членов парижской секции и считает себя вправе настаивать на прекращении споров с эмигрантами-меньшевиками. Бессмысленному эмигрантскому переливанию из пустого в порожнее Ленин противопоставлял полезные дискуссии, проводимые рабочими в России. Там споры действительно помогали прояснению взглядов, способствовали политическому росту. Ленин призывал товарищей вдумчиво изучать уроки и ошибки прошлого и беречь силы для предстоящих революционных схваток.

«Все мы еще глубже поняли безусловную правоту Ленина и по-новому увидели действительность, а также свое место в ней»¹ — так было воспринято, по словам Наташи, это ныне утраченное обращение Владимира Ильича.

Примерно такая же судьба постигла и другой ленинский документ, относящийся к тому же периоду и написанный тоже в связи с внутрипартийной обстановкой

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 4, стр. 427.

того времени. Но этот документ все же удалось отыскать много лет спустя.

Не поддаваться на уловки ликвидаторов и сплотить все силы для укрепления нелегальной партии — с таким призывом Ленин обращался, разумеется, не только к членам парижской организации РСДРП. Он неустанно повторял этот призыв во многих статьях и документах, адресованных прежде всего к членам партии в России. Один из них — общепартийное обращение — был перехвачен департаментом полиции, но там не сумели установить имя его подлинного автора. Около сорока пяти лет пролежало оно в архивных делах и было впервые опубликовано только в 1956 году в журнале «Коммунист» под названием «Положение дел в партии».

Каким же образом удалось установить авторство В. И. Ленина?

В 1956 году научный работник Л. М. Лифшиц просматривал в Центральном государственном историческом архиве некоторые дела департамента полиции за август 1911 года, в которых были сведения о Степане Георгиевиче Шаумяне, известном деятеле большевистской партии в Закавказье.

В одном из дел департамента Л. М. Лифшиц обнаружил небольшую отпечатанную на пишущей машинке рукопись, на первой странице которой рукой жандармского ротмистра Мартынова, оформлявшего это дело, было написано: «Статья Ст. Шаумяна»¹.

Находка заинтересовала исследователя, успевшего к тому времени основательно ознакомиться со многими литературными работами С. Г. Шаумяна. И именно потому, что они были ему хорошо известны, Л. М. Лифшиц высказал предположение, что найденная в архиве статья, вероятно, написана кем-нибудь другим.

В донесении раздобывшего этот документ агента охраны Фикуса сообщалось о том, что из Парижа прибыл докладчик ЦК и на заседании Бакинского комитета сделал сообщение о заграничных делах. Относительно же статьи было сказано только, что ее написал Шаумян для опубликования в центральном органе. На основании этой информации Фикуса ротмистр Мартынов и препроводил своему начальству эту копию письма как «статью Ст. Шаумяна».

¹ См. «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 109.

Исследователю бросилось в глаза отсутствие в рукописи сведений о работе и состоянии закавказских партийных организаций, с которыми Шаумян был тесно связан. О том, что документ направлен в Баку из партийного центра, говорило и обилие приведенных в нем примеров обострения внутривнутрипартийной борьбы.

В обращении был сделан не только глубокий анализ создавшегося в партии тревожного положения, но указан и путь к преодолению кризиса. Совпадение многих выражений и формулировок с выражениями и формулировками, встречавшимися в статьях и письмах Ленина, окончательно убедило исследователя, что автор найденного им документа — Владимир Ильич.

«Перед нами неизвестное до сих пор произведение В. И. Ленина, его обращение к партии накануне важного момента в ее истории — Пражской партийной конференции»¹ — к такому заключению пришел Л. М. Лифшиц, сравнив текст «статьи Шаумяна» с рядом статей и писем В. И. Ленина, в частности с его большой статьей «О новой фракции примиренцев или добродетельных», появившейся в теоретическом органе партии «Социал-демократе» 18(31) октября 1911 г.

Некоторые выражения совпадали почти дословно. Приведем хотя бы только один пример из многих, подобранных Л. М. Лифшицем.

В так называемой «статье Шаумяна»:

«Примиренцы доверились голосовцам: «Голос» за это публично позорил примиренцев своими жирными поцелуями».

В статье Ленина «О новой фракции примиренцев или добродетельных»:

«Они заслужили тех поцелуев, которыми публично награждал их «Голос», и только»².

Убедительные примеры сходства отдельных выражений, встречающихся в «статье Шаумяна», с эпитетами, которыми В. И. Ленин награждал примиренцев, Л. М. Лифшиц нашел и в некоторых письмах Владимира Ильича. Так, в одном из писем к А. М. Горькому Владимир Ильич рассказывал писателю о той же неудавшейся интриге лидера меньшевиков Мартова, о которой упоминалось и в

¹ «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 109—110.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 236.

обращении. В конце документа говорилось о необходимости вывести партию «на дорогу». Этот призыв звучал во многих статьях Ленина. Одну из них он даже назвал «На дорогу».

Обосновывая принадлежность статьи В. И. Ленину, Л. М. Лифшиц также объяснил, почему она не была опубликована в выходивших в Париже партийных органах «Социал-демократе» и «Рабочей газете». Очередные номера этих изданий должны были выйти лишь осенью. Ленин же спешил сообщить партийцам в России о положении в заграничных центрах и воспользовался поездкой Орджоникидзе в Баку. Незадолго до этого Владимир Ильич опубликовал одну статью в бакинском журнале «Современная жизнь», вскоре запрещенном полицией. Но бакинские большевики могли ведь напечатать обращение и в другом издании, выпущенном взамен запрещенного. Именно Шаумян мог стать редактором такого издания, поэтому Орджоникидзе и передал ему привезенный из Парижа ленинский документ.

Исследователь допускает, что, так как в ту пору у бакинской организации не было печатного органа, статья Ленина была размножена в небольшом количестве экземпляров на пишущей машинке. Один из этих экземпляров, очевидно, и перехватил полицейский агент по кличке «Фигус». Остальные могли быть уничтожены в ожидании обыска.

Сложной и изменчивой была судьба и других ленинских документов, относящихся не только к подготовке Пражской конференции, но и являвшихся, так сказать, ее летописью. Призыв Ленина «провести быстро и во что бы то ни стало конференцию» был вскоре подхвачен большинством партийных организаций в России, хотя обращение, из которого взяты эти слова, так и не увидело света.

Решения Пражской конференции, собравшейся вопреки всем препятствиям в январе 1912 года, сыграли огромную роль в укреплении партии. Готовясь к новым революционным схваткам, партия выбросила из своих рядов меньшевистских дезорганизаторов и маловеров. Принятые конференцией резолюции были сформулированы Лениным и быстро размножены в виде специального «Известия». Но основной ленинский доклад «О современном моменте и задачах партии», а также запись

многих других его выступлений на исторической конференции и некоторые конспекты и письма, написанные им еще в период ее подготовки, до сих пор не найдены.

Делегат питерских рабочих на этой конференции Евгений Петрович Онуфриев рассказывал впоследствии, что восемь ее участников по пути в Прагу получили в Лейпциге письмо от Ленина. Владимир Ильич поздравлял их с благополучным переходом границы и сообщал о своем желании до начала заседаний обменяться мнениями по некоторым вопросам. Письмо это могло быть уничтожено его получателями перед возвращением в Россию, но Онуфриев на всю жизнь запомнил подробности встречи с Лениным, состоявшейся вскоре в пражской гостинице «Бельведер».

Владимира Ильича прежде всего интересовали настроения приехавших на конференцию делегатов, чего они ждут от нее. Вынув из кармана несколько мелко исписанных листков бумаги, Ленин прочитал делегатам тезисы своего предстоящего доклада. По словам Онуфриева, уже по этим тезисам создавалось впечатление, будто Ленин «объехал всю Россию, побывал на заводах, в крестьянских хатах и со всеми разговаривал и все видел своими глазами — так глубоко и правдиво отразил он в тезисах заветные думы и чаяния широких народных масс». Демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли — эти требования партийной программы-минимум должны были стать главными лозунгами надвигавшейся народной революции.

Упомянутые в воспоминаниях Онуфриева «небольшие листки бумаги, исписанные мелким почерком», — вынутые Лениным из кармана тезисы — не сохранились, как и самый доклад, о котором другой делегат, будущий нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко, высказался так: «Нечего и говорить, что это был блестящий доклад, настолько сильный и неотразимый, что даже колеблющиеся не могли устоять против аргументации Владимира Ильича, хотя он по обыкновению не замазывал разногласий, а, наоборот, вскрывал их во всей остроте»¹.

В воспоминаниях участников исторической конференции зафиксированы главным образом их личные впечат-

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1, стр. 499.

ления от доклада. О содержании же утраченного доклада можно, конечно, судить и по принятой резолюции, а также по отчету о конференции, написанному Лениным для Международного социалистического бюро. Рукопись этого отчета тоже утеряна, но он был опубликован во французском переводе в бюллетене Бюро и перепечатан двумя социал-демократическими газетами: бельгийской «Пепль» и немецкой «Форвертс». Вот из нее-то и пришлось переводить статью Ленина обратно на русский язык.

В этом отчете Ленин говорил, что конференция «дала глубокую и весьма всестороннюю оценку современного политического положения и политики партии», упомянул, конечно, и о том, что ликвидаторы «поставили себя вне РСДРП».

Ленин открыл конференцию, работавшую двенадцать дней, сделал доклад по основному вопросу повестки дня, выступал на многих заседаниях и произнес заключительную речь. Все эти выступления были отражены в протоколах конференции. Делегат Онуфриев вспоминает, что на ней не было stenографисток, но сокращенные записи велись дежурными секретарями. Все материалы были потом доставлены из Праги в Париж, а затем перевезены в Галицию, куда Заграничное бюро ЦК переехало летом того же 1912 года. Отсюда было удобнее проводить в жизнь принятые партией решения.

Материалы Пражской конференции хранились в Галиции вместе с документами так называемого краковско-поронинского архива. Некоторую часть их удалось разыскать лишь спустя много лет. Ценой каких усилий? Об этом будет рассказано в следующих главах.

АРХИВ ОСТАЕТСЯ В ПОЛЬШЕ

В августе 1912 года В. И. Ленин писал Горькому из Кракова: «Вы спрашиваете, зачем я в Австрии. ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается»¹.

За два года пребывания Владимира Ильича в Кракове и Поронине там скопился большой архив Ленина, едва ли не самый крупный из всех собраний его рукописей. Архив состоял не только из подлинников всего написанного Владимиром Ильичем в эти годы, но также из привезенных сюда из Парижа работ более раннего периода.

Преимущества «краковской базы» оказались недолговечными. Началась первая мировая война, и дальнейшее пребывание в Австрии стало небезопасным. Привычка Владимира Ильича бродить по Карпатским горам с книгой в руках и при чтении делать заметки на полях вызвала подозрение: «Уж не занимается ли этот русский топографическими съемками?» Не долго раздумывая, местный староста приказал арестовать «подозрительного русского». Спустя две недели группа австрийских социал-демократов и деятелей Польской социалистической партии добилась освобождения Ленина, но нужно было как можно скорее уезжать из воюющей страны.

Разрешение на выезд из Австрии можно было получить лишь в Кракове. А у Владимира Ильича не было

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 30.

даже денег для поездки туда. Необходимая для этого сумма была ему наконец предоставлена местным комитетом помощи политическим заключенным. Владимир Ильич мог теперь купить три железнодорожных билета — для себя, Надежды Константиновны и ее матери, — но на оплату багажа, если бы он захотел взять с собой свою библиотеку и архив, этих денег уже не хватало. От этого намерения пришлось отказаться и по другим соображениям: на основании законов военного времени книги и рукописи могли задержать на границе.

Ульяновым разрешили выехать в нейтральную Швейцарию, но им выдали только сбережения матери Надежды Константиновны, присланные ей из Новочеркасска после смерти сестры, престарелой учительницы. Теперь можно было купить билеты до самой швейцарской границы, заплатить и за багаж, но значительную часть книг и архивных материалов, хранившихся на краковской квартире Владимира Ильича, все же пришлось оставить... Библиотека и архив Ленина были заботливо уложены в ящики и мешки и спрятаны на чердаках двух домов по улице Любомирского.

По свидетельству Сергея Юстиновича Багоцкого, часто встречавшегося с Лениным в Галиции, некоторые ценные документы и рукописи, которые Владимир Ильич не мог захватить с собой, он решил спрятать отдельно. Багоцкий раздобыл где-то несколько больших жестяных банок из-под конфет. В эти банки и были уложены отобранные Лениным ценные материалы. Банки из-под леденцов запаяли и передали оставшимся в Закопанах польским социал-демократам. Заведующий местной метеорологической станцией обещал перенести эти банки в укромное место в Карпатских горах. В этом должны были ему помочь его ближайшие товарищи и задержавшийся в Польше русский социал-демократ Вигилев.

Ленин очень дорожил оставленными в Поронине и Кракове книгами и документами. В первой же открытке, посланной им из Швейцарии старшей сестре, Владимир Ильич высказывал тревогу за их судьбу. С помощью задержавшегося в Поронине Ганецкого он пытался вернуть хотя бы те тетради со статистическими выписками по аграрному вопросу в Австрии, которые были отобрааны Матыщуком при обыске.

«Если вы случайно встретите господина старосту в

Неймаркте¹, — напоминал он Ганецкому в другой отк­рытке, — спросите его, отослал ли он туда мои бумаги?»²

Как потом выяснилось, староста Гроздицкий пред­по­чел отослать эти тетради своему начальству в Краков, а оттуда они были препровождены в Вену.

Прошло восемь лет, насыщенных бурными событиями, прежде чем удалось выяснить судьбу ленинского архива, оставшегося в Галиции.

После окончания первой мировой войны Краков и Поронин стали частью возродившегося польского госу­дарства. Буржуазно-помещичья Польша с благословения Антанты попыталась силой оружия расширить свои вла­дения, стать, по определению Ленина, «тараном против молодой советской республики». Красная Армия пере­черкнула эти расчеты. Но и после подписания предвари­тельных условий мира отношения между обоими госу­дарствами долго оставались напряженными. Этим объ­ясняется, почему Ленин только весной 1921 года сделал первую попытку выяснить судьбу утраченного архива.

Яков Стаиславович Ганецкий, занимавший теперь пост советского полпреда в буржуазной Латвии, получил письмо Ленина по этому вопросу. Владимир Ильич сооб­щал о намерении советского консула в Варшаве Вигилева вернуться на родину и просил Ганецкого воспользоваться этим для выяснения судьбы архива.

С Борисом Вигилевым, геологом по профессии, Ленин, так же как и Ганецкий, познакомился в Галиции нака­нуне первой мировой войны. Вигилев был русским рево­люционером, бежавшим за границу из Сибири. Заболев еще в России туберкулезом, Вигилев долго лечился на польском курорте в Закопанах и сблизился там со мно­гими местными жителями. Этими связями Вигилев вос­пользовался в 1914 году, привлекая польских обществен­ных деятелей к борьбе за освобождение Ленина, когда он был арестован австрийскими властями. Очевидно, Вла­димир Ильич хотел, чтобы Вигилев перед возвращением на родину опять побывал в Галиции и узнал у своих поль­ских друзей, уцелел ли архив. И надо полагать, что Вигилев должен был отправиться туда еще и потому, что он знал, где находится наиболее ценная часть архива,

¹ Немецкое название Нового Тарга.

² См. Я. Ганецкий. О В. И. Ленине. Воспоминания. М., 1933.

уложенная в жестяные банки из-под леденцов и спрятанная в Карпатских горах.

«Нельзя ли попытаться достать книги и рукописи из Поронина и Кракова?»¹ — спрашивал Ленин Ганецкого, близко знакомого с Вигилевым. А так как отношения с польским правительством все еще оставляли желать лучшего, Ленин добавил в скобках: «и миром». Сильно сомневаясь в том, что его книги и рукописи уцелели, он советовался с Ганецким: «Подумайте и поразузнайте, можно ли, стоит ли пробовать и черкните мне».

Ганецкий сейчас же связался с Вигилевым, и тот поспешил известить Ленина, что согласен выполнить его поручение...

«...На этих днях поеду в Закопане, оттуда выберусь до Поронина, навещу Вашу старую квартиру». Вигилев тоже не был уверен в успешном исходе поисков. «Ведь минуло уже почти семь лет с Вашего выезда...» — писал он Владимиру Ильичу, но выражал готовность искать и ту часть архива, которая осталась в Кракове.

«...Конечно, надежды раздобыть мои книги... немало», — ответил Владимир Ильич на это письмо. Все же он просил по меньшей мере выяснить их судьбу, и в частности разыскать хотя бы одну его вполне законченную работу.

«...У меня осталась там одна рукопись по германской сельскохозяйственной переписи 1907 года, которую я бы напечатал». Ленин предполагал, что она должна находиться в доме № 47 или 49 по улице Любомирского, так как в этих домах он жил. «На чердаке оставил, уезжая в августе 1914 года», — пояснял он в конце письма и тут же добавлял, что рукопись может оказаться и в Поронине, в том доме, куда Вигилев однажды к нему заходил. «Вещи не важны, — подчеркивал Владимир Ильич, — а книги и рукописи хотелось бы». Но белопольские власти тщательно скрывали местонахождение ленинских документов, и Вигилеву, по-видимому, так и не удалось ничего найти. Здоровье его тем временем сильно пошатнулось, и он там же, в Закопанах, вскоре умер.

Ленин продолжал разными путями, и прежде всего через знакомых польских революционеров, наводить справки о судьбе своего архива. Уже в начале апреля 1922 года

¹ См. Я. Ганецкий. О В. И. Ленине, стр. 39.

он сам смог сообщить важные сведения все еще находившемуся в Прибалтике Ганецкому.

«...Узнал от Валецкого, что поронинские и краковские бумаги попали в руки польского правительства»¹.

Бывший видный деятель левизы ППС Валецкий как раз в это время приехал в Москву в качестве представителя только что созданной Польской коммунистической партии. Ленин просил Ганецкого проверить и уточнить сообщенные Валецким сведения, а затем сделать официальный запрос польскому правительству через советского полпреда в Варшаве Карахана. В другой записке, адресованной Ганецкому, Ленин опять вспоминает о трех пропавших в Поронине тетрадках: «...Там есть одна рукопись ненапечатанная (об аграрной статистике 1907 года)».

Выполнить это поручение Ленина, очевидно, было нелегко. Владельцы домов, в которых он жил в Кракове, как потом выяснилось, были запуганы обысками и вызовами в полицейское управление. Они боялись сообщать какие-либо сведения незнакомым им людям. Только к лету 1923 года Ганецкому удалось наконец установить, что еще в 1918 году в бывшей квартире Ленина в Поронине и на вилле «Рыболовка», где жил Ганецкий, был сделан тщательный обыск, и все хранившиеся там книги и рукописи перевезли сначала в Новый Тарг, затем по требованию военных властей в Краков и, наконец, в Варшаву, в польский генеральный штаб. Относительно же основной части архива и библиотеки, оставшейся в Кракове, были получены и вовсе неутешительные сведения: на чердаках двух домов на улице Любомирского ящиков с книгами и документами больше нет. Может быть, во время войны их растащили местные жители или они тоже увезены в Варшаву?

Таким образом, сообщение Валецкого подтвердилось. Дополнительные сведения, которые получил Ганецкий, служили достаточным основанием для официального запроса, на котором настаивал Ленин.

Владимира Ильича уже не было в живых, когда для розыска его книг и архива в марте 1924 года в Польшу выехала специальная дипломатическая миссия, возглавляемая членом коллегии Наркомвнешторга Я. С. Ганецким.

¹ См. Я. Ганецкий. О В. И. Ленине, стр. 40.

В Варшаве Ганецкий обратился к министру иностранных дел графу Замойскому с просьбой от имени Института Ленина при Центральном Комитете Российской коммунистической партии оказать ему всестороннее содействие в розыске архива. И ему разрешили посетить места, где жил Ленин, — Краков, Поронин, Новый Тарг.

Посланец института понимал, что министр направляет его по ложному следу. Ведь в это время архив Ленина должен был находиться уже в Варшаве, в ведении правительственных органов. Ганецкий заявил об этом и выразил надежду, что польское правительство возвратит имущество и литературное наследие основателя Советского государства, представляющее большую ценность прежде всего для его граждан. Граф Замойский признал доводы справедливыми, но тут же заметил, что решение зависит не от него, а от военного министра генерала Сикорского, с которым он обещал поговорить. О цели своего приезда Ганецкий уведомил и председателя совета министров Грабского, который заверил, что окажет всемерную поддержку.

Ганецкий все же решил воспользоваться представившейся возможностью побывать в Галиции. Пусть архива и библиотеки там уже нет, рассуждал он, но, может быть, удастся раздобыть в местных учреждениях какие-нибудь другие документы о пребывании Владимира Ильича в тех краях и о судьбе его архива.

Яков Станиславович не ошибся. Во время поездки он действительно обнаружил несколько ценных документов, неизвестных сотрудникам Института Ленина, например протокол допроса В. И. Ульянова в полицейском комиссариате после приезда в Краков и подачи заявления о прописке, записи в домовых книгах, сделанные с его же слов и скрепленные его подписью. Пометки на обороте такой анкеты дали возможность точно установить адреса домов, где жил Ленин со дня приезда в Галицию, и как долго он в каждом из них жил.

«...Во всех учреждениях приходилось долго сидеть, пока чиновники рылись в архивах и регистрационных книгах, а я в это время беседовал с «начальствующими лицами», — вспоминал впоследствии Ганецкий преподаанные ему уроки терпения. Опытный дипломат, отлично владевший польским языком — ведь Ганецкий родился в Польше, — сумел расположить к себе польских чиновни-

ков и получить важные сведения о судьбе ленинского архива. Располагая этими сведениями, он еще более решительно настаивал на его возвращении.

Один из документов был адресован в административный отдел польской ликвидационной комиссии в Кракове. Там было ясно сказано, что в занимаемых Лениным и его товарищами квартирах жандармы нашли «целые груды журналов, брошюр, писем, сочинений и т. п. весом приблизительно в 10 центнеров». Отсюда вытекало, что доставшаяся польским жандармам в одном только Поронине часть ленинского архива весила целую тонну. С помощью приведенных из лагеря военнопленных итальянских солдат весь архив был вывезен на крестьянских возах в местное жандармское отделение. О том, что все это имущество до 1921 года оставалось в Поронине, Ганецкий узнал из других документов, например из ответа департамента полиции на запрос президиума краковского воеводства, посланного старосте Нового Тарга 28 января 1924 года, то есть вскоре после смерти В. И. Ленина.

Воеводство допытывалось: где находится «сундук с книгами и рукописями ныне покойного Ленина, хранившийся в вилле Павла Гута «Рыболовка»? Читая этот документ, Ганецкий невольно улыбнулся. В просторном доме трактирщика Гута, где часто собирались русские политэмигранты, жил не Ленин, а именно он, Ганецкий, и сундук этот принадлежал ему. В нем-то он и хранил переданную Владимиром Ильичем часть архива, также оставшуюся потом в Польше. На запрос воеводства уже не староста, а департамент полиции вынужден был ответить, что весь архив весом в 10 центнеров отправлен в Варшаву.

Ганецкий снял копию еще с одного ценного документа, в котором подробно описывалась вся процедура вывоза архива. Он был уложен в десять ящиков и семь мешков. В ящиках находились журналы и книги, а мешки были набиты документами, перечисленными в описи. Архив был вывезен 9 апреля 1921 года особо уполномоченным второго отдела генерального штаба капитаном Стройка. Впоследствии польские архивные работники установили, что эти ящики и мешки были спрятаны сначала в здании варшавского дворца «Под бляхой» и только в 1926 году перенесены в архив второго (разведывательного) отдела генерального штаба.

Раздобыв все эти ценные сведения, Ганецкий вернулся в Варшаву и возобновил переговоры с министром иностранных дел графом Замойским и премьер-министром Грабским. И тот и другой рассыпались в любезностях и обещали «сделать все, что от них зависит». Граф Замойский даже сослался на заверения военного министра о полной сохранности архива и его готовности «через несколько дней» передать все министерству иностранных дел для отправки в Москву. Но Ганецкий уехал, так и не дождавшись выполнения этого обещания. Лишь в мае 1924 года, то есть почти через десять лет со дня отъезда Ленина из Порошина, после неоднократных напоминаний через советского полпреда в Польше Оболенского и польского посла в Москве Даровского, первая партия документов краковско-порошинского архива прибыла в Москву и была передана Институту Ленина.

Среди документов оказалось шестьдесят рукописей Ленина, главным образом его статьи и письма, и более пятидесяти писем, адресованных Владимиру Ильичу¹. Однако, хорошо осведомленный о содержании архива, Ганецкий сразу же определил, что это были далеко не все ленинские документы, оставшиеся в Польше, и продолжал настаивать на возвращении остального.

Новый советский полпред Петр Лазаревич Войков, сменивший Оболенского в октябре 1924 года, возобновил переговоры в Варшаве и получил обнадеживающий ответ: «Розыск продолжается».

Но после прихода к власти авантюристической клики Пилсудского польско-советские отношения снова обострились и надежды на успешный исход этих розысков опять потускнели. 7 июня 1927 года на Варшавском вокзале пригретый пилсудчиками белогвардейский террорист Коверда выстрелил в советского полпреда. Новый кризис в дипломатических отношениях, вызванный убийством П. Л. Войкова, не скоро удалось преодолеть, и переговоры о возвращении оставшихся в Польше ленинских документов долго не возобновлялись.

¹ См. Я. Ганецкий. О В. И. Ленине, стр. 51.

ТРЕВОЖНЫЕ СИГНАЛЫ

Документы краковско-поронинского архива не разыскивались почти целое десятилетие. Это был серьезный повод для новых тревог и опасений.

Якову Станиславовичу Ганецкому удалось, в сущности, прояснить только судьбу той части архива, которая осталась в Поронине. Скопированные Ганецким полицейские документы ясно говорили о том, что эта часть архива вывезена сначала в Краков, а потом в Варшаву.

А куда девались бумаги и книги, спрятанные в самом Кракове на чердаках двух домов на улице Любомирского? Ганецкий смог только установить, что они бесследно исчезли.

Между тем основная база Заграничного бюро ЦК РСДРП находилась именно в Кракове. Туда же в нескольких больших ящиках была перевезена из Парижа и значительная часть ленинской библиотеки. По свидетельству многих посетителей краковской квартиры Ленина, книги там лежали всюду: на этажерках, на подоконниках, на столах, просто в ящиках, заменявших шкафы. И только часть этих книг переместилась в Поронин.

Спустя некоторое время после того, как прекратились переговоры, в польских газетах стали появляться заслуживавшие внимания сообщения. В разных местах находили книги, принадлежавшие раньше Ленину. Сведения эти обычно исходили не от поронинцев, а именно от краковчан. Таким образом, косвенно подтверждались слухи о расхищении краковской библиотеки Ленина.

Еще в 1930 году стало известно, что в одном из краковских книжных магазинов, принадлежавшем известному букинисту Тафету, видели книги с автографами

Ленина. Владелец магазина показывал пометки на полях, сделанные рукой Ленина, многим своим друзьям и знакомым. Какие это были книги и что именно было написано Лениным, так и не удалось выяснить.

А вот каким образом стал владельцем двенадцати книг, принадлежавших Ленину, живший в те годы в Кракове польский писатель Адам Гжимала-Седлецкий. По сообщению газет, еще в 1918 году он купил одну книгу у торговли фруктами на углу улицы Любомирского (той самой улицы, где жил Ленин). Заметив, что торговка заворачивает яблоки в кулек, сделанный из страниц русской книги, писатель заинтересовался и попросил ему эту книгу показать. На титульном листе ее он увидел овальный красный штамп с латинскими буквами «Вл. Ульянов», а поля были исписаны, очевидно, им же. Купив книгу у торговки, писатель хранил ее почти четырнадцать лет, а затем подарил библиотеке города Быдгощ.

6 октября 1932 года в газете «Курьер Варшавски» появилась статья директора Быдгощской библиотеки Витольда Былза. В ней говорилось уже не об одной, а о нескольких книгах, подаренных библиотеке Гжимала-Седлецким. Витольд Былза утверждал, что автор «Наследников» спас от гибели и подарил библиотеке несколько томов стенографических отчетов Государственной думы, испещренных замечаниями Ленина. Особенно много пометок было на полях отчетов о прениях по экономическим вопросам.

Сообщение газеты «Курьер Варшавски» дополнила другая столичная газета — «Иллюстровани курьер подвенны». На ее страницах служивший в Краковском театре С. Иов уверял читателей, что и он вместе с Гжимала-Седлецким участвовал в спасении книг Ленина. Но из его воспоминаний вытекало, что эти книги употребляли не только на кульки для яблок. Встретив дирижера театра на углу все той же улицы Любомирского, автор воспоминаний зашел с ним вместе в продуктовую лавку. Дирижер купил булку, которая была завернута продавцом в листок, вырванный из стенографического отчета Государственной думы. На вопрос покупателя, как попал в лавку этот отчет, продавец не смог ответить, однако пояснил, что такого добра у него много, и вынес еще несколько томов. Увидев на одном из них печать «Вл. Ульянов», покупатель уговорил лавочника продать им эти тома.

«Я взял две книги,— сообщает автор воспоминаний,— что-то из сочинений Каутского с пометками Ленина на полях, сделанными карандашом и чернилами». Об этой своей покупке он тогда же рассказал писателю Гжимала-Седлецкому, и тот захотел приобрести остальные книги. На следующий день покупка была оформлена. Впоследствии Гжимала-Седлецкий передал в библиотеку города Быдгощ двенадцать книг, принадлежавших Ленину, в их числе три отчета Государственной думы, испещренных его замечаниями. Много пометок Ленина было также на полях журналов «Запросы жизни», «Наша заря» и «Современный мир».

Передал ли Гжимала-Седлецкий библиотеке все купленные им у лавочника книги или некоторые из них оставил у себя? На этот вопрос автор статьи не дает ответа. Умолчал он и о том, куда делись приобретенные им самим книги, например «что-то из сочинений Каутского», на полях которой, по его словам, было особенно много пометок Ленина.

Впоследствии было установлено, что некоторые «библиофилы» приобрели книги из библиотеки В. И. Ленина с его пометками на полях для перепродажи собирателям автографов. Каждая страница с пометкой Ленина безжалостно вырывалась из книги и продавалась заокеанским коллекционерам.

Директор Быдгощской библиотеки Витольд Былза сберег дар писателя. Он относился к этим книгам как к реликвиям, которыми не обладает ни одна другая польская библиотека. Они были уложены в нарядные, тисненые золотом, папки, изготовленные в местной переплетной мастерской, и хранились в негоряемом шкафу. Конечно, дверь этого шкафа открыли для приехавшего однажды в Быдгощ Гжимала-Седлецкого. Писатель поблагодарил директора за бережное отношение к его подарку, но при этом подчеркнул, что сам он продолжает считать эти книги собственностью народов Советского Союза и надеется, что когда-нибудь они займут принадлежащее им место в советской Государственной библиотеке. Это свое пожелание Седлецкий повторил даже в письменной форме.

О пополнении Быдгощской библиотеки принадлежащими В. И. Ленину книгами вскоре узнало из газет и советское полпредство в Варшаве. Секретарь полпредства Александров приехал в Быдгощ и предложил директору

библиотеки обменять эти книги на ценные для Польши документы, хранившиеся в архивах СССР. В эти переговоры, однако, вмешался примчавшийся неожиданно из Варшавы польский офицер с погонами капитана генерального штаба и запретил передачу книг советскому представителю.

Узнал об этой находке и Яков Станиславович Ганецкий и добился разрешения сфотографировать те страницы, на полях которых имелись пометки Ленина.

В начале 1933 года отношения между Советским Союзом и Польшей улучшились, и это позволило наконец возобновить переговоры о возвращении материалов краковско-поронинского архива. По предложению Института марксизма-ленинизма Я. С. Ганецкий опять выехал в Варшаву и получил от Юзефа Бека, последнего министра иностранных дел капиталистической Польши, твердое обещание «провести энергичные розыски и передать все найденное советскому правительству».

Насколько «энергично» были проведены розыски по заданию министра, можно судить по такому признаку: значительную долю материалов, полученных Ганецким, составляли книги со штампом библиотеки польского генштаба. Они действительно принадлежали Ленину. Это подтверждалось его пометками на полях. Рукописей же Владимира Ильича было очень мало. Уж если приходилось возвращать, генштабисты предпочитали отдавать книги, а не документы.

Наряду с ценными архивными материалами, освещавшими период пребывания Ленина в самой Польше, на этот раз была получена и часть документов исторической Пражской конференции, которые после ее окончания Ленин увез в Париж и оттуда переправил в Краков. Среди этих материалов, к сожалению, не оказалось записей основного доклада, сделанного Владимиром Ильичем на конференции, но был обнаружен текст его «письма к русской части ЦК РСДРП», излагавшего «суть современного партийного положения» накануне конференции. Об оценке положения в России, содержавшейся в утраченном докладе, и вытекавших из нее выводах давал представление конспект другого доклада, составленный Лениным в конце 1911 года, то есть всего за несколько недель до отъезда в Прагу. В этом конспекте перечислен ряд признаков охватившего страну кризиса: голод, казно-

крадство, спекуляции биржевых дельцов и пресловутая «аграрная реформа» Столыпина.

Среди материалов оказался также конспект речи о конституировании конференции как верховного органа партии, написанный рукой Ленина. Эта речь была ответом на выступление меньшевистского делегата, пытавшегося умалить значение конференции.

Решения Пражской конференции были известны только по печатному тексту «Извещения», составленного Лениным и изданного потом в Кракове и Париже, а затем переправленного в Россию. Теперь институт получил наброски важнейших резолюций о ликвидаторах и об организационном уставе партии, написанные рукой Владимира Ильича, а также его замечания к проектам других резолюций.

«Ленин сам, никому не поручая, очень тщательно вел записи всех докладов с мест». Об этом факте было известно из воспоминаний питерского токаря Онуфриева, единственного оставшегося в живых участника Пражской конференции. Вот эти-то листки с черновыми заметками Ленина о выступлениях делегатов, пусть неполные — в некоторых не хватало начала или конца, — тоже стали достоянием исследователей.

СЛЕДЫ ЕЩЕ ДВУХ АРХИВОВ

Вместе с документами краковско-поронинского архива польское правительство передало Я. С. Галецкому часть бумаг, хранившихся в архивах социал-демократической фракции IV Государственной думы и редакции «Правды». Оба эти архива были нелегально переправлены в Краков из Петербурга еще до начала первой мировой войны и вошли в общепартийный архив. Что такая предосторожность была не лишней, подтвердилось спустя много лет. После того как революция раскрыла многие секреты департамента полиции, выяснилось, что по его поручению депутат Малиновский выкрадывал из помещения фракции некоторые важные документы и передавал департаменту, где с них снимались копии. А эти архивы представляли особый интерес для собирателей ленинского литературного наследия по причинам, о которых стоит рассказать подробнее.

Тактику большевистской партии по отношению к Государственной думе на всех этапах ее истории определял Ленин. Вот почему среди его книг, обнаруженных в Кракове польскими библиофилами, оказалось несколько думских стенографических отчетов с пометками и замечаниями Владимира Ильича на полях. Среди этих книг, к сожалению, не было отчетов последней, «Черной думы». Ведь именно в ней, несмотря на ее реакционный состав и вопреки всем преградам, Ленин смог, живя вблизи русской границы, развернуть кипучую деятельность.

Департамент полиции перехватил письмо с первым проектом декларации социал-демократической фракции,

подготовленным Лениным¹. Текст ее, переписанный Надеждой Константиновной и своевременно высланный из Кракова, не был получен депутатами-большевиками. Лишь спустя двадцать лет, в 1932 году, его извлекли из архива департамента. Там же, между прочим, было найдено и написанное почерком Круской другое письмо такого содержания:

«Дорогие друзья! Уж больно скупы Вы на письма. Получили за все время одно общее от Вас коротенькое сообщение... что глаза болят. Почему не полегчаете? Купите скорее глазных капель...»

Понимаю, что завертелись Вы совсем в Питере. Всюду поспеть надо: и в оперу, и в Михайловский, и в Александринку. Были ли в Эрмитаже и музее Александра III?

Как Вам понравился Питер вообще? Пишите, пожалуйста. Один знакомый недавно получил письмо от Ваших польских друзей. Описывали они свое времяпрепровождение. Писали, между прочим, что дела по имению у Вас очень затруднительны, что помощи мало, а приходится иметь дело с таким все народом, которому пальцы в рот не кладут. Ну, да ладно. Пишите почаще. У нас все здравствуют, только очень изнервничались. Все кланяются и крепко жмут руку».

В этом присланном из-за границы письме, казалось, не было никаких подозрительных сообщений. Автора огорчило молчание его друзей, увлекшихся посещением петербургских театров. Вскользь упоминалось о каком-то имении... Но письмо было послано на адрес Сергея Александровича Вржосек, очевидно уже взятого на заметку департаментом полиции. Там письмо подвергли соответствующей обработке, и между строк проступил химический текст такого содержания:

«Дорогие друзья! Получаете ли все посылаемое? Судя по полученной телеграмме, адрес действует. Попросите № 3-го прислать поскорее свой адрес. Имеете ли уже общего секретаря, как предполагалось. Кстати, адрес Вы пишете не совсем верно — надо: Вольдемар Шульд Бейтен Вирховштрассе, 34.

Наши вести о делах кооператива очень скудны...»

Из дальнейшего текста стало ясно, что письмо носило

¹ «К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации» впервые напечатано в четвертом издании Сочинений В. И. Ленина (т. 18, стр. 391—394).

строго конспиративный характер. Хотя оно и было написано химическим способом, почти все имена и многие сообщения были из предосторожности засекречены. Номерами в переписке Заграничного бюро ЦК РСДРП обозначались избранные в Государственную думу депутаты-большевики. Кооперативом называлась фракция социал-демократов, состоявшая из большевиков и меньшевиков. Адрес Вольдемара Шульца в германском городке Бейтене прикрывал одну из многочисленных промежуточных инстанций, пересылавших письма Ленину. Дальше в письме говорилось о рукописях для «Дня». Под этим вымышленным названием подразумевалась «Правда». Письмо заканчивалось выражением надежды, что «тезисы» и «декларация» получены.

На адрес Сергея Александровича Вржосек, жившего в Петербурге, Ленин посылал письма Русскому бюро ЦК.

Департаменту полиции, перехватившему это письмо, однако, так и не удалось завладеть упоминаемыми в нем «тезисами». Они были предусмотрительно переслааны депутатам через редакцию «Правды» под видом инструктивной статьи Ленина. Эта статья и легла в основу того текста декларации социал-демократов, который был оглашен с думской трибуны, невзирая на окрики председателя и улюлюканье черносотенцев с правых скамей.

Декларацию огласил в Думе заместитель председателя фракции Малиновский, о связи которого с департаментом полиции тогда еще никто не подозревал. По указанию директора этого департамента Белецкого провокатор должен был вступить в пререкания с председателем Думы. За нарушение порядка председатель Думы Родзянко мог лишить оратора слова и таким образом помешать оглашению декларации. По наущению того же Белецкого Малиновский, читая ее, пропустил, якобы нечаянно, важнейшее требование о полновластии народного представительства, о введении всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, национальности и религии. Опасаясь разоблачения, он вынужден был, однако, почти полностью огласить документ, в общем правильно выражавший основные принципы социал-демократии¹. Текст его выступления вошел в стенографический отчет,

¹ Из меньшевистских лозунгов в декларацию был включен только один пункт — требование культурно-национальной автономии.

и благодаря этому «Правда» смогла его напечатать. Газета была конфискована, и редактора ее привлекли к ответственности, но основные идеи, высказанные Лениным в инструктивной статье, получили широкую огласку.

Депутат Думы Самойлов рассказал впоследствии, что правдисты, узнав о конфискации номера, успели спрятать значительную часть тиража перед самым приходом полиции. А затем депутаты отправили газету в посылках на места по известным им адресам. Самойлов хорошо помнил, что именно этот номер с опубликованной в нем декларацией социал-демократической фракции был послан в Иваново на адрес рабочего Гнедина. Почтовому отделению уже было дано распоряжение изъять газету. Придя за посылкой, Гнедин увидел там жандарма и двух казаков у двери. Но жандарм увлекся разговором с кем-то, и, воспользовавшись этим, Гнедин получил свою посылку. Наняв первого же подвернувшегося извозчика, он отвез ее к жившему поблизости товарищу. Когда на квартиру явились с обыском, Гнедин любезно показал жандармам несколько других номеров, прошедших цензуру. Конфискованный же номер молниеносно разобрали рабочие.

История инструктивной статьи Ленина, использованной депутатами-большевиками для составления декларации, дает представление о судьбе многих его сочинений, написанных в краковский период не для опубликования в печати, а для оглашения с думской трибуны. Эту часть ленинского литературного наследия, казалось бы, нетрудно разыскать. Речи депутатов по составленным Лениным проектам были опубликованы под разными фамилиями в официальных отчетах Думы, отпечатанных с разрешения ее председателя в «государственной типографии» и переплетенных в прочные картонные обложки с двуглавым орлом посередине. Эти отчеты есть и сейчас во всех больших библиотеках. Но ленинский текст сплошь и рядом предстает в измененном виде. Именно поэтому источники испытывали постоянную необходимость сверить этот текст с подлинниками или копиями с них, оставшимися в Кракове.

По поводу демонстраций протеста, состоявшихся в Петербурге в день открытия «Черной думы», Ленин прислал из Кракова в «Правду» статью «К вопросу о событии 15 ноября». Противопоставляя это свое выступление в печати благонамеренным словоизлияниям членов Думы,

он под заглавием статьи написал: «Несказанная речь» — и подписал ее псевдонимом «Не депутат». Статья по невыясненным причинам не увидела света. Но другие речи Ленина, предназначенные для думской трибуны, не один раз потрясали стены Таврического дворца, несмотря на то что их автор не мог там присутствовать.

Сотрудникам Института марксизма-ленинизма, подготовившим к изданию Сочинения Ленина за 1912—1914 годы, пришлось проделать очень кропотливую работу. Выяснилось, что не все проекты речей, написанных В. И. Лениным, депутаты-большевики смогли огласить или что они по разным причинам были произнесены не полностью. Иногда ленинский проект пересказывали своими словами с некоторыми добавлениями, продиктованными необходимостью перестраивать речь в момент выступления.

Дословному оглашению ленинского текста с думской трибуны мешали чаще всего две причины. Параграфом 140 наказа депутатам запрещалось читать речь по заранее подготовленному тексту. Можно было пользоваться только краткими заметками и выдержками. Под этим предлогом депутаты-большевики все же умудрялись оглашать ленинский текст почти целиком, не обращая внимания на враждебные выкрики Пуришкевича и других черносотенцев и звон председательского колокольчика. Но если Родзянко прибегал к угрозе лишить оратора слова, приходилось на ходу сокращать текст, выбрасывать факты и примеры, которыми Ленин подкреплял свои мысли. Сокращать текст приходилось и в тех случаях, когда затронутой Лениным темы уже коснулись в своих выступлениях ораторы той же фракции.

Насколько сильно иногда отличалась произнесенная речь от подготовленного Лениным проекта, можно судить по стенографическому отчету выступления во второй Думе социал-демократа Алексинского, примыкавшего раньше к большевикам, но впоследствии перешедшего в лагерь их противников.

«Конечно, не Дума в последнем счете р е ш и т аграрный вопрос, не в Думе разыграется решительный акт борьбы крестьянства за землю», — утверждал Ленин в проекте этой речи и тут же добавлял: «Но помочь народу разъяснением вопроса, я с н о й постановкой его, п о л н ы м изложением правды, полным устранением всяких экивоков и

обиняков мы можем и мы обязаны»¹. Подготовленный Лениным проект речи как раз и излагал в форме полемики с представителями других партий основные положения аграрной программы большевиков: немедленный захват помещичьих земель без выкупа и национализация всей земли с помощью созданных на местах крестьянских комитетов. Алексинский же посвятил свое выступление главным образом критике аграрной политики правительства и проведенной Столыпиным «реформы». Используя некоторые доводы и цифровые данные из ленинского проекта, оратор фракции не огласил с думской трибуны сделанных автором этого проекта важнейших политических выводов, например заключения, что крестьяне смогут осуществить свои справедливые требования лишь в союзе с рабочими.

Подготовленный Лениным «проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» стал известен лишь благодаря тому, что сохранилась рукопись, написанная для чтения с трибуны крупным, размашистым почерком. Она едва уместилась в трех тетрадах на 79 страницах, не считая подклеенных к ним непрономерованных листов. На первой странице нет заголовка, на последней — никакой подписи. Никто, конечно, не должен был знать, кем написана эта речь. Рукопись поступила в Институт марксизма-ленинизма вскоре после смерти Владимира Ильича и была впервые опубликована в 1925 году в IV Ленинском сборнике, а затем в собрании Сочинений В. И. Ленина. Ленин написал только одну эту речь для произнесения с трибуны второй Думы. Рукописи проектов речей, написанных в период деятельности четвертой Думы, как правило, оставались в Кракове или в Поронине, кроме тех случаев, когда Владимир Ильич второпях отдавал подлинник приехавшему из России депутату, написав на нем: «Вернуть после снятия копии». Две такие рукописи удалось сохранить последнему председателю большевистской фракции — Григорию Ивановичу Петровскому. Одна из них также была посвящена аграрному вопросу.

В четвертой Думе первым из большевиков по этому вопросу 22 (9) июня 1913 года выступил депутат Шагов. Его убедительная речь, посвященная главным образом критике столыпинской земельной политики, также написана Лени-

¹ Ленинский сборник IV, стр. 259.

лым¹. Она насыщена живыми фактами и примерами, свидетельствовавшими о полном провале этой политики, указывала выход разоренным крестьянам — безвозмездную передачу в их руки всей помещичьей земли, завоевание полной политической свободы революционным путем.

Из стенограммы выступления Шагова видно, что председатель Думы Родзянко, владелец крупного имения в Екатеринославской губернии, неоднократно под разными предложениями прерывал оратора:

«Член Государственной думы Шагов... Я не могу позволить вам говорить вне сметы».

Или:

«Член Государственной думы Шагов, я покорнейше просил бы вас не читать».

Предостережение это сопровождалось угрозой за нарушение правил лишить оратора слова. Всякий раз, когда Шагов принимался дословно цитировать ленинский текст, речь его прерывалась также выкриками и язвительными замечаниями со скамей правых депутатов. Шагов вынужден был поэтому часто отклоняться от ленинского проекта и огласил немногим больше половины подготовленной Лениным речи. Полный текст проекта мог быть опубликован в собраниях Сочинений Ленина только благодаря тому, что сохранилась рукопись.

Весной 1914 года, выступая в Думе при обсуждении сметы министерства земледелия, Григорий Иванович Петровский воспользовался еще одним проектом речи по аграрному вопросу, написанным Лениным. Этот проект они вместе обсуждали в Поронише, и Владимир Ильич подсказал тогда Петровскому смелый шаг: с думской трибуны призвать крестьян немедленно создавать комитеты для обсуждения жгучего вопроса — как отбирать помещичью землю.

Такой призыв мог бы вызвать переполох в помещичьей Думе, даже арест не только самого оратора, но и всей фракции. Членов ее, по словам Петровского, это не пугало. Но они решили, не форсируя событий, выждать подходящий момент для такого выступления.

В речи Петровского, написанной Лениным, были приведены новые факты, развенчивающие мнимые достижения реформаторов русского земледелия, заботившихся об

¹ «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства». См. *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 19, стр. 154—170.

интересах крепостников. Проект ее, тот самый, который Ленин просил Петровского обязательно вернуть, был, очевидно, написан в одном экземпляре. Судя по тому, что сохранился именно оригинал, на котором запечатлена эта просьба Ленина, Петровский не успел ее выполнить. Но он не смог сохранить полностью и оригинал. Четыре страницы из середины речи и ее конец оказались утерянными. Часть текста приблизительно восстановили по стенографическому отчету. В 1941 году при подготовке к печати очередного тома четвертого издания Сочинений Ленина этот пробел был частично восполнен. Четыре страницы утраченного текста нашлись, и только конец так и не удалось восстановить.

Утрачена полностью и рукопись известной речи по национальному вопросу, произнесенной в Думе тем же Петровским¹. Проект ее, также написанный Лениным, был послан в Петербург на адрес Николая Ильича Подвойского. А вдогонку ему Надежда Константиновна по поручению Ленина отправила письмо с просьбой вернуть оригинал. В письме подчеркивалось, что крайне важно произнести эту речь с думской трибуны, так как она направлена против порочного лозунга культурно-национальной автономии, отстаиваемого мепшчевиками. Ленин считал, что передача школьного дела национальным союзам повела бы лишь к упрочению обособления наций, к росту шовинизма.

«Надо все усилия приложить, чтобы она была прочтена полностью», — писала Надежда Константиновна, посылая по поручению Ленина проект речи в Петербург. Это указание было выполнено. Петровский сумел огласить с думской трибуны возмутительные факты преследования так называемых инородцев и разжигания национальной вражды. Он вспоминал впоследствии, что приведенные в речи вопиющие факты национального угнетения Ленин взял из официальных отчетов министерства внутренних дел, присланных в Краков по его просьбе депутатами-большевиками. Выступавшие после Петровского лидеры реакционных националистических фракций при всем старании так и не смогли смягчить впечатления от этой речи и опровергнуть факты.

¹ При обсуждении сметы министерства внутренних дел 20 мая 1913 года.

Этот ленинский проект речи по национальному вопросу был впоследствии утрачен при невыясненных обстоятельствах. О содержании его можно судить только по тексту выступления Петровского, опубликованному в стенографических отчетах Государственной думы и отличавшемуся, конечно, от оригинала.

Продолжая в Кракове усиленно заниматься изучением национального вопроса, Ленин написал на эту тему еще один проект речи, которую депутат Петровский должен был произнести при обсуждении сметы министерства внутренних дел на 1914 год. Это был ответ на высказанные в либеральной печати опасения, будто проведение в жизнь права наций на самоопределение может привести к распаду государства. Ленин считал необходимым разъяснить, что социал-демократы признают только добровольную связь между нациями, но отнюдь не насильственную.

Это важное уточнение взглядов революционного пролетариата на одну из острейших проблем современности не было тогда сделано, так как выступлению Петровского помешало изгнание из Думы на пятнадцать заседаний всех левых депутатов за устроенную ими обструкцию во время речи председателя совета министров Горемыкина. Рукопись неиспользованного Петровским второго ленинского проекта речи по национальному вопросу сохранилась, к сожалению, тоже не полностью. В ней не хватает нескольких страниц.

Григорий Иванович передал Институту марксизма-ленинизма еще один экземпляр неполного, но более подробного текста этой речи, однако и в нем не хватает не менее четырех страниц.

Из всех проектов речей, написанных Лениным в Кракове для депутатов Думы, сохранились полностью только два. Один из них — это текст известной речи по вопросам народного образования, произнесенной депутатом Бадаевым. Речь, наделавшая в свое время много шума, была произнесена, когда обсуждалась смета расходов министерства народного просвещения на 1913 год.

«Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России»¹. Свое утверждение Ленин подкрепил убедительными примерами и цифровыми данными о состоянии

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 23, стр. 127.

народного образования в других странах. Стук пюпитров и выкрики со скамей правых не помешали Бадаеву прочесть почти всю речь. Он выпустил некоторые места лишь в начале и в середине, зато сформулированный Лениным заключительный вывод прозвучал в Таврическом дворце, как взрыв бомбы.

«Не заслуживает ли это правительство, чтобы народ его выгнал?» Бадаев едва успел это сказать, как председатель Думы лишил его слова.

В следующем, 1914 году Бадаев снова выступил с речью, которая, по его словам, также была подготовлена Лениным. Когда Бадаев папомнил с думской трибуны о том, что собравшиеся на свой первый съезд народные учителя уже требуют демократической республики, председатель Думы поспешил его предостеречь: «Прошу вас этого не касаться». Речь Бадаева беспрестанно прерывалась резкими выкриками и хулиганскими выпадами черносотенцев, но им так и не удалось сорвать его выступление. «Правда» перепечатала эту речь из думского стенографического отчета, но написал ли Владимир Ильич ее проект, до сих пор установить не удалось.

Не удалось также восстановить полностью и проект речи о бюджете, написанный Лениным для депутата четвертой Думы в начале 1913 года. В Институте марксизма-ленинизма хранятся только четыре страницы от этого проекта. Они были проумерованы Лениным. Поставленная на последней странице цифра 20 может дать представление о размере утраченной рукописи. Подлинник ее тоже мог остаться в Кракове. Однако его не оказалось и среди поступивших из Польши бумаг архива думской фракции.

ТОЛЬКО ПИСЬМА... А ГДЕ ЖЕ СТАТЬИ!

Большое разочарование испытали собиратели ленинского литературного наследия, когда они ознакомились с полученными в 1933 году из Польши документами из архива редакции «Правды».

Только письма, а где рукописи статей? — возникает законный вопрос. В Польше остались по предположению работников Института марксизма-ленинизма подлинники по меньшей мере 117-ти работ Ленина, напечатанных в «Правде» в 1912—1914 годах. Но там могли находиться также и рукописи его статей, появившихся в других изданиях, не говоря уже о тех, которые по каким-либо причинам вообще не были напечатаны.

Институт марксизма-ленинизма еще в первый год своего существования получил машинописную копию письма В. И. Ленина к Якову Михайловичу Свердлову, написанного вскоре после его назначения главным редактором «Правды». В этом письме, по конспиративным соображениям называя «Правду» «Днем», Ленин писал:

«Именно в «Дне» теперь гвоздь положения. Еще и еще раз гвоздь всей ситуации в «Дне». Здесь можно победить и тогда наладить всю массовую работу». По этим словам можно судить, какую ответственную роль Ленин отводил «Правде». С помощью «Правды» завоевать массы — эта мысль повторялась и в некоторых других письмах, извлеченных в копиях из архива департамента полиции.

В материалах архива «Правды», полученных институтом в 1933 году, преобладали корреспонденции с заводов и фабрик, подтверждавшие правоту этих слов. Но некоторые из них были уже известны исследователям по копиям,

снятым с них охранкой. Только после возвращения всех материалов краковско-поронинского архива можно было выяснить, куда же девались подлинники многих других писем Ленина с конкретными указаниями и советами. Иногда по тексту копии, оставшейся у получателя, можно было узнать, почему утерян подлинник.

В 36-м томе четвертого издания Сочинений В. И. Ленина «по копии с рукописи» напечатано его письмо к Григорию Львовичу Шкловскому, посланное из Кракова в Берн в декабре 1912 года. Владимир Ильич отчитывал в этом письме живших в Швейцарии эмигрантов-большевиков за то, что они недостаточно помогают «Правде»:

«Никто не пишет постоянных корреспонденций, Никто не делает сборов. Никто не собирает интересных местных книг и брошюр для... составления интересных статей»¹. А в последних строках Ленин просит Шкловского: «Перешлите, пожалуйста, это письмо Юрию, чтобы он переслал Антонову в Париж, а оттуда в Вену». Эти строки объясняют, что у Шкловского не сохранился подлинник, потому что он не был единственным адресатом письма.

Из воспоминаний того же Шкловского известно, что он участвовал в конференции заграничной организации РСДРП, собравшейся летом 1913 года в Берне. Доклад о положении дел в партии на этой конференции сделал Ленин, приехавший из Кракова. В извещении, выпущенном после конференции, сообщалось, что этот доклад «будет обработан возможно более полно и выйдет отдельным приложением». Но секретарь бернской секции РСДРП Шкловский в своих воспоминаниях утверждает, что это сделано не было и в его архиве текст доклада не сохранился.

Некоторое представление о содержании доклада можно получить, прочитав донесение заграничного представителя департамента полиции Красильникова, составленное по сведениям, собранным через агентуру. Ленин начал доклад о положении дел в партии с общей характеристики положения в России и значения в этой обстановке большевистской легальной печати. «Благодаря развернутой этой печатью колоссальной пропаганде везде создано сильно революционное настроение», — заявил Ленин и подтвердил эти слова таким примером: «Достаточно тайком напеча-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 176.

танной фразы на клочке бумаги: «Бастуйте такого-то числа, такой-то комитет», чтобы тысячи рабочих оставляли работу беспрекословно... Но, по словам Ленина, в последнее время «правительство поняло подопку легальной партийной прессы и легальных учреждений и стало их преследовать». Поэтому Ленин закончил свой доклад призывом возродить за границей нелегальную большевистскую печать.

В Центральном партийном архиве хранится документ, в общих чертах подтверждающий правильность этой информации, — копия письма, отправленного из Берна одним из участников конференции сосланному в Сибирь большевику Г. С. Вейнбауму. В нем приводится тот же пример, что и в утраченном ленинском докладе. В коротенькой листовке, всего в несколько строк, таится теперь заряд большой силы. То, что раньше приходилось разжевывать, рабочий стал понимать с первого же слова. Большевики по всему фронту победили. В рядах ликвидаторов растет разложение — такой вывод сделал взволнованный докладом Ленина автор письма.

Из полицейского донесения, так же как и из копии посланного в Сибирь письма, не вполне ясно, какую листовку и какое выступление рабочих подразумевал Владимир Ильич, приводя этот пример. Еще одну, пусть косвенную, ссылку на содержание утраченного доклада можно найти в написанной Лениным же статье «Маевка революционного пролетариата», появившейся в том же году в центральном органе партии — газете «Социал-демократ». В этой статье Ленин рассказывает о невзрачных листовках Петербургского большевистского комитета, набранных тайком и с крайней спешкой в разных типографиях. «...По листку, изготовленному и розданному «двумя-тремя сотнями», — встают, как один человек, *двести пятьдесят тысяч* в Петербурге»¹.

Решительное выступление петербургских рабочих 1 мая 1913 года было наглядным доказательством роста влияния партии, живым примером банкротства ликвидаторских лозунгов «тоже социал-демократов».

Статья, появившаяся в «Социал-демократе» незадолго до выступления Ленина в Берне, дает живое представление о содержании утраченного доклада, который должен

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 19, стр. 198.

был быть обработан «возможно более полно» и выйти «отдельным приложением».

К тому времени, когда первая партия документов из находившегося в Польше архива «Правды» прибыла в Институт марксизма-ленинизма, уже были известны многие статьи Ленина, опубликованные без подписи или под каким-нибудь псевдонимом. Они были перепечатаны в первых изданиях собрания Сочинений В. И. Ленина по газетному тексту, который иногда отличался от подлинника и нуждался в сверке с рукописью. В ряде томов третьего издания были помещены длинные списки статей и заметок, автором которых, возможно, является В. И. Ленин. Чтобы выяснить, был ли Владимир Ильич на самом деле автором этих статей, опять-таки нужны были рукописи. В первые годы существования «Правды» в состав ее редакции проникли два провокатора. Кроме депутата Малиновского, не принимавшего участия в повседневной редакционной работе, агентом охраны был секретарь редакции Мироп Черномазов, устраненный из «Правды» по решению Русской коллегии ЦК лишь в начале 1914 года. Именно по его вине, по словам Надежды Константиновны Крупской, «пропадали без вести и статьи Ильича».

В 1933 году польское министерство иностранных дел передало Институту марксизма-ленинизма через Ганецкого всего двадцать автографов Ленина. Но на этот раз Ганецкий смог получить также часть архива дореволюционной «Правды». В этом архиве были и письма Ленина с оттиснутым на них штампом «Редакция газеты «Правда»» и датой получения письма. Уже по внешнему виду они были совсем не похожи на перлюстрационные копии, лежавшие в папках департамента полиции. Подлинность этих писем не вызывала сомнений. В некоторых из них даже можно было найти сведения о судьбе статей, написанных Лениным, но нигде не появившихся и до сих пор не разысканных.

Одним из писем Ленина, полученным редакцией, судя по штампу 11 июля 1912 года (24 июля по новому стилю), была нигде не опубликованная заметка «Ответ ликвидаторам».

Накануне выборов в Государственную думу Ленин хотел объяснить читателям «Правды», какие цели преследуют ликвидаторы, начав на страницах «Невского голоса» демагогическую кампанию за единство рабочих выборов

в Петербурге и угрожая одновременно выставить на этих выборах своих кандидатов в противовес большевистским. Добиваться единства рабочих снизу, а не соглашения с интеллигентскими раскольническими кружками — вот к чему призывал Ленин в коротенькой заметке всего в двадцать строк, посланной в редакцию с припиской, в которой Владимир Ильич настоятельно просил членов редколлегии сообщить свое мнение по затронутому вопросу. Но даже эта маленькая заметка, направленная против ликвидаторов, не была тогда опубликована в «Правде», редакция которой ошибочно считала, что вопросы «фракционных разногласий» не следует выносить на страницы массовой рабочей газеты.

Вредность такой позиции Ленин без устали разъяснял и добился своего — правдисты исправили ошибку. Но, судя по одному из писем, споры с редакцией по вопросу об отношении к ликвидаторам послужили причиной утраты еще одной ленинской работы. Статью «Об избирательной платформе», снова затрагивавшую этот вопрос, Ленин послал в редакцию вместе с письмом, в котором писал, что этот вопрос — громадной важности, коренной, принципиальный вопрос. Поэтому Владимир Ильич заранее предупреждал редакцию, что на изъятие упоминаний о ликвидаторах он не может согласиться. Он просил немедленно известить, будет ли эта статья помещена. Таким образом он мог узнать, упорствует ли редакция в своих заблуждениях. В случае отрицательного ответа Ленин собирался напечатать статью в другом издании: ухищрения ликвидаторов надо было разоблачать во что бы то ни стало!

Просьба Ленина обязательно вернуть статью говорит о том, что был только один экземпляр, и в краковском архиве незачем искать подлинник. Но он должен был сохраниться в архиве «Правды», переправленном в тот же Краков. Судьба этой статьи до сих пор не выяснена. В 35-м томе четвертого издания Сочинений В. И. Ленина напечатано только сопроводительное письмо к посланной в редакцию статье. А в примечании к нему сказано: «Статья В. И. Ленина «Об избирательной платформе» не разыскана»¹.

В письме в редакцию «Невской звезды», посланном из Кракова 24 июля 1912 года, Ленин вспоминает, что и эта

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 485, прим. 20.

газета «не помещала, не отвечала, не отсылала назад статьи», и называет при этом несколько своих статей: «Мелкие уловки» (ответ кадетскому публицисту Р. М. Бланку), «Неугасающие надежды» «и ряд других». Письмо это также сопровождается сноской, что все эти статьи не разысканы. Не выяснено также, какие невозвращенные, а значит, утраченные статьи Ленин подразумевал под словами «и ряд других». По отдельным фразам в письмах, посланных Лениным из Кракова в редакции «Правды» и «Невской звезды», видно, что многие статьи не всегда обоснованно сокращались:

«...Вы знаете *по опыту*, что и к цензурным вашим правам отношусь я с громадным терпением».

«...Я могу согласиться *лишь* на (1) удаление подзаголовка и (2) минимальные *цензурные* (только!!) исправления в трех-четырех местах, исправления *отдельных* слов, *никак не более*».

По подчеркнутым в этих фразах словам «по опыту», «лишь», «отдельных», «никак» нетрудно догадаться, что статьи Ленина подвергались искажениям и сокращениям. Восстановить первоначальный текст можно только по рукописям статей. Но в той части архива «Правды», которая была передана Институту марксизма-ленинизма в 1933 году, как раз статей-то почти и не оказалось. Ознакомившись с переданными польским правительством в январе 1933 года документами, Ганецкий убедился, что оно по-прежнему удерживает значительную часть архива, и написал по этому поводу письмо заместителю министра иностранных дел Шетцелю. Он был раньше начальником того самого второго (разведывательного) отдела польского генерального штаба, который вывез из Галиции хранившиеся там ленинские материалы. После нескольких напоминаний через польского посла в Москве осенью того же 1933 года из Польши сообщили, что найдены еще некоторые документы, в их числе несколько автографов В. И. Ленина. Ганецкий снова съездил в Варшаву, но среди полученных им там рукописей опять не оказалось многих, безусловно оставшихся в краковском архиве. Польские власти вынуждены были снова дать обещание «продолжать поиски».

ЦЕННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

После вероломного нападения гитлеровской Германии на Польшу и ее оккупации немецкими войсками над остатками ленинского архива нависла угроза полного уничтожения.

Директор городской библиотеки в Быдгоще поляк Витольд Былза, заботливо спрятавший в негоряемый шкаф книги с пометками Ленина, покинул город. А его место занял немецкий чиновник Ланге, который поспешил сообщить об этих книгах в канцелярию Гитлера с явным намерением добиться того, чтобы их изъяли. Этот замысел не был осуществлен лишь благодаря разгрому оккупантов советскими войсками.

В январе 1945 года по поручению Института марксизма-ленинизма инструктор Политуправления 1-го Украинского фронта майор Щукин разыскивал в освобожденном Кракове уцелевшие материалы архива В. И. Ленина и принадлежавшие ему книги. Щукин поместил в местной газете заметку о цели своего приезда и указал адрес: дом владельца колбасной фабрики пана Грабовского. И вот к майору пришел желанный гость — уже немолодой человек, доктор Казимир Седлячек, который почти тридцать лет хранил у себя книги из библиотеки В. И. Ленина.

Каким же образом эти книги попали к доктору Седлячку?

В ноябре 1918 года польский солдат Казимир Седлячек нес караульную службу в краковской комендатуре на улице Святой Магдалины. Однажды он заметил, что печь в помещении, где стоял караул, отапливается не дровами, а... книгами. Седлячек заинтересовался, откуда

книги, и узнал, что в соседней комнате находится чья-то библиотека, конфискованная во время войны австрийской полицией. Любознательный солдат заглянул в ту комнату. В ней уже почти не осталось книг. На одной из полок он прочитал надпись: «Библиотека Ульянова». На полке лежало несколько книг в мягких переплетах на немецком языке. Одна называлась «Аграрный вопрос», исследование Карла Каутского. На полях ее были пометки на русском языке. Три книги принадлежали перу Августа Бебеля и назывались «Из моей жизни». Между страницами одной из них Седлячек обнаружил три мелко исписанных листка. Солдату удалось вынести находку из комендатуры и спрятать на чердаке дома, в котором он жил до призыва в армию.

Вскоре после того как Седлячек спрятал книги на чердаке, его батальон был отозван из Кракова. А когда солдат вернулся в родной город, то обнаружил, что две книги исчезли. Но самые ценные уцелели: «Аграрный вопрос» Каутского с пометками Ленина на полях и томик Бебеля, как раз тот, в котором хранились листки с записями Владимира Ильича, — конспект доклада о политическом положении в России. Эти книги и вложенные в одну из них заметки Ленина Казимир Седлячек передал советскому офицеру.

Майору Щукину предстояла еще одна интересная встреча.

В Кракове он увиделся и с Витольдом Былза, который до начала второй мировой войны заведовал городской библиотекой в Быдгощи. Вместе с польским книговедом советский офицер выехал в Быдгощ, чтобы выяснить, уцелели ли книги, подаренные библиотеке этого города писателем Гжимала-Седлецким. Оказалось, что немецкий директор упаковал и подготовил к отправке в Германию несколько сот ящиков с наиболее ценными изданиями. Витольду Былзе пришлось вскрыть ящики и просмотреть тысячи книг, прежде чем он обнаружил в одном из них те двенадцать, ради которых была предпринята поездка. В книгах на ста семидесяти страницах были пометки, сделанные рукой Владимира Ильича.

В знак благодарности за освобождение города местная рада народов постановила передать книги Советскому правительству, и они были отправлены в Москву в Институт марксизма-Ленинизма.

А спустя несколько лет, в 1951 году, Институт марксизма-ленинизма получил первую партию материалов краковско-поронинского архива, обнаруженных архивными работниками Польской Народной Республики. Но особенно много ценных документов из этого архива передали Центральному Комитету КПСС руководители Польской объединенной рабочей партии в 1954 году. Эти документы были извлечены из дел Польской Академии искусств и военного департамента Главного национального комитета. Вместе с теми, которые были переданы в 1951 году, Институт марксизма-ленинизма получил, таким образом, свыше тысячи (1070) новых документов краковско-поронинского архива!

Но каким образом оставленные Лениным в Кракове и Поронине материалы попали в Польскую Академию искусств? Оказывается, их передал туда Сергей Юстинович Багоцкий, бывший секретарь Краковского союза помощи политическим заключенным. Уезжая в 1914 году в Швейцарию, он сдал на хранение в академию документы союза и вместе с ними, очевидно, и часть спрятанного у него краковско-поронинского архива. Некоторые ценные ленинские рукописи сотрудники краковского воеводского архива, к немалому своему удивлению, нашли среди фамильных бумаг князей Чарторисских.

Одних только ленинских документов архивисты народной Польши разыскали около 250. Среди них много подлинников писем и статей В. И. Ленина, совсем неизвестных исследователям. Некоторые из статей были напечатаны в «Правде» в 1912—1914 годах без подписи или под псевдонимом, и только теперь выяснилось, что автором их был Ленин. Другие не были опубликованы по разным причинам, и главным образом потому, что посланные в Россию копии этих статей пропали в пути или затерялись.

Например, статьи «С чем кадеты идут на выборы?» и «Единство рабочих и выборы» были написаны в сентябре 1912 года, в дни избирательной кампании. В первой, критикуя пожелания скромных конституционных реформ, высказанные кадетами, Ленин излагает четкие требования коренных социальных изменений, выдвигаемые рабочей демократией. Во второй он разоблачает предвыборные уловки меньшевиков, которые под прикрытием призывов к единству навязывали рабочим своих кандидатов — заядлых раскольников.

Собирателям литературного наследия В. И. Ленина была известна его статья «Рабочий класс и его парламентское представительство», напечатанная в «Правде» 12 декабря 1912 года и подписанная инициалами «В. И.». Разбирая важный вопрос о несоответствии между взглядами большинства социал-демократии и ее думского представительства, Владимир Ильич обещал посвятить следующую статью вытекающим из этого факта выводам и анализу состава фракции в третьей и четвертой Думах. Но такая статья в «Правде» не появилась.

Теперь нашлись оригиналы еще двух ленинских статей под названием «Рабочий класс и его представительство» с пометками «третья» и «пятая». Таким образом, выяснилось, что Ленин написал на эту тему целую серию статей, из которых только одна увидела свет. Судя по третьей статье из этой серии, Ленин хотел в них рассказать историю неутомимой и успешной борьбы большевиков за партийность социал-демократической думской фракции. В последнем абзаце третьей статьи он сообщает, что в следующей будет дана оценка этой борьбы в четвертой Думе. Среди возвращенных рукописей четвертой статьи, однако, не оказалось. Но Ленин продолжал развивать ту же мысль в пятой статье, критикуя антипартийный поступок меньшевиков: прием во фракцию Ягелло¹, который был избран при поддержке буржуазии и ее подголосков. находка еще двух статей Ленина из этого цикла, таким образом, помогла выяснить содержание двух утраченных работ. Но так как этих работ в новой партии документов, прибывших из Польши, не оказалось, поиски нельзя считать законченными.

В этой же партии была обнаружена неопубликованная статья В. И. Ленина «Вопрос о партийности среди демократического студенчества». В самом начале ее Ленин ссылается на статью одного студента, дающую замечательно ценный материал о студенческих настроениях², и упоминает о другой статье для «Правды», в которой использован этот материал. Но та статья в «Правде» так и не появилась. По-видимому, и ее подлинник остался в Кракове.

В полученных Институтом марксизма-ленинизма руко-

¹ Ягелло был членом националистической ППС.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 22, стр. 210.

ниях В. И. Ленина наряду со сведениями о неизвестных исследователям статьях оказывались иногда и сообщения, облегчавшие поиски. Так, например, в рукописи нигде не опубликованной статьи «Развитие рабочих хоров в Германии» есть такая фраза:

«Недавно мы сообщали о том, как рабочие Франции и других романских стран чествовали двадцатипятилетие смерти Евгения Потье (1816—1887), автора знаменитого Интернационала»¹. Под рукописью, написанной рукой Ленина, буква «Т» — один из многочисленных псевдонимов Владимира Ильича.

Научные сотрудники сектора произведений В. И. Ленина внимательно просмотрели комплект «Правды» с начала ее издания и убедились, что в номере от 3 января 1912 года действительно была напечатана статья «Евгений Потье». Она была подписана инициалами «Н. Л.» — начальными буквами псевдонима Н. Ленин. Таким образом, выяснилось, что и эту статью написал Владимир Ильич.

Среди поступивших из Польши ленинских рукописей было несколько неопубликованных статей, освещающих с разных сторон политическую обстановку в США. Анализируя в одной из них («В Америке») поведение реакционных лидеров американского рабочего движения, Ленин поясняет, что «буржуазную политику может вести и рабочий класс, если он забывает о своих освободительных целях»². Той же задаче — отвлечению трудящихся от борьбы с капитализмом — служат процветающие в Америке двухпартийная система и торговля партийностью, высмеиваемые Лениным в статье «После выборов в Америке». Появившееся в заокеанской печати забавное предложение — защищать морскую торговлю с помощью дредноутов, носящих имена миллиардеров Моргана, Вандербильта, Рокфеллера, — дало повод Ленину написать фельетон «Усердие не по разуму», в котором он напоминает о том, что вся «внешняя» защита государства есть, в сущности, защита интересов этих денежных мешков.

Интересно, что в этом фельетоне, впервые опубликованном лишь в 1954 году, есть упоминание о том, что перу Ленина принадлежит еще одна работа, которая до сих пор считалась статьей неизвестного автора.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, стр. 22, стр. 276.

² Там же, стр. 232.

Исследователь русско-болгарских национальных связей доктор исторических наук А. М. Шнитман, работающий в Мурманске, внимательно анализируя этот фельетон и некоторые другие работы В. И. Ленина, пришел к выводу, что помещенная в «Правде» 1 августа 1913 года статья «После второй балканской войны» неизвестного автора написана Владимиром Ильичем.

Оказывается, американцы предложили назвать дредноуты именами своих миллиардеров, вдохновившись сообщением с балканского театра военных действий о том, что некоторые греческие военные суда были построены на средства афинских финансовых воротил. В статье «Усердие не по разуму» Ленин использует этот пример для противопоставления корыстным стремлениям капиталистов созидательных планов рабочего класса. Он напоминает, что «балканская революция стоила бы во сто раз менее жертв, чем балканская война, и дала бы в тысячу раз более широкие и прочные демократические результаты»¹.

Именно об этом же говорит и автор передовицы «После второй балканской войны», утверждая, что путь войны несет «смерть и тысячи мучений во сто раз больше и тяжелее для народа», чем путь коренной реформы его внутренней политической жизни.

Разумеется, одного только совпадения высказанной в этих строках мысли с идеей фельетона «Усердие не по разуму» еще недостаточно для утверждения, что и передовица «После второй балканской войны» была написана Лениным. Но А. М. Шнитман нашел в многочисленных статьях В. И. Ленина по балканскому вопросу, опубликованных в 1912—1913 годах в той же «Правде», другие доказательства в защиту своего предположения. Они приведены в его интересном исследовании «Большевистская газета «Правда» и болгарское рабочее движение», изданном Мурманским пединститутом к пятидесятилетию «Правды»².

Предположение историка опирается не только на совпадения мыслей, оценок и примеров. Вся статья, по мнению исследователя, подкрепляемому рядом цитат, напи-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 22, стр. 214.

² См. А. Шнитман. Большевистская газета «Правда» и болгарское рабочее движение (1912—1914 гг.). Мурманск, 1962, стр. 32—40.

сана в духе Ленина. Кроме того, Ленин выдвигал вопрос о двух возможных путях освобождения Балкан: либо путем революции, либо посредством войны. Он придавал большое значение последствиям балканских войн и живо откликался на важнейшие события в жизни народов Балканского полуострова. А. М. Шнитман считает, что статьей «После второй балканской войны» Ленин подвел итог этой войне, подобно тому как он это сделал в двух статьях, напечатанных в «Правде» после первой балканской войны. Историк считает, что наряду с этой передовицей в «Правде» могли быть опубликованы без подписи или под псевдонимом и другие до сих пор не выявленные работы Ленина о событиях на Балканах.

ЗАМЕТКИ НА ПУСТОМ КОНВЕРТЕ

Любой обрывок бумаги с пометкой Ленина может оказаться ценной находкой, если содержание этой записки тщательно исследовать и полностью раскрыть. Работники Института марксизма-ленинизма совсем недавно снова убедились в этом на наглядном примере.

Научный сотрудник Центрального партийного архива Елизавета Семеновна Голубева заинтересовалась заметками на конверте письма, присланного в Краков из американского города Бостона и обнаруженного ею в полученных из Польши материалах. Она сразу же узнала почерк Владимира Ильича, его самую мелкую бисерную скоропись. Таким почерком он обычно делал записи для памяти, не предназначенные для посторонних глаз. Это были узенькие и коротенькие строчки, расположенные столбиками. Против каждой записи была проставлена дата — день и месяц, но год не указан. Рядом с первой строкой было помечено «9.V». Против последней — «21.VI». Многие слова были написаны сокращенно — еще один признак, подтверждавший, что заметки предназначались только для «внутреннего употребления».

Чтобы ускорить процесс письма, Ленин часто писал своеобразной вязью, не отрывая перо от бумаги, соединяя две или несколько букв таким образом, что одна переходила в другую. Например, в слове «был» конец буквы «ы» становился началом буквы «л». Такие слова, как «больше», «меньше», Ленин заменял математическими знаками. Некоторые слова Владимир Ильич сжимал, выбрасывая из них гласные или согласные буквы, или недописывал, обрывал на гласной букве, например, «кру» вместо «крупное». Иные писал вовсе без гласных: «пртв» («против»),

«ремслнк» («ремесленник»), «прхд» («переход»). Особенно сильно он сокращал собственные имена, фамилии, названия партий, газет, учреждений, а также часто встречающиеся слова. Они обозначались иногда всего двумя буквами, например «кр» вместо «критика», «пр» вместо «программа», «кф» вместо «конференция».

Голубева много лет занималась исследованием рукописей Ленина и хорошо изучила его технику письма. Разбирая строку за строкой, Елизавета Семеновна пришла к выводу, что Ленин записал на первом подвернувшемся ему клочке бумаги — в данном случае это был конверт — название шестидесяти статей, очевидно помещенных в какой-то газете.

Что же это за статьи? Прочитанные Лениным? Его собственные? Что означают проставленные рядом с их названиями даты? День их опубликования или дату написания?

Ясно было одно: надо просмотреть газеты, выходившие в те годы, когда Ленин жил в Кракове, и прежде всего те издания, в которых он сотрудничал сам. На страницах «Правды», например, по собственному признанию Владимира Ильича, его статьи появлялись чуть ли не каждый день.

Направление поисков было выбрано правильно. Просматривая комплект «Правды» за 1913 год, Голубева установила, что 47 статей из составленного Лениным списка были действительно помещены в этой газете между 9 мая и 21 июня 1913 года¹. Статьи были без подписи или подписаны каким-нибудь псевдонимом. Сверяя список с названиями произведений Ленина, опубликованных в собрании его Сочинений, Голубева выяснила, что большинство статей (32 из 47) действительно написал Владимир Ильич. Ну а остальные? Их принадлежность Ленину надо было еще доказать!

Из восьми неподписанных статей три были передовицы. Под шестью стояли инициалы «М.», «И.», «К. О.», «Ф.», «Н» и «Карич». В поступивших из Польши документах не было указаний на то, что эти статьи могли быть написаны Лениным. Не было таких сведений и в материалах департамента полиции. В списках неопубликованных работ В. И. Ленина эти статьи тоже не фигурировали. Но они

¹ См. «Исторический архив», 1981, № 2, стр. 179.

были близки по содержанию и по форме многим статьям; помещенным Лениным в «Правде». Тот же литературный слог, те же характерные для Ленина обороты речи.

Три статьи — «Оценка IV Думы», «Значение» исторической формулы» и «В ком поддержка?» — были связаны между собой темой. В них говорилось о недоверии к черносотенной Думе даже тех слоев населения, которые могли считать ее защитницей своих интересов.

«Дума лишь фикция, и при таком положении ничего не может дать стране» — эти слова были сказаны обиженным бессарабским помещиком Синадино, кишиневским городским головой, считавшим себя правее самого председателя Думы октябриста Родзянко.

«Этот обиженный помещик говорит такую правду про Думу и про наше правительство, что к ней стоит присмотреться рабочим»¹, — советовал автор первой статьи. В двух других, тоже без подписи, по-видимому, он же разъяснял лицемерный характер вотума недоверия, выраженного октябристами и кадетами царскому правительству. Моральный удар правительству наносили люди, враждебные революции, доказавшие эту свою враждебность одобрением сметы, составленной министерством внутренних дел.

Круг тем, освещенных в остальных статьях, очень широк. Три из них посвящены внутреннему положению в стране, и прежде всего вопросу о нуждах рабочих². Применяя часто употребляемый Лениным прием — обращать против врага его же собственные признания, — автор использовал опубликованные в правительственных изданиях сведения о низком заработке строительных рабочих. Ведь им приходилось на гроши, заработанные летом, содержать семью целый год.

Промелькнувшее в «Новом времени» сообщение одного помещика о частых поджогах барских усадеб — подходящий повод опровергнуть распускаемые реакционерами слухи, будто деревня довольна проведенной Столыпиным земельной реформой. Располагая собственными источниками информации, тот же автор мог сообщить читателю «Правды» скрывавшиеся правительством сведения о плачевном положении народного образования в России, све-

¹ «Правда», 15 мая 1913 г.

² «Строительная промышленность и строительные рабочие», «Помещичий голос об «успокоении» деревни», «Интересный съезд».

дения, оглашенные на съезде статистиков, куда представители печати не были допущены.

Восемь статей знакомили читателей с международной обстановкой, сильно обострившейся накануне первой балканской войны, и с важными задачами, возникшими в связи с этим перед рабочим движением¹. От внимания их автора не ускользнули попытки укрепить позиции капитализма, кем бы они ни предпринимались.

Внимательное исследование текста пятнадцати статей неизвестного автора, перечисленных в расшифрованном Голубевой списке, привело к выводу, что и они написаны Лениным.

С помощью этого же списка удалось выяснить и подлинное название еще двух работ Ленина, поступивших в институт без первой страницы.

Относительно одной из этих статей, посвященной выступлению в Думе кадета В. Маклакова, было известно только то, что она написана Лениным в Поронине позднее 11 июня 1913 года (именно в этот день выступал Маклаков). Рукопись статьи состояла из семи страниц, пронумерованных Владимиром Ильичем, и была подписана латинской буквой «W». Ленина возмутила речь либерально-буржуазного дельца, обвинявшего правительство в том, что оно «могло понять (когда утихла революция), чем можно добить революцию, но не поняло», и сравнившего Столыцина с человеком, бьющим стекла в пылающем доме зря — «как хулиган, а не пожарный».

Меньшевистский «Луч» назвал эту речь в своей переводе всего только профессорской и доктринерской, с чем Ленин, разумеется, не смог согласиться. Он тут же написал для «Правды» статью, разъясняющую подлинный смысл высказываний Маклакова: «Горячая, пастойчивая копрт-революционность». Жалкий либерал учит: стекла в охваченном пожаром революции доме надо бить только для того, чтобы потушить этот пожар.

Статья Ленина по невыясненной причине не была тогда напечатана. Затем в 19-м томе четвертого издания

¹ «Международная политика буржуазии», «Капитализм и женский труд», «Уроки бельгийской стачки», «Дороговизна жизни и «тяжелая» жизнь капиталистов», «Германская социал-демократия и вооружение», «Организация масс немецкими католиками», «Об отпусках для рабочих», «Депутат Франк — за массовую стачку».

его Сочинений она публиковалась под заглавием «По поводу речи кадета Маклакова». Ленин же, как выяснилось после расшифровки записи на конверте, назвал ее «Неверная оценка» (««Луч» о Маклакове»).

В этих записях упоминалась также статья «Рабочая партия и либеральные наездники» (о Потресове). Исследовательница не нашла статьи под таким заглавием ни на страницах «Правды», ни среди опубликованных в собрании Сочинений ленинских работ. Но, просматривая хранившиеся в институте рукописи, она обнаружила одну без первой страницы и, следовательно, без названия. В этой статье, написанной почти в форме памфлета, речь шла именно о Потресове, нападавшем на страницах меньшевистского «Луча» на Плеханова за то, что тот не примкнул к части партийной интеллигенции, которая хотела упразднить партию как боеспособную подпольную организацию. За эти кавалерийские наскоки Ленин и окрестил Потресова наездником, подчеркивая презрительное отношение рабочей партии к подобным субъектам. После расшифровки списка статья о Потресове была напечатана в новом издании Сочинений Ленина уже под своим настоящим названием.

Итак, благодаря тщательному исследованию лишь одной короткой заметки, сделанной Владимиром Ильичем на случайно попавшем под руку конверте, удалось выявить пятнадцать произведений, принадлежавших перу Ленина.

ПАПКА НАДЕЖДЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Документы, переданные в 1954 году Институту марксизма-ленинизма, содержали ценные сведения не только по такому вопросу, как выяснение роли В. И. Ленина в руководстве партийной печатью в период назревания революционного подъема. Из полученных институтом материалов историки узнали много нового и о других сторонах деятельности Ленина и Центрального Комитета РСДРП в этот период.

О решениях Центрального Комитета, принятых на его заседаниях в Кракове в марте 1913 года, было известно из инструктивного письма ЦК местным организациям, адресованного Подвойскому, и из нескольких уцелевших писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской. В воспоминаниях Надежды Константиновны, переписке ЦК РСДРП и материалах департамента полиции содержались кое-какие сведения и о заседаниях ЦК, проведенных под руководством Ленина в Поронине в конце июля 1913 года. Но о важных решениях, принятых на совещаниях ЦК в Кракове весной и летом 1914 года, накануне первой мировой войны, не было почти никаких материалов.

Находившийся в те дни в Петербурге Алексей Егорович Бадаев вспомнил, что фракция большевиков получила вскоре после этих совещаний важную директиву ЦК: усилить подготовку к созыву партийного съезда. О выработанных Лениным указаниях Центрального Комитета, переданных думской фракции через приехавшего из Кракова депутата Петровского, сообщалось лишь в донесении начальника московской охраны Мартынова, найденном после Октябрьской революции в делах департамента полиции. Мартынов раздобыл эти сведения через агентуру,

возможно, с помощью командированного в Краков сотрудника по кличке Пелагея. В донесении говорилось о том, что Ленин предостерегал партию не обольщаться достигнутыми успехами и усилить во что бы то ни стало подпольные организации. Решение о созыве партийного съезда было предложено хранить в тайне и готовиться к нему, строго соблюдая правила конспирации.

Доносчиком, передавшим эти сведения департаменту, был, по предположению Надежды Константиновны, бывший слушатель партийной школы А. С. Романов. Это и был Пелагея, как раз приезжавший в это время в Краков. «Не помню уж, под каким предлогом он приезжал, разговор шел о предполагавшемся съезде: надо же было охранке иметь возможно более точные сведения о предстоящем съезде...»¹

Самой Надежде Константиновне, конечно, трудно было спустя двадцать лет вспомнить во всех подробностях обсуждавшиеся на этих совещаниях вопросы. И вот теперь этот пробел восполнен. Среди полученных из Польши материалов была обнаружена папка с надписью, сделанной рукой Надежды Константиновны:

«ЗАСЕДАНИЯ ЦК $\frac{15-16}{IV}$ 1914»

Уже на верхнем листке, лежавшем внутри этой папки, можно было узнать почерк Ленина. Это набросок порядка дня первого заседания ЦК, происходившего 15 апреля². На этом заседании обсуждалось больше тридцати вопросов. Одна эта цифра говорит о многом. Партия расширяла свое влияние. Перечитывая список подлежавших обсуждению вопросов, Ленин, конечно, мог сказать приведенные в донесении предостерегающие слова: «Наша победа, то есть победа революционного марксизма, велика. Пресса, страховая компания, профессиональные союзы и просветительные общества — все это наше. Но победа эта имеет свой предел...»³ Не обольщаться достигнутыми успехами, а приложить все силы для их закрепления, умело сочетать легальные методы агитации и организации с подпольными, с явным уклоном в сторону последних, — этого требовали усложнявшаяся с каждым днем политическая обстановка, усиливавшиеся репрессии.

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 219.

² См. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4, стр. 114.

³ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 11.

Рукой Ленина написана хранившаяся в этой же папке секретная резолюция Центрального Комитета о создании специального Организационного отделения ЦК для руководства нелегальной работой, своего рода подпольного штаба при Русском бюро ЦК. Этот штаб должен был состоять из проверенных петербургских большевиков, тесно связанных с редакцией «Правды». Для отвода глаз особой группе было дано название «Рабочая кооперативная комиссия». Именно на нее возлагалась ответственная задача заняться главным образом подготовкой партийного съезда к августу 1914 года.

В составленном Лениным плане повестки дня вопрос о созыве съезда стоит вторым пунктом.

Накануне ожидавших партию решающих схваток надо было тщательно проверить ее силы. Съезд должен был сплотить партию и в то же время расширить масштабы ее работы во всех направлениях.

В папке Надежды Константиновны хранился полный текст резолюции Центрального Комитета о созыве съезда, строго конспиративные решения ЦК по организационным вопросам и другие неизвестные историкам документы о деятельности руководства партии в апреле 1914 года. Рукой Ленина была записана повестка дня еще одного совещания, состоявшегося в Кракове не ранее 4(17) апреля того же года. Заграничное бюро ЦК подробно обсудило с приехавшим из Москвы представителем областного партийного бюро все местные дела, связанные с выбором делегатов на съезд в городах и поселках Подмосковья и Центрального промышленного района.

Старший научный сотрудник института Владлен Терентьевич Логинов обнаружил среди поступивших из Польши материалов ленинский документ более позднего происхождения — записку о переброске делегатов съезда через австрийскую границу. Ленин сам составил образец шифрованного сообщения о выезде делегатов, которое должно было быть опубликовано в почтовом ящике «Правды»¹:

«ВЫСЫЛАЕМ 12 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРЕДКАЛЬНА «МЫТАРСТВА»»².

¹ См. «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 27.

² «Мытарства страховых законов» — название брошюры депутата Государственной думы А. И. Предкальна.

Эти слова означали, что 12 делегатов прибыло на центральную явку.

«ВЧЕРА ПОСЛАНО 12 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ГОРЬКОГО»

Такое сообщение можно понять как извещение о высылке изданного в то время отдельной брошюрой известного рассказа А. М. Горького «Вездесущее». Но на самом деле это был текст шифровки о выезде за границу такого же количества делегатов.

С этой запиской Ленина связана также выявленная В. Т. Логиновым машинописная копия письма Н. К. Крупской в Московское областное бюро РСДРП.

«Сколько учителей поедет из Москвы и области в итальянскую экскурсию?»¹ — спрашивала Надежда Константиновна. Это означало: сколько большевиков пошлет Москва на съезд? Отдельно надо было сообщить о количестве «экскурсантов второго разряда», то есть о делегатах, переезжающих границу нелегально. Судя по совету — брать поменьше вещей, но обязательно захватить простыню, подушку и теплое одеяло, — ночлегом эти делегаты были обеспечены.

Приготовления к съезду, как видно из ряда документов, сочетались с легальными выборами делегатов на международный социалистический конгресс в Вене. Направлявшиеся в столицу Австрии участники конгресса могли, таким образом, без особых затруднений побывать в Кракове или Поронине, где должен был собраться съезд партии. Венский конгресс, как известно, не состоялся по той же причине, которая помешала и созыву партийного съезда, — началась первая мировая война. Но в краковско-поронинском архиве обнаружены интересные документы о двух других съездах, происходивших за границей незадолго до ее начала: о совещании, созванном исполнительным комитетом Международного социалистического бюро в Брюсселе, и о собравшемся там же четвертом съезде социал-демократии Латышского края, в работе которого участвовал Ленин.

На съезд латышских социал-демократов Ленин ездил из Кракова в качестве представителя ЦК партии большевиков и выступил на нем с докладом о деятельности РСДРП и большевистской думской фракции. Кроме того,

¹ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 26 и 34, прим. 57.

он прочел в Брюсселе реферат по национальному вопросу.

Записи этих выступлений Ленина до сих пор не найдены. Вероятнее всего, они утрачены вместе с протоколами съезда. Материалы съезда должен был подготовить к печати один из основателей Латышской социал-демократической партии, Янсон-Браун, примиренческие взгляды которого критиковали делегаты, стоявшие на большевистских позициях. Выполнил ли он партийное поручение, установить не удалось, так как спустя несколько месяцев началась война. Пароход, на котором хранитель протоколов Браун возвращался в Россию, в марте 1917 года потопила немецкая подводная лодка. Браун погиб. Возможно, что именно тогда и погибли записи ленинских выступлений, если Браун не оставил их в Брюсселе.

Об утраченном докладе Ленина можно получить представление лишь по краткому отчету, опубликованному в латышской газете «Страдниекс», выходившей в те годы в Америке. Но среди полученных из Польши материалов были найдены конспекты этого доклада и заключительного слова, произнесенного Лениным. Выяснилось также, что Владимир Ильич был автором проекта резолюции об отношении к РСДРП, внесенной делегатом съезда Зиемелисом. В этой резолюции Ленин призывает к объединению всех действительно социал-демократических сил и расширению фронта борьбы против царизма. Но это объединение должно быть проведено снизу самими рабочими, только тогда оно будет подлинно пролетарским.

Вместе с конспектами своих выступлений в Брюсселе Ленин сохранил и заметки, которые он вел на съезде, слушая выступления делегатов, в частности и примиренца Янсона-Брауна. Отстаивая свою шаткую позицию, Браун самоуверенно пазвал ее «очень тонкой». «Где тонко, там и рвется», — замечает Ленин в своих записях. Вероятно, эта реплика была использована им в прениях, потому что, записав выступления Брауна, Ленин пометил для себя: «На эту речь я отвечал в том же заседании 28 января 1914 года». Значит, и его ответная речь тоже утрачена. Владимир Ильич не сделал о своем выступлении больше никаких записей, и текст его, очевидно, разделил судьбу протоколов.

Ленин получил приглашение снова приехать в Брюссель на так называемое объединительное совещание,

созванное исполнительным комитетом Международного социалистического бюро в середине июля 1914 года. В повестку дня был включен вопрос о возможности восстановления единства в РСДРП.

Не желая участвовать в «объединительном надувательстве», затеянном покровителями меньшевиков, Ленин на этот раз остался в Галиции. Сохранился черновик посланного из Кракова письма Надежды Константиновны, объясняющего позицию Ленина в этом вопросе. «Вмешательство международного бюро оживило всякие трупы,— писала она жившему в Берлине большевику В. М. Каспарову.— Те, кто давно уже ушел от всякой работы, вроде примиренцев и К⁰, теперь зашевелились и собираются при содействии бюро решать судьбы партии»¹. Впрочем, об отношении Ленина к непрошеным посредникам нашлось и его собственное свидетельство — машинописная копия письма, написанного по поручению Краковского совещания Правлению Германской социал-демократической партии в ответ на предложение устроить встречу ликвидаторов с большевиками. Письмо написано по-немецки, но к нему приложен русский перевод, сделанный в 1913 году и просмотренный Владимиром Ильичем. Разногласия могут быть разрешены только самими русскими рабочими, лишь такое объединение будет жизненным и приведет к полному сплочению сил, заявил Ленин назойливым заступникам.

На совещание в Брюссель все же выехала делегация РСДРП во главе с Инессой Арманд. Она же зачитала на французском языке доклад Ленина, текст которого можно видеть в Институте марксизма-ленинизма. Это две неполные рукописи. Одна из них написана Владимиром Ильичем, другая скопирована матерью Надежды Константиновны Елизаветой Васильевной Крупской. Но судя по внесенным в эту рукопись поправкам, Владимир Ильич сам ее отредактировал.

Институт располагал и раньше инструктивными указаниями, составленными Лениным для членов делегации. Но, разбирая материалы краковско-поронинского архива, научные сотрудницы А. В. Овчарова и К. В. Шахназарова нашли новые, очень интересные документы о разгоревшейся в Брюсселе борьбе и незримом участии в ней Ленина². Это подробные протокольные записи, которые

¹ «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 16.

² См. «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 7—38.

велись в течение всего совещания и ежедневно посылались Ленину в Пороини, а также модлинники писем, полученных им от членов делегации.

«...Мы были как пророк Даниил, брошенный в ров со львами...» — делился своими впечатлениями секретарь делегации И. Ф. Попов¹. «Эти объединители (!!!) не скупилась на оскорбления против представителей тех, кого они хотят объединить и, в особенности, против их организаций»², — писал он в том же письме. Попов сообщал Ленину, что на конференции распространился слух, будто Владимир Ильич приехал в Брюссель, но прячется от делегатов. Этим кривотолкам поверили и организаторы совещания.

«Первое, что сказал мне Гюисманс при встрече, было: «А Ленин, приехал ли он или приедет? Почему же он не приехал? Скажите откровенно, почему?» Настойчивые эти расспросы были вызваны утверждением известного бельгийского социалиста Вандервельде, что «Ленин, мол, здесь и скрывается». Узнав об этом от адвоката Винка, связанного с социал-демократами, Попов, по его словам, «поймал Вандервельде и спокойным, насмешливым, твердым тоном сказал: «Как смешно, как дико верить подобным слухам». Он ответил: «Но Каутский тоже поверил им. Подите скорей к нему и скажите, что это неправда»»³.

По совету Попова Ленин прислал из Кракова телеграмму руководителям совещания о высылке в Брюссель интересующих Вандервельде откликов на его поездку в Россию и этим положил конец распространению клеветнических слухов.

В материалах Краковского архива обнаружен еще один ленинский документ — отклик на происходившую в Брюсселе баталию с «ареопагом фразеров». В сделанную рукой Ленина запись решений Центрального Комитета от 6 июля 1914 года внесена благодарность делегации РСДРП на Брюссельском совещании «за умелое и энергичное отстаивание партийной линии»⁴.

¹ И. Ф. Попов стал впоследствии драматургом и написал пьесу о В. И. Ленине «Семья», с успехом идущую на сценах советских театров.

² «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 34—35.

³ Там же.

⁴ «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 27.

О чем собирался говорить Ленин, на несостоявшемся Венском конгрессе? На этот вопрос дает ответ подготовленный им конспективный план доклада, хранящийся в Центральном партийном архиве.

Ленин предполагал, что на этом конгрессе будут повторены неудавшиеся в Брюсселе попытки навязать большевикам примирение с изгнанными из партии ликвидаторами. И свой протест против этих попыток он считал необходимым подкрепить вескими доводами. «Для Вены нужны факты, не фразы»¹, — записано в запросе ЦК, направленном из Кракова в Петербург в Русское бюро 26 июня (6 июля) 1914 года. Эти факты и приведены в заключительных строках конспекта. Ленин собирался в конце доклада огласить сведения о количестве рабочих групп, поддерживающих «Правду» своими трудовыми пятаками.

¹ «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 6, док. № 2.

КНИЖЕЧКА В ДЕРМАТИНОВОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Небольшая записная книжка в скромном дерматиновом переплете. Судя по штампу на обложке, Надежда Константиновна купила ее в Кракове в ту пору, когда город входил в состав Австро-Венгрии, поэтому и алфавит немецкий. На переплете рукою Крупской написано: «Русские адреса». В карманную эту книжечку она занесла не только адреса, служившие для связи с партийными организациями в России, но вообще все нужные Центральному Комитету партии адреса, которые по соображениям конспирации нельзя было хранить в России.

В дни заседаний Центрального Комитета и всякого рода совещаний, созывавшихся в те годы главным образом в Кракове или Поронине, в список этих адресов обычно вносилось много изменений и дополнений. Некоторые из них вычеркивались и заменялись новыми, более надежными. Степень надежности отмечалась на полях: «Проверен», «Годен», «Временно отменяется», «Пользоваться реже». Рядом с именем адресата записывалась и фамилия человека, сообщившего этот адрес: от П. (Г. И. Петровского), от Ник. Вас. (П. В. Крыленко). Если он попадал в руки полиции или потерял доверие партии, приходилось «закрывать» и все полученные от него адреса. Так, например, после бегства депутата Малиновского за границу, еще до того, как выяснилось, что он связан с охранкой, некоторые адреса в этой книжечке были перечеркнуты, другие густо замазаны чернилами.

Адресов нужно было много, так как по правилам конспирации на один и тот же нельзя было посылать химические или шифрованные письма и нелегальную литературу.

Надежда Константиновна должна была быть также уверена, что посланное ею письмо — иногда это было зашифрованное письмо Ленина — не останется непрочитанным из-за того, что адресат не владеет подпольной техникой. Поэтому на полях книжки она иногда делала пометку: «Можно химией». Если же было помечено «явка, почевка», на такой адрес химические письма уже не посылались.

Письма особенно конспиративного характера пересылались обычно через посредников. Надо было иметь два, а то и три адреса, чтобы переслать одно важное письмо. Для явок, посылок, перевода денег нужны были также отдельные адреса.

Можно себе представить, каким бесценным сокровищем была эта книжечка для Ленина именно в те годы, ведь надо было возрождать партию после тяжких лет реакции и непрерывных репрессий, преодолеть последствия вероломной подрывной работы ликвидаторов! Ушедшие после подавления революции 1905 года в глубокое подполье, потерявшие связь между собой, местные партийные организации нередко возвращались к жизни именно с помощью этой книжечки. В нее вписано двести пятьдесят адресов, городских и иногородних, но фактически их было гораздо больше. От каждого адреса в разных направлениях тянулись новые связи.

Для исследователей истории большевистской партии адресная книга ЦК РСДРП оказалась ценным справочным пособием, источником важных сведений о местных партийных организациях, об известных иногда только по кличкам корреспондентах Владимира Ильича.

Может возникнуть вопрос: нельзя ли с помощью этой книжки найти следы утраченных произведений Ленина или хотя бы его пропавших писем? Если даже адресатов уже нет в живых, письма могли сохраниться у родственников. Такая возможность не исключена. Но затруднения возникли бы не только потому, что значительная часть адресов устарела. Ведь они действовали лишь в том случае, если назывался какой-нибудь пароль и на него получали соответствующий ответ.

...В Саратове зайти в баню Карасева на углу Никольской и Кузнечной, спросить кассиршу Паулину Карповну Ананьеву, когда можно видеть сына Шуру.

...В Юзовке зайти в фотографию Цуковича и узнать, нет ли тут товарища той женщины, которая пишет стихи

...В Киеве в доме № 4 по Совской улице вызвать из квартиры № 18 Велевчука и отрекомендоваться так: «Я пришел к вам за справкой от Петра Георгиевича». Велевчук должен ответить: «Ради Петра Георгиевича готов все сделать». Там же, зайдя в частную контору Кольбера на Большой Васильевской улице, позвонить в левый звонок и спросить госпожу Берковскую, не одолжит ли она «Чтец-декламатор». Берковская должна на это ответить: «Вот оп» — и показать книжку. (Таким путем устапавливались связи с многими киевскими большевиками.)

...В Петербурге зайти в дом № 9 по Перекупному переулку и передать живущей в нем Рахили Николаевне Покровской привет от ее брата Владимира Николаевича. Покровская должна ответить вопросом: «А книги привезли?»

Каких только пет в этой книжечке адресов!

Деловая контора нотариуса и магазин шляп «Модерн». Гистологический кабинет и прославившаяся своими пирожными кондитерская! Адреса с благонадежнейшими названиями, вроде: «Село Михаила Архангела» или — «Улица статс-секретаря Столыпина». В одном из домов на этой улице в Киеве устапавливалась секретарь Русского бюро ЦК Елена Розмирович, когда она по поручению депутата Петровского объезжала южные города, подготавливая выборы делегатов на партийный съезд. Этот адрес она сообщила в Краков в химическом письме, найденном теперь в полученных из Польши архивных документах.

Перелистывая эту книжечку, можно даже узнать, где имели свои конторы такие солидные банки, как Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Земельно-Дворянский. Некоторым служащим этих банков можно было писать лишь при условии, чтобы письмо было вложено в конверт торговой фирмы. В конторе кредитного учреждения паролем мог служить вопрос: «Почем продаете акции?». Ответить полагалось заранее условленной цифрой, например: «Сто рублей».

А вот адрес, которым часто пользовался Ленин, когда нужно было послать шифрованное письмо в Русское бюро ЦК или большевистскую фракцию Думы: С.-Петербург, Галерная, 6, кв. 17, Николаю Ильичу Подвойскому.

Этот дом корреспондент Владимира Ильича облюбовал потому, что отсюда было недалеко до главного почтамта. Кроме того, рядом с домом был удобный проходной двор. В случае непрошеного визита можно было легко выскольз-

нуть. И все-таки, заметив, что его квартира привлекает внимание шпиков, Подвойский весной 1913 года переехал в Финляндию, в местечко Куоккала, в сорока километрах от Петербурга. Окна дачи, в которой он поселился, выходили на улицу, носившую название... «Полицейская дорога»! На этот адрес, тоже занесенный в книжку, приходили статьи и письма от Ленина. Сюда часто заглядывала Анна Ильинична, когда ей нужно было что-нибудь отправить брату. С января 1914 года Ленин пользовался еще адресом «ее высокоблагородия» Зои Федоровны Лоренсовой, жившей на Васильевском острове в Петербурге.

В записной книжке Надежды Константиновны были, разумеется, и адреса главных вагонных мастерских Петербурга или, например, Исетского завода в Верхне-Ишимске. Там жила Клавдия Тимофеевна Новгородцева, жена Свердлова.

Как много значили для Ленина конспиративные адреса, связывавшие его с Россией, можно судить по такому эпизоду, рассказанному встречавшимся с ним в Кракове Ганецким.

Летом 1914 года, после обыска в доме Терезы Скупень, Владимир Ильич примчался к Ганецкому на велосипеде. Выказав свою досаду на жандарма, забравшего с собой рукопись по аграрному вопросу, он с удовлетворением добавил: «Хорошо, что не взял переписку. Были там и адреса и другие конспиративные вещи».

Говоря это, В. И. Ленин, конечно, имел в виду и ту самую книжечку в дерматиновом переплете, которая теперь вместе с документами поронинско-краковского архива поступила в институт.

В книжечке хранятся отдельные листки, на которых записаны названия произведений Лермонтова («Воздушный корабль», «Измаил-бей»), басни Крылова («Ворона и лисица»), повести Аксакова («Детские годы Багрова внука»). Они служили своеобразным ключом к зашифрованной переписке В. И. Ленина.

Скромная книжечка в дерматиновом переплете теперь в руках ученых, источниковедов. За полсотни лет изменились почти все «русские адреса». А что, если вместо букв в названиях стихотворений проставить цифры — не прояснятся ли тогда некоторые нерасшифрованные строчки в конспиративных письмах Ленина!

«ВЫ ЧУТОЧКУ ПЕРЕКОНСПИРИРОВАЛИ...»

Заведую секцией документов Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, Мария Васильевна Стешова обычно очень внимательно просматривала хранившиеся там копии писем Надежды Константиновны Крупской, перлюстрированных департаментом полиции. Действительно ли все эти письма были написаны ею, или, может быть, перлюстраторы ошиблись и автором некоторых из них был Ленин? Такие ошибки не раз приходилось исправлять собирателям ленинского литературного наследия.

Марию Васильевну заинтересовало перлюстрированное департаментом письмо из Кракова, посланное в Москву 30 марта 1914 года на служебный адрес арбатского мирового судьи Егора Федоровича Матвеева. В делах департамента автором этого письма значилась Надежда Константиновна Крупская; вероятно, оно было написано ее рукой. Перед глазами Марии Васильевны была машинописная копия, как же проверить?

«Дорогой коллега! Кажется, Вы чуточку переконспирировали, и я долго не мог отгадать, кто Вы».

Ясно, что эти слова не могли относиться к мировому судье — его имя не нужно было отгадывать, — а были адресованы кому-то другому, связь с которым поддерживалась через судью. Но, упрекая кого-то в чрезмерной конспирации, Надежда Константиновна сама прибегла к испытанному конспиративному приему: писала о себе в мужском роде! Впрочем, и сестре Владимира Ильича Анне Ильиничне приходилось порой выдавать себя за мужчину. Она получала в редакции петербургского журнала «Просвещение» почту на имя мифического Андрея

Николаевича. Иногда в письмах к брату говорила о себе так: «Начал писать Вам на днях, но вследствие одной тревоги не удалось кончить...»

Во всяком случае, сугубо конспиративный характер заинтересовавшего Марию Васильевну письма был очевиден с первых же строк.

Его автор благодарил адресата за очень ценное сообщение о встречах с какими-то людьми, имевшими, по-видимому, большое влияние в определенных кругах и весьма состоятельных:

«За сообщение очень благодарен. Оно очень важно. Поэтому, на указанных Вами условиях Ваше участие было вполне правильное и для дела полезное. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, рассчитывая на *подробную* информацию с Вашей стороны. Повторяю, дело очень важно в смысле симптома; Ваши замечания насчет «огромного интереса наблюдать процесс новой будораги» безусловно правильны. Информироваться нам насчет этого процесса в высшей степени необходимо... Лицо, способное непосредственно информировать центр организованной силы (под этим центром, очевидно, подразумевался Центральный Комитет партии большевиков.— *Р. П.*), информируется о настроениях колеблющихся и даже врагов... Далее сообщите, насколько откровенно Вы можете беседовать: а) с экземпляром, б) с его отдельными приятелями и знакомыми, собеседниками и прочее, в) со всеми участниками «встреч». Поэтому, надо выделить тех, с кем можно говорить откровенно и им откровенно поставить вопросы вроде следующих: аа) мы идем до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться, до каких вы? Неофициально, приватно!! бб) мы вносим то-то в смысле сил, средств и пр.; нельзя ли информироваться, что способны внести вы в «внедумскую» борьбу. Вы же говорите: экземпляр находит, что рано изменили фронт либералы в 1905 году,— вот и «информироваться» — все ли так смотрят и на какой срок примерно предполагают отсрочить перемену фронта (конечно, сие не во времени, не в сроке можно выразить, а в политических переменах)»¹.

Автор письма давал понять, что встречи с людьми

¹ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 13.

этого круга могут продолжаться и дальше, интересовался возможностью получить от них практическую помощь: Способны ли дать деньги? Способны ли создать нелегальный орган? «Наша цель информироваться и подтолкнуть на всякое активное содействие революции с возможно более прямой и откровенной постановкой вопроса... именно насчет революции»¹.

Под письмом никакой подписи не было.

Судя по приложенной к копии этого письма выдержке из донесения начальника московского охранного отделения, там возникло предположение, не подтвержденное, впрочем, никакими доказательствами, что адресат — Николай Николаевич Яковлев, бывший московский студент, возможно связанный с либералами из кругов крупной буржуазии. По охране было известно о нем и другое. И именно эти сведения приводились в донесении. Н. Н. Яковлев был членом Российской социал-демократической партии, видным работником московской большевистской организации. Испытанный революционер-подпольщик много раз подвергался арестам, два года просидел в Бутырках, его неоднократно высылали из Москвы. В донесении упоминалось, что в начале 1914 года он бежал из Нарыма и скрывался в Харькове, где жил по паспорту крестьянина Тверской губернии Ивана Осиповича Старикова. Там он и был арестован 23 марта 1914 года. Письмо же из Кракова датировано днем позже — 24 марта того же года. И вряд ли Яковлев успел его получить.

Возможно, что М. В. Степова и не вспомнила бы больше об этом письме. Но в 1954 году, когда в институт прибыли новые материалы краковско-поронинского архива, она неожиданно снова наткнулась на знакомые строки:

«Дорогой коллега! Кажется, Вы чуточку переконспирировали, и я долго не мог отгадать, кто Вы...» Но теперь эти слова были написаны почерком Ленина, так же как и все письмо. Рукой же Надежды Константиновны в верхнем углу листа была сделана лишь небольшая пометка:

«30.III через Алю».

В адресной книге ЦК РСДРП, обнаруженной среди бумаг того же краковско-поронинского архива, есть такая запись:

¹ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 13.

«Москва (для писем и денег Але), камера арбатского мирового судьи. Мало-Успенский пер. близ Арбата. Егору Федоровичу г-пу Матвееву».

Исследователи этой книги¹ установили, что этот адрес служил для переписки Заграничного бюро ЦК с областным бюро РСДРП Центрального промышленного района. Письма и деньги, приходившие на этот адрес из-за границы, передавались дальше через Алю — А. С. Романова (он же Жорж)!²

Содержание этого письма, написанного, как теперь выяснилось, не Крупской, а Лениным, М. В. Степова уже знала. Но в делах краковско-поронинского архива был найден и подлинник того письма, которое было «чутьточку переконспирировано». Оно оказалось очень интересным, по в нем было много неясностей. Под ним к тому же не было подписи. Если разгадать, кто автор письма, вероятно, удалось бы прояснить и все его темные места.

На первой же странице загадочного письма рукой Ленина сделана пометка: «Получено 22.III.1914»³.

Сопоставим эту дату с датой ответа. Он послан 24 марта. Факт, заслуживающий внимания! Ленину понадобилось целых два дня, чтобы выяснить имя таинственного корреспондента. И все же как скоро он написал ответ!

Но вот что еще бросается в глаза: чуть ли не все письмо неизвестного лица испещрено характерными ленинскими подчеркиваниями и тем же карандашом, которым помечен день получения письма. Видно, сильно оно заинтересовало Ленина!

В письме, посланном из России в Краков в начале марта 1914 года, то есть всего за несколько месяцев до начала первой мировой войны, сообщались важные сведения о тайных встречах его автора с некоторыми представителями либеральной буржуазии, недовольными политикой царского правительства. После беседы с ними автор письма пришел к выводу, что в либеральных кругах (слово «либеральных» Ленин, читая письмо, дважды подчеркнул) «утратили надежду на, скажем, органический исход

¹ В. Т. Логинов, В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова.

² Впоследствии было установлено, что этого Алю завербовала охранка.

³ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 17.

и выход. И все упорнее начинают говорить, что надо быть готовыми «к над-органическому» или, скажем, «сверх-органическому» решению»¹.

Другими словами, неизвестный информатор давал понять, что некоторые видные представители либеральной буржуазии перестают верить в возможность плодотворного сотрудничества с царским правительством и считают вероятным насильственное изменение существующего строя.

«Отдельные экземпляры, сообщал тот же наблюдатель, наделены хорошим темпераментом, при котором они чувствуют себя гадко среди своих приятелей по либерализму, лишенных всякого темперамента»². Не называя фамилий, автор письма намекал на то, что беседовал с весьма радикально настроенными деятелями, но тут же вписал поправку: «Социальное положение, традиции, воспитание и т. д. не дают этим экземплярам возможности оторваться от своих приятелей». В разговоре с автором письма «один из любопытнейших экземпляров с темпераментом» все же познакомил его со своими минимальными пожеланиями. Сообщение это Ленин подчеркнул, отмечая его важность. «В прошлом, признался «экземпляр», когда совершалось над-органическое решение (то есть революция 1905 года. — *Р. П.*), его социальные приятели сделали крупную ошибку. Они, напуганные активной силой, с которой были совсем незнакомы, уверили себя, что «над-органическое решение» уже совершилось, и отпали и повернулись спиной». Собеседник информатора, однако, считал, что его приятели поступили неправильно. Желая предотвратить повторение подобной ошибки, он предложил «некоторое чисто личное ознакомление». Слова «чисто личное» Ленин подчеркнул, так же как и сообщение автора письма, что социальный вес и влияние «экземпляра» и его ближайших приятелей измеряется многими миллионами рублей, а против слов «чисто личное» на полях написал: «ха-ха!» Эта дипломатическая уловка «экземпляра с темпераментом», вероятно, вызвала у Владимира Ильича саркастическую улыбку.

В письме сообщалось также, что, когда «экземпляру» — этому миллионеру — кадеты предложили потолковать в узком кругу о думских и университетских делах, он не

¹ «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 14.

² Там же.

согласился и выдвинул контрпроект: «Чем вариться в собственном соку, *пригласим-ка левых!*» Эти слова тоже подчеркнуты Лениным.

Смелое предложение испугало кадетов. Они стали уверять, что левые на встречу не пойдут, «а если и пойдут, то только все нарушат и разрушат».

Получив приглашение на совещание с кадетами, автор письма высказал «экземпляру» свое мнение: что соглашения между «сплотившимися организованными формами» (то есть партиями) должны заключаться лишь от случая к случаю «полномочными представителями оных организованных форм». Не имея полномочий от той «организованной формы», к которой он себя причислял, приглашенный согласился на встречу лишь при условии, что совещание будет носить характер взаимного ознакомления «лиц, соприкасающихся с различными общественными слоями».

Взаимное выяснение взглядов «ввиду грядущих событий», по мнению автора письма, было бесполезно, так как могло раскрыть, «что разные силы идут в одном направлении, хотя и применяют различные средства».

Сообщая обо всем этом Ленину, автор письма спрашивал совета, как вести себя дальше: продолжать ли тайные встречи в информационных целях или же прекратить эти свидания во избежание кривотолков.

Если судить по количеству подчеркиваний — в сорока шести местах, одной или двумя чертами, — письмо без подписи не только было прочитано, а можно сказать, изучено Владимиром Ильичем. Подчеркнутыми оказались и те скудные сведения, которые осторожный автор все же сообщал о себе. Ведь Владимиру Ильичу важно было знать, кто ему пишет. Но эти подчеркивания как раз и подтверждали слова Ленина о том, что он не сразу отгадал имя конспиратора. И после того как это имя было наконец установлено, ни Ленин, ни Крупская из конспиративных соображений не сделали никаких пометок на оставшихся в Кракове подлинниках.

Кто же был этот человек?

Департамент полиции решил, что Крупская отвечала из Кракова на письмо бежавшего из ссылки московского большевика Яковлева. Однако не было ли это предположение таким же ошибочным, как и догадка относительно автора ответа.

Предположение это было действительно опровергнуто дальнейшими исследованиями, предпринятыми старшим научным редактором журнала «Исторический архив» — Анной Моисеевной Володарской.

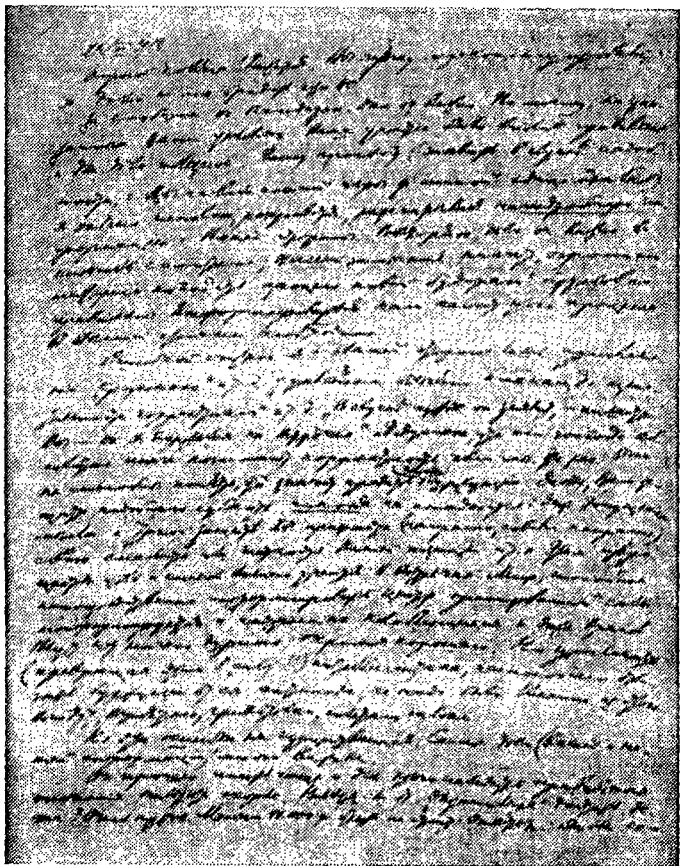
В Институте марксизма-ленинизма А. М. Володарская участвовала в подготовке к печати 19-го тома Сочинений В. И. Ленина, в котором опубликованы его произведения, написанные в краковско-поронинский период. Потом она перешла на работу в редакцию журнала «Исторический архив» и продолжала изучать деятельность Ленина в годы назревания предвоенного революционного кризиса; именно этой теме она посвятила свою монографию.

Во время работы над 19-м томом Володарской приходилось обращаться за консультацией к старому большевику Григорию Ивановичу Петровскому, не раз ездившему в Краков и Поронин для участия в заседаниях ЦК и совещаниях с депутатами Думы и там встречавшемуся с В. И. Лениным.

Подготавливая к публикации некоторые полученные из Польши документы, Анна Моисеевна в одном из них заметила не совсем понятное сообщение, в котором упоминалось имя Г. И. Петровского. Она решила съездить к Григорию Ивановичу — не разъяснит ли он, о чем там речь. Это была запись хранившихся в папке Крупской решений, принятых на заседаниях ЦК РСДРП в апреле 1914 года. Один из пунктов этой записи гласил: «Московское тайное совещание». Одному или двум депутатам-большевикам поручалось куда-то поехать, чтобы получить 25 тысяч. Куда именно, не было сказано. Одним из кандидатов был назван Петровский. В записи было всего две строчки. О каком именно тайном совещании в Москве шел разговор на заседании ЦК в Кракове? Не помнит ли Григорий Иванович каких-нибудь подробностей?

После долгого раздумья Г. И. Петровский ответил: «Нет, вряд ли я смогу теперь припомнить, какие разговоры тогда велись. Уж очень давно все это было, больше сорока лет назад. Но решение ЦК я тогда выполнил, к Коновалову за деньгами ездил. И ездил не один, а со Скворцовым-Степановым. Это я хорошо помню».

Сообщение Г. И. Петровского сначала очень удивило А. М. Володарскую. Ей, конечно, было хорошо знакомо имя Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, видного московского литератора-марксиста, партийного и обществен-

Страница из найденного в поронинско-краковском архиве черновика письма, которое В. И. Ленин послал И. И. Скворцову-Степанову 24 марта 1914 г.

ного деятеля, выдвигавшегося когда-то большевиками в члены Государственной думы. Но ни в одном из известных ей документов и исторических источников, ни тем более в печати никогда не упоминалось о его участии в каких-либо встречах или совещаниях с представителями либеральной буржуазии. Не изменила ли память Григорию Ивановичу?

А. М. Володарская навела справки у некоторых историков и архивистов. Ни один из них не подтвердил сообщенные Петровским сведения.

Незадолго перед этим на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» как раз появилось сообщение М. В. Степшовой о документах краковско-поронинского архива. В нем говорилось, что участником тайных совещаний с либералами был Н. Н. Яковлев, и вкратце пересказывалось содержание полученного от него Лениным конспиративного письма. Сообщение это, конечно, очень заинтересовало Анну Моисеевну, и она попросила разрешения в Центральном партийном архиве снять копию с еще не опубликованного письма Н. Н. Яковлева. В этом письме она нашла много важных сведений о политической обстановке в России накануне первой мировой войны.

Но действительно ли это письмо написал Яковлев? В этом Анна Моисеевна усомнилась. Мог ли только что бежавший из Нарыма ссыльный так рисковать собой? Прописавшись в Харькове по чужому паспорту, тут же умчаться в Москву, где его не раз выслеживали шпики? И сразу же встретиться там с весьма сомнительными конспираторами из кругов либеральной буржуазии?

Продолжая изучать архивные материалы на тему своей монографии, Володарская неожиданно обнаружила в хранящихся в ЦГИАМ делах того же департамента полиции записку начальника московского охранного отделения более позднего происхождения по сравнению с донесением, в котором говорилось, что получателем «письма Крупской» был Яковлев. В этой записке, составленной 16(29) мая того же года, начальник московской охранки доносил, очевидно на основании агентурных сведений, что необходимую для организации партийного съезда сумму «Ленин предполагает получить от прогрессистов, вести переговоры с которыми поручено литератору Ивану Ивановичу Скворцову (социал-демократ, большевик), проживающему в Москве...»¹

¹ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 13.

Значит, Григорий Иванович Петровский не ошибся! Скворцов-Степанов действительно участвовал в переговорах с прогрессистами! Не он ли автор и конспиративного письма Ленину? Необходимо было найти в письме хоть какие-нибудь сведения, которые подтвердили бы это предположение.

«...В последний раз, как Вы, верно, припомните, виделись мы весной 1908 года, когда я должен был доехать до Капри, но вместо того проболтался в Мюнхене, а потом задержался у Вас в Женеве».

Яковлев не мог в это время гостить у Ленина, рассуждала Володарская... Из материалов того же департамента полиции видно, что в 1908 году Яковлев еще сидел в московской тюрьме и сумел выехать за границу лишь через три года¹.

«...Одной из последних вестей, дошедших потом от Вас до меня, было едва ли не «благоволение», выраженное за мою статью о Муромцеве». Эти слова дважды подчеркнуты Владимиром Ильичем.

Выразил Ленин свое одобрение автору письма за его статью о Муромцеве, устно или письменно, не было ясно. В справочнике к Сочинениям Ленина об этом не нашлось никаких сведений. Можно было попробовать еще один очень сложный, к тому же малоэффективный способ проверки: просмотреть все появившиеся в русской печати статьи о первом председателе Государственной думы. Но как узнать, какую из них похвалил Ленин?

Лина Моисеевна обратилась в Историческую библиотеку к сотруднице В. А. Рудницкой с просьбой навести справки в предметном каталоге. Нет ли интересующих ее сведений в разделе «Персоналии» на карточках Муромцева и Скворцова-Степанова?

Таких сведений там не оказалось. Из алфавитного каталога стало известно, что в 1925 году вышел сборник статей И. И. Скворцова-Степанова, написанных в 1905—1915 годах, — «От революции к революции»². Дальше все шло как по мановению волшебной палочки. В одном из последних разделов оглавления сборника была обнаружена статья «Сергей Андреевич Муромцев», перепечата-

¹ В начале августа 1911 года (ЦГИАМ, ДП V 190, 1911 г., л. 25—26).

² И. Степанов. От революции к революции. Сборник статей (1905—1915 гг.). М.—Л., 1925.

ная из газеты «Наш путь» — двухнедельника, выходящего в 1910—1911 годах и прекратившего свое существование из-за цензурных преследований¹. Но главная находка была еще впереди. В предисловии к сборнику именно по поводу этой статьи — «Сергей Андреевич Муромцев», сбрасывавшей с пьедестала развенчанного кумира либералов, Скворцов-Степанов писал, что Ленин и другие товарищи дали о ней самый теплый отзыв. В этом же предисловии автор сообщал о себе и другие биографические сведения, например, что весной 1908 года он два месяца паходился за границей и «около недели прожил в Женеве, где почти еждневно встречался с Лениным, Иннокентием Дубровинским и Надеждой Константиновой». Как раз об этих встречах папоминал автор конспиративного письма, сообщая о себе: «А потом задержался у Вас в Женеве»².

Получив все эти сведения, Анна Моисеевна все же проверила еще один биографический факт из той части письма, где автор подробно рассказывал о беседе с «экземпляром», личность которого уже не была секретом.

«...Про себя лично я сказал, что уже около 18 лет чувствую себя в общем и целом солидарным с одной определенной коллективностью». Несколько слов в этом сообщении были тоже подчеркнуты Лениным. После того как почти все неизвестные «уравнения с несколькими неизвестными» были разгаданы, прояснить еще один биографический факт, сообщенный автором письма, не представляло уже никаких затруднений.

Разговор с «экземпляром» происходил в 1914 году. Собеседник его признался, что считает себя социал-демократом с 1896 года, то есть с того времени, когда партия еще фактически не была оформлена. Но тогда Яковлеву было всего десять лет. Между тем Скворцов-Степанов был ровесником Ленина.

Теперь оставалось только сравнить почерк автора письма с рукописными текстами Скворцова-Степанова. В Институте марксизма-ленинизма их было много. И Володарская сразу же убедилась, что и письмо и хранившиеся там труды известного литератора-марксиста,

¹ См. «Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917)». Справочник. М., 1957.

² *И. Степанов*. От революции к революции, стр. 13.

историка и экономиста И. И. Скворцова-Степанова были написаны одной рукой.

Теперь, когда автор загадочного письма был установлен, появилась возможность проследить и судьбу ответа на это письмо, написанного Владимиром Ильичем.

Продолжая изучать материалы для своей монографии, Володарская обнаружила в делах департамента полиции новые документы, которые дают основание полагать, что после перлюстрации в департаменте полиции письмо было вручено адресату и он осуществил советы и указания Владимира Ильича.

В донесениях охранного отделения исследовательница нашла много материалов о происходивших в начале марта 1914 года в Москве тайных совещаниях, созванных по инициативе прикатившего из Петербурга товарища председателя Государственной думы лидера прогрессистов А. И. Коновалова.

Из этих материалов видно, что описанный в письме Скворцова-Степанова «темпераментный экземпляр» действительно развил в Москве лихорадочную деятельность. Лидер прогрессистов наметил план объединения оппозиционных и революционных сил вне Думы для воздействия на царское правительство, которое, по его мнению, «обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора и уверено, что страна заснула мертвым сном»¹. Вот Коновалов и решил припугнуть правительство объединением всех оппозиционных сил. По его предложению в марте 1914 года в Москве был организован Информационный комитет всех партий и революционных групп, в состав которого вошел и большевик И. И. Скворцов-Степанов. В донесениях московской охранки сообщалось, что якобы на заседании этого комитета 19 апреля Коновалов даже обещал предоставить большевикам двадцать тысяч рублей на устройство партийного съезда.

В одном из донесений начальника московского охранного отделения Мартынова говорилось о том, что Ленин, узнав о возможности получить крупную денежную субсидию, «предложил члену Государственной думы Петровскому усиленно заняться фактическим получением этих денег». Но там же сообщалось, что он «одновременно пред-

¹ А. М. Володарская. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса 1913—1914 гг. М., 1960, стр. 39—40.

ложил ограничить этим свое участие в делах Информационного комитета»¹.

Как тут не вспомнить последние строки письма Владимира Ильича к Скворцову-Степанову: «Наша цель информироваться и подтолкнуть на всякое активное содействие революции возможно более прямой и откровенной постановкой вопроса... именно насчет революции».

Вероятно, начальник московской охраны, приписавший это письмо Крупской, подразумевал именно эти строки, когда сообщал в донесении директору департамента полиции В. А. Брюн де-сент-Ипполиту, что «социал-демократы ленинского толка видят свое участие в делах Информационного комитета только в возможности получения денег от либералов на устройство партийного съезда и что в делах этого комитета большевики больше участвовать не будут»².

А. М. Володарская высказывает предположение, что письмо В. И. Ленина было получено И. И. Скворцовым-Степановым. В последних строках этого письма Владимир Ильич советовал Скворцову «выступить на встречах с прогрессистами со своим докладом», который как раз и должен был способствовать окончательному прояснению позиций. Ленин не случайно спрашивал в письме: «Насколько откровенно Вы можете беседовать... со всеми участниками встреч?» «На какой срок, примерно, предполагают отсрочить перемену фронта?»

В делах департамента полиции Анна Мойсеевна нашла интересное донесение, подкрепившее ее предположения. Все тот же начальник московской охраны разнюхал через своего агента, что И. И. Скворцов предполагал выступить 19 апреля на заседании Информационного комитета с важным заявлением. В донесении сообщалось, что он собирается задать заправилам комитета такие весьма неудобные для них вопросы:

«Будут ли кадеты и прогрессисты, как владельцы крупных промышленных предприятий, входить в соглашения с владельцами фабрик, организовавших локаут, будут ли преследовать рабочих штрафами и иными методами воздействия, когда последние организуют политические

¹ А. М. Володарская. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса, стр. 45—46.

² «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 10.

стачки; будут ли вотированы кадетами и прогрессистами ассигновки на военные нужды...»¹

Было ли такое заявление сделано Скворцовым-Степановым? Материалы ЦГИАМ не прояснили этот вопрос. Но благодаря находке подлинников писем Ленина и его «чуточку переконспирировавшего» корреспондента, имя которого удалось раскрыть А. М. Володарской, получены новые ценные сведения о тактике большевиков по отношению к некоторым группам либералов в период пазревания революционного кризиса.

¹ ЦГИАМ, ф. 63, 1914 г., Разработка, д. 49, л. 51, об.— 52.

РАЗБИРАЯ «РОССЫПИ»...

Письма, статьи и другие работы, написанные Лениным в годы его пребывания в Галиции и по каким-либо причинам потом утраченные, могли быть найдены, разумеется, не только среди бумаг краковско-поронинского архива.

Некоторые ленинские документы этого периода оказались в делах департамента полиции, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), и были переданы Институту марксизма-ленинизма. Вместе с научными сотрудниками этого института работники ЦГИАМ еще в 1930 году начали подбирать материалы для научной биографии В. И. Ленина и тогда обнаружили в архивных фондах много ценных ленинских документов.

Архивисты просмотрели не только все дела, числившиеся в картотеке центрального справочного алфавита департамента полиции (около трехсот), но и папки особого отдела департамента, следившего за работой руководящих органов РСДРП и ее организаций. За пять лет, с 1930 по 1934 год, было просмотрено около 44 тысяч дел, заведенных департаментом. За два года (1931—1932) проверено более 60 тысяч перлюстрированных в «черных кабинетах» писем. Среди них оказалось 160 копий писем Надежды Константиновны Крупской. Автором некоторых из них, как уже известно читателю, был В. И. Ленин.

О грязной работе «черных кабинетов» много раз писали «Искра», «Правда» и другие органы революционной печати.

22 мая 1913 года, выступая в Думе в прениях о смете главного управления почт и телеграфов, депутат-большевик М. К. Муранов назвал это управление «филиалом

охранки». И подкрепил свои слова вескими доказательствами. Царский министр Трепов на конвертах перехваченных писем часто писал такие резолюции: «Автора письма арестовать и заключить в тюрьму». Если же имя «красномольника» не было известно, текст резолюции менялся: «Адресата арестовать и держать в тюрьме, пока не назовет имя автора». Депутат Муранов огласил с трибуны Государственной думы даже и такой факт: после убийства министра внутренних дел Плеве директор департамента полиции Лопухин нашел в бумагах убитого копии своих собственных писем, перлюстрированных в «черном кабинете».

В таких больших городах, как Москва, Петербург, Варшава, Киев, Одесса, перлюстрацией писем занимались почтовые чиновники, цензуровавшие иностранные газеты и журналы. Созданные при почтамтах, но помещавшиеся иногда и в частных квартирах, «черные кабинеты» были тщательно засекречены. В Петербурге, например, проникнуть в помещение «черного кабинета» можно было только через дверцу большого желтого шкафа, стоявшего в комнате старшего цензора. Сюда доставлялась вся приходившая на почту корреспонденция. Из огромной груды писем еще до их сортировки опытные перлюстраторы ежедневно выуживали свой улов, руководствуясь двумя принципами отбора: «по наблюдению» и «по подозрению»¹. Корреспонденция «по наблюдению» изымалась механически. В «черных кабинетах» имелись специальные «черные списки». Против фамилий перечисленных в них лиц, среди которых, конечно, были и все члены семьи Ульяновых, в особой графе точно указывалось, как поступать с их корреспонденцией: «Особо строгое наблюдение», «фотографировать», «представлять в подлиннике».

«По подозрению», то есть по внешнему виду конверта, изымались все письма, присланные из-за границы, а также и внутренние, если они почему-либо внушали недоверие, например если в адресе было подчеркнуто какое-нибудь слово. Уж не условный ли это знак? Или когда на конверте указывалось, что письмо должно быть передано другому лицу. Если на возбуждившем подозрение письме не было подписи и почерк его автора не был знаком пер-

¹ См. *С. Майский*. Черный кабинет. Былое, кн. XIII, 1918, стр. 189.

люстраторам, текст тут же фотографировался, чтобы слить с другими письмами этого лица, адресованными, например, его близким. В этом случае имя автора легче было установить.

«Справедливость требует сказать,— утверждал один бывший перлюстратор, опубликовавший после Октябрьской революции свои воспоминания под псевдонимом,— что нигде в мире «черные кабинеты» не работали так чисто, как в России. Письма, перлюстрированные в России, как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют в себе ни малейшего следа вскрытия, даже для самого пытливого глаза...»¹

Из писем, взятых на заметку перлюстраторами, делались выписки в трех экземплярах. Один посылали в департамент полиции, второй — губернатору или командующему военным округом, третий оставался в «черном кабинете». Подлинник же обычно доставлялся адресату, кроме тех случаев, когда изъятие его диктовалось «особыми соображениями». Если предполагалось арестовать адресата, в его квартиру вслед за почтальоном являлись жандармы с обыском. Но «крамольное» письмо могло быть послано и до востребования. Тогда на почту командировали филеров. Заранее предупрежденный, почтовый чиновник знал, какой знак надо подать, если явится получатель письма. Его задерживали на улице, когда он выходил из почтового отделения.

В городах, где не было «черных кабинетов», перлюстрацией писем ведал специальный почтовый чиновник, поддерживавший связь с полицией, в сельских местностях — исправник. Они же негласно наблюдали за корреспонденцией ссыльных. Пользуясь всеми этими методами, полиция незримо, но зорко следила за перепиской Ленина.

В 1923 году Владимир Васильевич Максаков, в то время еще молодой архивный работник, нашел в Государственном архиве РСФСР копию большого письма, посланного из Кракова в Петербург в апреле 1913 года на имя Николая Ильича Подвойского. Это была директива руководимого Лениным Центрального Комитета партии о том, как проводить в жизнь решения Пражской конференции, составленная, конечно, при ближайшем участии Владимира Ильича. Перехватив письмо, полиция восполь-

¹ С. Майский. Черный кабинет, стр. 194.

зовалась также другими сведениями, имевшимися в ее распоряжении, для составления секретного отчета «О современном положении в РСДРП».

Советские историки-источниковеды не раз убеждались, что материалы департамента полиции нуждаются в тщательной проверке. «Жандармские и полицейские донесения и справки дают очень многое для установления отдельных фактических сторон. Но по отношению к этим источникам более всего необходим критический подход, проверка излагаемых фактов. Достаточно хотя бы указать на то, что жандармерией была приписана руководящая роль в Петербургском союзе борьбы П. К. Запорожцу»¹, — еще в 1930 году отметил опытный источниковед и собиратель ленинского литературного наследия Г. А. Тихомирнов.

Но об отчете «О современном положении в РСДРП», извлеченном В. В. Максаковым из дел департамента, никак нельзя сказать, что в нем преуменьшена роль В. И. Ленина.

Признавая в начале этого отчета, что социал-демократическая партия стала оправляться от ударов, нанесенных ей после поражения революции 1905 года, его составители объясняют это тем, что «в настоящее время сплочение всей подпольной партии идет вокруг большевистских организаций и что последние на деле и представляют собой Российскую социал-демократическую партию». И почти половина всего отчета посвящена подбору доказательств, «почему фракция ленинцев всегда лучше других организована, крепче своим единодушием, изобретательнее по части проведения своих идей в рабочую среду и применения к политической обстановке».

«Постоянной организаторской душой всех мало-мальски серьезных партийных начинаний является Ленин, — говорится в отчете. — Кроме того, он по существу своему единственный практический революционный вожак, поэтому и примыкают к нему только элементы беззаветно ему преданные и революционно настроенные. Все конференции, съезды, совещания и т. п. за последние 7 лет исходили от Ленина».

¹ Г. Тихомирнов. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина. «Пролетарская революция», 1930, № 4, стр. 49.

В докладе подчеркивается, что, «когда за последние два года стало усиливаться рабочее движение, Ленин со своими сторонниками оказался к рабочим ближе других и первый стал провозглашать чисто революционные лозунги... По существу все элементы, которые готовы с последовательностью проводить в жизнь революционные лозунги, сосредоточились вокруг Ленина и его предприятий».

Документы и письма этого периода, выявленные в фондах ЦГИАМ, часто использовались в работах советских историков. Но только поступившие из Польши материалы краковско-поропинского архива — подлинные партийные документы — дали возможность проверить многие извлеченные из полицейских архивов сведения, дополнив их новыми ценными фактами. Однако в ЦГИАМ продолжались тщательные розыски ленинских документов.

Энтузиастом этого дела явился бывший руководитель ЦГИАМ Степан Тарасович Беляков.

Предпринятое сравнительно недавно массовое обследование фондов Центрального государственного исторического архива дало плодотворные результаты. Преподаватель одного из сибирских вузов Н. И. Куклин, занимаясь в архиве, обнаружил ценный документ: первое письмо ЦК по организационным вопросам, отправленное из Кракова весной 1912 года и извещавшее о том, что ленинский Центральный Комитет окончательно сконструирован и взялся за работу. Письмо призывало местные организации установить тесную связь с ЦК и требовало немедленного ответа на такой вопрос: «Удобно ли будет выставить в первомайском листке условный лозунг открытого выступления в той или иной форме?..»¹ Были найдены новые сведения о том, какие вопросы обсуждались на заседании ЦК РСДРП, проведенном под руководством Ленина в октябре 1912 года. Во время этого обследования фондов ЦГИАМ нашли еще восемь писем, написанных лично Владимиром Ильичем уже в Кракове. Одно из них, подписанное псевдонимом В. Ильин, было послано Демьяну Бедному:

«...Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из «Правды» и очень обрадованы возвратом», — писал Владимир Ильич и просил поэта рассказать поподробнее о себе и об обстановке, создавшейся в редакции

¹ «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 15.

«после печальных происшествий последних дней»¹. Ленин подразумевал арест редактора «Правды» Н. Н. Батурина в ноябре 1942 года.

Почти все эти письма В. И. Ленина, кому бы они ни были адресованы: самим правдистам, депутатам-большевикам, Русскому бюро ЦК или отдельным литераторам большевистского толка, например В. В. Осинскому, — проникнуты заботой о редакционных делах, укреплении аппарата «Правды», усилении идейной борьбы с противниками марксизма.

В одном из писем в Русское бюро ЦК Владимир Ильич настойчиво расспрашивает о каком-то «прянике». Это, по-видимому, все тот же А. И. Коновалов, лидер либерально-буржуазной партии прогрессистов, заигрывавший с большевиками и даже обещавший предоставить им субсидию на устройство партийного съезда. Но, как видно из этого письма, такие переговоры велись не только с ним. Всячески стремясь подтолкнуть либеральные круги на активное содействие революции, Ленин спрашивает: «Был ли объезд (и обход) богачей для сбора денег?»²

Одно из восьми найденных писем адресовано сестре Анне Ильиничне, работавшей в те годы в Петербурге секретарем, а потом редактором журнала «Просвещение». Письмо это было послано на имя все того же мифического Андрея Николаевича, и Ленин называет сестру «уважаемый коллега». Подлинный редактор теоретического органа партии — Ленин — высказывает свое мнение о присланных ему на отзыв статьях. Как и в письме к правдистам, его отзывы направлены против «мягкосердных путаников из интеллигенции», «пропагандистов гнили».

В ЦГИАМ было найдено и несколько писем Надежды Константиновны Крупской, в которых встречаются такие выражения: «Я бы советовал», «Я бы поднял архискандал». В одном из них Плеханов назван «архипримирицем». Излюбленные ленинские словечки часто начинаются с приставки «архи». Не принадлежат ли некоторые из этих писем перу Владимира Ильича? Над этим вопросом следовало бы поработать источниковедам! Ведь известно, что многие письма Ленина переписывала Н. К. Крупская. В большинстве писем Надежда Константиновна го-

¹ «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 6.

² Там же, стр. 10.

ворит о себе во множественном числе, подчеркивая, что она высказывает не только свое личное мнение. Характерная черта всех этих писем — они дышат бодростью, радостным ощущением, что наконец-то гора сдвинулась, партийная работа стала налаживаться.

«В ближайшем будущем надо ждать всего хорошего. Конечно, многое еще идет не так, как надо, работы еще непочатый угол, но настали уже другие времена»¹, — писала, например, Надежда Константиновна 1 февраля 1913 года сосланному в Архангельскую губернию питерскому рабочему А. Е. Ефимову. А ровно через десять месяцев в письме, посланном в Петербург Русскому бюро ЦК, встречаются такие строки: «Дела, видимо, идут хорошо. Очень рады бодрости и энергии, которая заметна в работе»². 4/7 2/1 1/3 10/4 10/5 10/7 7/13... — целых три строки шифра, которые в департаменте полиции не смогли расшифровать. Такой же нерасшифрованный текст встречается и в другом письме, посланном из Кракова в Петербург по другому адресу, но тоже для Русского бюро ЦК. В этом письме цифры разделены не черточками, а точками.

6.3 11.2 11.1 9.1 5.1 2.1 4.6 8.4 7.4 — эти знаки тоже до сих пор не разгаданы, так как ключ к ним потерян. Их можно было бы прочесть, если бы среди бумаг краковско-поронинского архива нашлись подлинники этих писем.

Из хранящихся в ЦГИАМ материалов дольше других оставалась неисследованной большая коллекция (более 15 тысяч единиц хранения!) вещественных доказательств по судебным делам, возбужденным против редакции газеты «Правда»; ее закрывали восемь раз по постановлениям петербургского комитета по делам печати и приговорам судебной палаты и окружного суда. Из 636 номеров, выпущенных за два с половиной года ее существования, 190 подвергались репрессиям³. Рукописи статей, в напечатании которых усматривались «признаки преступного деяния», в таких случаях подшивались к судебному делу.

В течение многих лет документы из этой коллекции хранились неразобранными, в виде так называемой «россыпи», и поэтому редко изучались исследователями.

¹ «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 2в.

² Там же, стр. 30.

³ См. «Большевистская печать в тисках царской цензуры». Ленинград, 1939, стр. 18.

В 1959 году сотрудники ЦГИАМ приступили к обследованию этого фонда, и С. Т. Беляков обнаружил среди рукописей редакции газеты «Путь правды» семь листков тонкой бумаги, исписанной мелким почерком без помарок. Статья называлась «Система Тейлора — порабощение человека машиной» и была подписана буквами «М. М.». Почерк автора этой статьи был достаточно хорошо знаком сотрудникам архива. Они узнали руку Владимира Ильича. На рукописи была пометка редактора «корпус», свидетельствующая о том, что она была отправлена в набор. Статья эта действительно была опубликована 13 марта 1914 года в газете «Путь правды» и по тексту газеты перепечатана в четвертом издании Сочинений В. И. Ленина. Но рукопись ее была неизвестна потому, что во время обыска в редакции ее изъяли вместе с другими материалами и передали в департамент полиции как вещественное доказательство ярко выраженного революционного направления газеты.

Итак, это всего только находка подлинника уже известной ленинской статьи, которая теперь могла быть напечатана в новом издании Сочинений Ленина с пометкой: «Печатается по тексту газеты «Путь правды», сверенному с рукописью». И тем не менее нельзя делать вывод, что в том же архиве не могут быть найдены и другие, пока не известные исследователям ленинские документы.

Ведь еще сравнительно недавно при споре одного дома в Москве среди щебня и мусора случайно нашли и передали в ЦГИАМ целый архив московского жандармского управления. Среди этих бумаг были обнаружены рукописи из редакционного портфеля большевистской газеты «Вперед», выходившей в Москве в 1907—1909 годах, и несколько разрозненных страниц неизвестной статьи Ленина, написанной как раз в те годы, когда он жил в Кракове.

ЛОГИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Одновременно с розыском рукописей утраченных произведений В. И. Ленина неизвестные его работы выявлялись и другими путями. Например, путем тщательного изучения всех статей и заметок, опубликованных в партийной печати без подписи или под псевдонимами. Внимательно исследуя такие статьи, сотрудники Института марксизма-ленинизма выявили более сорока произведений В. И. Ленина в значительно более короткий срок, чем, например, продолжались розыски краковско-поронинского архива.

В богатейшей библиотеке Института марксизма-ленинизма собраны полные комплекты почти всех журналов и газет, в которых сотрудничал или мог сотрудничать Владимир Ильич. И тем не менее большинство неизвестных работ Ленина было обнаружено не на страницах изданий, ставших библиографической редкостью. Статьи появлялись особенно часто в газетах, доступных и сейчас широкому кругу читателей. Ведь все номера «Искры» и частично дореволюционной «Правды» переизданы в советское время. В одной только «Правде» в 1912—1914 годах было напечатано 284 статьи и заметки В. И. Ленина¹. В это число вошли и те, что были обнаружены за последние годы сотрудниками института и другими исследователями.

Шесть новых статей В. И. Ленина, включенных в пятое издание Сочинений, выявил кандидат исторических наук В. Т. Логинов.

Изучая юбилейный номер «Правды», вышедший 23 апреля 1913 года, в первую годовщину со дня ее осно-

¹ См. «Вопросы истории СССР», 1962, № 5, стр. 13.

вания, Логинов пришел к выводу, что в этом номере кроме статьи «Нечто об итогах и фактах», подписанной псевдонимом «К. П.», опубликована еще одна статья Владимира Ильича, озаглавленная «Годовщина «Правды» (Рабочая поддержка рабочей газеты)», но без подписи.

«Стоят ли российские передовые рабочие в своей массе на стороне «Правды?» — задавая этот вопрос в статье «Нечто об итогах и фактах», В. И. Ленин тут же приводит убедительные цифры денежных сборов, проведенных рабочими читателями «Правды». Эту же тему затрагивает и автор статьи «Годовщина «Правды»», когда говорит об успехах «Правды» в первый год ее существования, при этом ссылается он на две свои статьи, опубликованные в «Правде» в 1912 году за подписями «Статистик» и «Ст.». А ведь они были написаны Владимиром Ильичем¹. Сделанный В. Т. Логиновым вывод подкрепляется и сравнением текста статьи «Годовщина «Правды»» с другими ленинскими работами.

Доводы, приведенные исследователем, были признаны убедительными, и почти через полстолетия, в 48-ю годовщину «Правды», юбилейная статья была снова напечатана в той же газете уже как произведение В. И. Ленина.

Интересна логика доказательств, с помощью которых В. Т. Логинов обосновал принадлежность перу В. И. Ленина и ряда других безыменных материалов, опубликованных в «Правде» в декабре 1913 года.

Именно в те дни в Лондоне проходила сессия Международного социалистического бюро, на которой была принята предложенная Каутским лицемерная резолюция «в целях достижения единства» организовать «общий обмен мнений» между «фракциями рабочего движения в России». Этот обмен мнений, как известно, и состоялся потом в Брюсселе.

Настойчивое стремление заправил II Интернационала навязать большевикам примирение с ликвидаторами побудило Ленина опубликовать в «Правде» целую серию статей, разъясняющих позицию партии в этом вопросе. Изучая эти статьи, появившиеся в газете без подписи, В. Т. Логинов сопоставил их содержание с некоторыми сведениями, почерпнутыми им из документов краковско-поронинского архива.

¹ «Итоги полугодовой работы» (№ 80), «Рабочие и «Правда»» (№ 103).

В переписке, полученной институтом еще в 1933 году, было большое письмо Ленина от 2(15) декабря 1913 года в редакцию «Правды», не предназначенное для печати. В нем Владимир Ильич давал оценку принятому в Лондоне решению и разъяснял редакции, какие шаги следует предпринять «на случай, если ликвидаторы выступили с каким-нибудь глупым ликованием»¹. Редактор газеты М. А. Савельев тогда же написал статью «Интернационал и вопрос о единстве»², повторявшую основные мысли ленинского письма. Вслед за этим письмом Ленин прислал из Кракова несколько статей с резкой критикой объединительной затее оппортунистов из II Интернационала. Все статьи были помещены в «Правде» как редакционные, без подписи. Однако В. Т. Логинов считает, что далеко не все статьи, написанные Владимиром Ильичем в те дни, вошли потом в собрание его Сочинений. Некоторым работам Ленина до сих пор не возвращено имя их автора.

В хранившихся в краковско-поронинском архиве письмах «Папаши» — Максима Максимовича Литвинова, присутствовавшего на Лондонской сессии Бюро в качестве представителя ЦК РСДРП, В. Т. Логинов нашел убедительные указания на то, что еще три статьи, появившиеся в «Правде» в декабре 1913 года, были написаны В. И. Лениным.

Внимание исследователя привлекло также письмо Владимира Ильича в редакцию «Правды» из Кракова. Ленин сообщал, что «завтра (или в крайнем случае послезавтра)» он, наверное, получит подробное письменное сообщение из Лондона, где заседало МСБ, и тотчас же напишет в «Правду»³. Обещанного Лениным письма не оказалось ни в архиве института, ни среди новых материалов, полученных из Польши. Однако из этого вовсе не следует, что Ленин не сдержал слова.

Обещая написать о принятых в Лондоне решениях «в крайнем случае послезавтра», Ленин вряд ли подразумевал передовицу «Хорошая резолюция и плохая речь». Эта статья о неудачном выступлении Каутского на сессии Бюро появилась в «Правде» лишь 15 декабря, то есть через двенадцать дней после упомянутого письма.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 19, стр. 467.

² «Пролетарская правда», 1913, № 1, 7 декабря.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3165.

Кто же в таком случае был автором двух статей: «Русские рабочие и Интернационал» и «Как обманывают рабочих ликвидаторы», напечатанных в «Правде» раньше этой даты? Ведь по содержанию эти статьи связаны непосредственно с Лондонской сессией. И обе они появились в «Правде» — одна 8 декабря, другая спустя два дня, без подписи. В материалах Центрального партийного архива не было никаких указаний, что эти статьи написаны Лениным. Значит, указания надо искать в самом тексте статей или других работ, появившихся в те дни. По этому пути и пошел исследователь.

Перечитывая появившуюся в «Правде» в середине декабря статью В. И. Ленина «О недопустимой ошибке Каутского», В. Т. Логинов обратил внимание на фразу, начинавшуюся так: «Потому-то мы и призывали товарищей-рабочих...»¹ Владимир Ильич объяснял в этой статье, почему он призывал рабочих «как можно энергичнее ответить на призыв Международного бюро к выяснению разногласий марксистов и ликвидаторов»².

Именно таким обращением и заканчивалась напечатанная без подписи неделей раньше статья «Русские рабочие и Интернационал». Жирным шрифтом было набрано:

«Товарищи! Обсуждайте поставленный важный вопрос, выносите свои решения и сообщайте их вашей газете «Пролетарской Правде». К вашему голосу прислушаются сознательные рабочие всех стран»³.

Статья «Русские рабочие и Интернационал» содержала ряд принципиальных положений, которые повторились в опубликованных позже статьях В. И. Ленина и были изложены характерным для него литературным слогом. Условия достижения единства сформулированы с ленинской твердостью и четкостью. Именно эта статья вызвала в ликвидаторской печати злобные выпады против позиций большевиков и лично против Ленина. На эти выпады он ответил в конце декабря статьей «Еще раз о Международном социалистическом бюро», в которой опять напоминал о призыве к рабочим «высказать свое мнение по пунктам расхождения». В. Т. Логинов сделал вывод, что Лениным же был написан важный партийный документ — «Резолюция о решении социалистического бюро», опубликован-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 19, стр. 496.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 24, стр. 204.

ная в «Правде» 17 декабря 1913 года за подписью «Группа организованных марксистов».

Исследователь установил, что важнейший пункт этой резолюции — «условия единства», выдвинутые большевистской партией, — почти дословно взят из статьи «Русские рабочие и Интернационал».

Ленин как-то писал Горькому, что газеты из Питера приходят в Краков па третий день¹. Значит, номер «Правды», в котором была напечатана эта резолюция, мог быть получен в Галиции не раньше 19 декабря. Ленин же мог сослаться на эту резолюцию в печати уже 19 декабря только потому, что был ее автором.

Продолжая свои изыскания, Логинов установил, что напечатанная в «Правде» 10 декабря 1913 года безымянная статья «Как обманывают рабочих ликвидаторы» также написана Владимиром Ильичем. По своей теме она тесно примыкает к серии статей, посвященных сессии Международного социалистического бюро.

Ключом к разгадке послужила такая фраза: «Мы отметили это в № 1 нашей газеты».

Читатель отсылается этой фразой к статье И. Ветрова (М. А. Савельева) «Итернационал и вопросы единства», появившейся в «Правде» 7 декабря. Но вытекает ли отсюда, что «мы» — это и есть Ветров и что статья «Как обманывают рабочих ликвидаторы» написана тоже им? Логинов сумел опровергнуть такое, казалось бы, логичное предположение. Он напомнил, что в основу этой статьи Савельева легло присланное Лениным в «Правду» инструктивное письмо. Некоторые строки из него были дословно перенесены в текст статьи, и Ленин имел, таким образом, все основания ссылаться на нее. К тому же статья «Как обманывают рабочих ликвидаторы» была написана не свойственным Ветрову языком.

Статья «Как обманывают рабочих ликвидаторы» тоже вошла в пятое издание Сочинений В. И. Ленина. Но в процессе работы над книгой «Ленин и «Правда»» у исследователя возникло предположение, не принадлежит ли перу Ленина еще одна работа, напечатанная в те дни в «Правде»? По мнению Логинова, первая же статья, которую после открытия Лондонской сессии прислал в редакцию через Краков представитель РСДРП на этой сессии

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 30.

М. М. Литвинов, в действительности была написана не им, а Владимиром Ильичем. Но ведь под большой корреспонденцией «Русские дела в Международном Соцбюро», появившейся в «Правде» 8 декабря, стоит подпись Литвинова! Это, должно быть, и была та самая корреспонденция, о которой Ленин писал в своем письме 3 декабря. «Завтра (или в крайнем случае послезавтра), наверное, получу подробное письменное сообщение из Лондона»¹.

В материалах, поступивших из Польши, оказался подлинник этого сообщения, отправленного из Лондона вечером 1-го или 2 декабря и полученного в Кракове не позже 4 декабря. Учитывая, что краковские письма доставлялись в Петербург на третий день, Логинов допускает, что корреспонденция из Лондона могла появиться в газете уже 8 декабря. Но, сравнивая текст этой корреспонденции со статьей «Русские дела в Международном Соцбюро», появившейся в этот день в «Правде», исследователь все же приходит к выводу, что она написана не Литвиновым.

В своей первой корреспонденции из Лондона Литвинов сообщает, что русские дела на сессии Бюро рассматривались перед самым концом заседания. Торопясь передать Ленину подробности прений, Литвинов написал свою корреспонденцию наспех, только для того, чтобы информировать Владимира Ильича. Поэтому он и добавил в конце: «Корреспонденцию в «Правду» о сегодняшнем заседании... напишите лучше сами»². В следующем своем письме Ленину, также написанном второпях, Литвинов говорит прямо: «Если нужна моя подпись под корреспонденцией в «Правду», подпишите (Литвинов)»³.

В. Т. Логинов делает отсюда вывод, что корреспонденция «Русские дела в Международном Соцбюро», вероятнее всего, была написана самим Владимиром Ильичем по присланным Литвиновым материалам. Внимательно следивший за ходом событий, Ленин, по мнению исследователя, не мог молчать в дни, когда, подогреваемая лондонскими решениями, борьба с ликвидаторами вспыхивала с новой силой. Свое обещание правдистам — «тогда я напишу вам тотчас же» — Владимир Ильич сдержал, прислав в редакцию статью, подписанную с ведома Литвинова его именем.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3165.

² «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 15.

³ Там же, стр. 16.

Исследователь считает, что «безыменные» статьи В. И. Ленина, появившиеся на страницах «Правды», до сих пор полностью не выявлены, в частности не ознаны некоторые статьи, опубликованные во время широкой агитационной кампании, развернутой газетой в те дни, когда в Думе впервые в ее истории была создана самостоятельная большевистская фракция. Именно Ленин был автором известного заявления большевистской «шестерки» об образовании фракции, опубликованного в «Правде» 18 октября 1913 года, и именно в этом номере была помещена безыменная статья с неброским заглавием: «Некоторые цифры по поводу сд. фракции». Заявление «шестерки» подкреплялось убедительным цифровым материалом, наглядно подтверждавшим, «с кем и куда идут рабочие».

В. Т. Логинов сравнил эту статью с известной работой В. И. Ленина «Материалы к вопросу о борьбе внутри сд. думской фракции», опубликованной в той же «Правде» спустя десять дней, и обнаружил, что Владимир Ильич целиком привел в «Материалах» большую таблицу из статьи «Некоторые цифры», а также полностью повторил и сделанные из этой таблицы выводы. В обеих статьях оказалось также много текстуальных совпадений, вполне объяснимых лишь в том случае, если их автором был Ленин!

Текстуальные совпадения по основным принципиальным вопросам с известными ленинскими работами¹ обнаружил исследователь и в статье «Выборы и партии», напечатанной в «Правде» в разгар избирательной кампании, 22 мая 1912 года, и подписанной инициалами «П. П.». Этими же инициалами подписана принадлежащая перу Ленина большая работа «Трудовики и рабочая демократия», опубликованная в двух номерах той же «Правды».

Напрашивается вывод: статья «Выборы и партии» написана В. И. Лениным.

Такое же предположение возникло у Логинова и относительно небольшой заметки «Вопрос (письмо в редакцию)», появившейся в «Правде» 26 февраля 1913 года и посвященной причинам разногласий в думской фракции.

Ценные находки сделала и источниковед А. М. Володарская.

¹ «Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии», «Политические партии в России», «Некоторые итоги предвыборной мобилизации».

Изучая некоторые рукописи В. И. Ленина, хранившиеся в Институте марксизма-ленинизма, она заинтересовалась небольшой цифровой таблицей, составленной Владимиром Ильичем по материалам одного статистического сборника, изданного в 1913 году в Петербурге¹. Таблицу Ленин озаглавил «Народные школы в СПб учебном округе (18. I. 1911)».

Судя по сделанным Владимиром Ильичем выпискам, он собирал сведения о материальном положении и уровне образования учителей начальных школ в городах и деревнях. Но Ленин интересовал также условия работы учителей этих школ, достаточно ли светлы и просторны школьные помещения. И он, конечно, не пренебрегал сведениями, наглядно подтверждавшими, что эти помещения были темными и тесными.

Зачем понадобилась Ленину эта табличка? В какой его статье, газетной или журнальной, были использованы приведенные в ней цифры?

В поисках ответа на эти вопросы А. М. Володарская просмотрела все статьи о народном образовании, когда-либо написанные Владимиром Ильичем, но этих цифр не обнаружила. Удалось выяснить только, что некоторые другие сведения, взятые из того же сборника, Ленин привел в статье «Национальный состав учащихся в русских школах», напечатанной в «Правде» 14 декабря 1913 года, и в своих известных «Критических заметках по национальному вопросу», появившихся в том же году в трех номерах журнала «Просвещение».

Однако Ленин мог использовать подобранный им цифровой материал о положении учителей и в какой-нибудь из тех своих статей, которые были помещены в «Правде» без подписи или подписаны до сих пор не раскрытым псевдонимом. И по этим цифрам или еще каким-нибудь признакам, быть может, и удалось бы выявить эту статью...

Особенно тщательно просмотрела А. М. Володарская все статьи, которые появились в «Правде» в связи с I Всероссийским съездом по народному образованию, состоявшимся в Петербурге в конце 1913 года. Среди делегатов этого съезда преобладали народные учителя, и большевистская печать уделяла ему много внимания. Ведь эта часть

¹ «Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г.», вып. 1, С.-Петербургский учебный округ. Спб., 1913.

Handwritten title: *Handwritten text at the top of the page, possibly a title or date.*

Handwritten notes above the table: *Handwritten notes above the table, possibly identifying the source or context.*

Handwritten label	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
<i>Handwritten label</i>	112	9	169	878	2758	11,771	4830	1, 16	7	1	67	871	716	224	2155	1074				
<i>Handwritten label</i>	128	16	218	339	2671	1071	972	3, 11	8	16	207	287	452	639	1177	20				
<i>Handwritten label</i>	177	52	232	279	1702	2782	11930	2, 19	8	1	50	8	312	302	2192	17				
<i>Handwritten label</i>	211	100	205	438	2000	1000	2150	2, 10	9	15	356	871	393	374	2600	17				
<i>Handwritten label</i>	22	2	43	51	149	177	1025	2, 11	6	-	37	37	230	267	1194	13				
<i>Handwritten label</i>	226	110	1200	2800	1120	1511	21, 125	1, 2	3	11	59	70	237	301	1102	11				

Руконись таблицы, которая помогла исследователям разыскать статью В. И. Ленина «Нищета народных учителей».

трудовой интеллигенции выпала из гущи народа и была связана с ним особенно тесными узами.

Предположение подтвердилось. Задолго до начала съезда, еще 4 декабря 1913 года, в «Правде» появилась без подписи небольшая статья под заглавием «Нищета народных учителей»¹, в которой были приведены некоторые цифры из составленной Лениным таблички.

«По такому жгучему вопросу, как нищета народных учителей,— писал неизвестный автор,— важно знать правду. Важно знать, сколько именно учителей и учительниц получают отчаянно низкую, самую низкую, очень низкую, вообще низкую и т. д. плату»². После такого вступления были приведены подкреплявшие эти слова цифры из ленинской таблицы.

Автор статьи обращал внимание читателей на то, что составитель сборника, известный либеральный статистик В. И. Покровский, постарался «прикрыть неприятную правду». Поэтому он привел только средние размеры жалованья учителей и учительниц по губерниям одного учебного округа и по разрядам школ. «Но тому, кто хочет знать правду, интересно не то, в какой губернии и в каком разряде школ голодают учителя, а то, сколько учителей голодают и бедствуют»,— говорилось в статье. Умело пользуясь «казенно выхолощенными» и «казенно приглаженными» цифрами, автор статьи доказывал, что учительницы получают нищенскую плату. Статья заканчивалась выводом: «Российское государство тратит сотни миллионов на содержание чиновничества, полицию, военные расходы и т. д., а учителей в народных школах оно осуждает на голодание. Буржуазия «сочувствует» народному образованию, но под условием, чтобы учащие жили хуже прислуги в барских и богатых домах»³.

Все содержание и построение статьи, ее обличительная сила, умение автора читать между строк официальных статистических отчетов убеждали, что «Нищета народных учителей» была написана Лениным.

Интересен текстологический анализ, с помощью которого А. М. Володарская доказала, что статья «Нищета народных учителей» была действительно написана Владимиром Ильичем.

¹ См. «За правду», 1913, № 51, 4 декабря.

² «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

«Издан этот том министерством народного — извините — просвещения», — язвительно замечает автор в начале статьи.

Исследовательница вспомнила, что написанный В. И. Лениным для депутата Бадаева проект речи о политике министерства народного просвещения начинается почти так же:

«Наше министерство народного, извините за выражение, «просвещения» чрезвычайно похвально тем, что расходы его растут особенно быстро»¹.

Судя по стенограмме этой речи, напечатанной в отчетах Государственной думы, Бадаев в начале своего выступления не очень точно придерживался текста ленинского проекта, и слова «извините за выражение» не были им произнесены. Но Ленин восстановил потом этот насмешливый оттенок в первых же строках статьи «Нищета народных учителей».

В этой же речи Бадаева, написанной Лениным, было и такое место: «О да, Россия не только бедна, она — нищая, когда идет речь о народном образовании. Зато Россия очень «богата» расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на войско, на аренды и десятитысячные жалования помещикам...

Россия бедна, когда идет речь о жалованье народным учителям»².

Эта же мысль была высказана и в конце статьи «Нищета народных учителей».

А. М. Володарская обнаружила в этой статье текстальные совпадения не только с проектом речи, подготовленным Лениным, но также и с тремя его статьями, появившимися в «Правде»³, в которых Владимир Ильич, как и автор «Нищеты», возмущался фокусами казенных статистиков, а также перьяшливостью и чиновничьим характером их работы.

Кроме «Нищеты народных учителей» А. М. Володарская нашла в «Правде» статью «О наших школах», содержащую сведения из составленной Лениным таблицы. Эта небольшая статья, напечатанная в газете 18 декабря,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 19, стр. 113.

² Там же, стр. 116—117.

³ «Национальный состав учащихся в русской школе», «Капиталистический строй современного земледелия», «Мобилизация падельных земель».

была целиком построена на ленинских выписках. Доводы, подтверждающие авторство Ленина, есть и в самом тексте статьи. В двух местах говорится о том, что автор пользовался данными об образовательном цензе учителей и учительниц, не считая законоучителей, то есть священников, преподававших в школах так называемый «закон божий». Ленин, конечно, не мог приравнять служителей культа к народным учителям, и в составленной им таблице под рубрикой «число учащихся» ясно видна надпись: «Помимо законоучителей».

Но не мог ли этой табличкой воспользоваться другой автор? В этот же период в «Правде» и в журнале «Просвещение» по вопросам народного образования часто писала Н. К. Крупская¹.

Такое предположение убедительно опровергается сопоставлением текста статьи «О наших школах» со всеми другими статьями по вопросам народного образования, появившимися в большевистской печати, а также с напечатанными в «Правде» работами Владимира Ильича².

¹ См. «Пролетарская правда», 1913, № 3, 14, 15 и 16; «Просвещение», 1913, № 11, 1914, № 1.

² «Рабочий день и рабочий год в Московской губернии», «В Англии».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА

Эта история, строго говоря, не имеет прямого отношения к поискам утраченных ленинских рукописей. Письмо, о котором пойдет речь, не относится к тому времени, когда, по словам Надежды Константиновны, ее переписка с Владимиром Ильичем «вела почти исключительно химией и все письма приходилось уничтожать тотчас же по прочтении»¹.

Уничтожать письма Владимира Ильича, ожидаемые всегда с таким нетерпением, побуждала забота о его безопасности, об успехе дела, которому они оба отдавали свои помыслы и силы.

Единственное личное письмо Владимира Ильича, сохраненное Надеждой Константиновной, было написано уже после Октябрьской революции (оно датировано 9 июля 1919 года) и получено ею во время поездки по Волге на агитационном пароходе «Красная звезда».

История этого уцелевшего письма очень любопытна. Восстановлена она во всех подробностях благодаря одной случайной находке.

В 1960 году научный сотрудник отдела рукописей Института мировой литературы имени Горького А. П. Антоненкова среди материалов, переданных этому институту в 1936 году ОГИЗом, обнаружила тот самый дневник Н. К. Крупской, который она вела летом 1919 года во время рейса парохода «Красная звезда»². Эта находка повлекла за собой новые розыски, предпринятые по

¹ См. *В. И. Ленин. Письма родным*. ГИЗ. М., 1931, стр. 425.

² См. «Новый мир», 1960, № 7, стр. 113.

поручению редакции журнала «Новый мир» писателем Е. Герасимовым и неожиданно увенчавшиеся успехом.

Пароход «Красная звезда» отправился в рейс по Волге и Каме в начале июля 1919 года по прямому заданию Ленина. Находившаяся на его борту агитационно-инструкторская группа ВЦИК и ЦК РКП(б), в состав которой входила и Надежда Константиновна, должна была выяснить, в чем нуждаются жители только что освобожденных Красной Армией районов, собрать сведения об отношении населения к Советской власти, провести по пути беседы и митинги, снабдить книгами и культтоварами войсковые части, клубы, избы-читальни и школы.

Придавая большое значение всем этим мероприятиям, Владимир Ильич перед отъездом Надежды Константиновны до поздней ночи обсуждал с ней все подробности намеченного плана. По его совету она и стала вести дневник во время этой поездки, записывая все, что могло интересовать Владимира Ильича. Незадолго перед этим Надежда Константиновна перенесла тяжелую болезнь, и поэтому Ленин просил ее не переутомляться, соблюдать предписанный врачом режим. Но еще до отплытия парохода, в дни его стоянки в Нижнем Новгороде, столько людей обращалось за помощью и советом именно к ней, как к ближайшей помощнице и жене Ленина, что она вскоре позабыла о предостережении врачей, и в самом начале рейса с ней случился сердечный приступ.

Едва оправившись, Надежда Константиновна сразу же написала подробное письмо Владимиру Ильичу о самых неотложных делах и нуждах обращающихся к ней людей. Письмо это было вручено молодому пареньку Исааку Урецкому, заведовавшему на пароходе книжным магазином и складом. Он и должен был доставить конверт в Москву и передать лично Ленину с приветом от Надежды Константиновны. Паренек в прохудившихся ботинках с веревочками вместо шнурков, но с внушительным мандатом в нагрудном кармане гимнастерки и с драгоценным пакетом в неказистом портфельчике перешел на ближайшей остановке на встречный пароход и без всяких помех добрался до Нижнего. Здесь он пересел в скорый поезд и на следующий день уже стоял перед окошком проходной будки у Троицких ворот Кремля. Тут Урецкому предложили сдать пакет, но паренек засунул его обратно в портфель и стал доказывать, что ему необходимо увидеть

Ленина лично, потому что кроме письма он должен передать еще привет от Надежды Константиновны. Из будки позвонили в комендатуру, и оттуда вскоре пришел военный, проводивший Урецкого в Кремль.

В приемной Владимира Ильича пареньку все же пришлось расстаться с письмом. Секретарь Ленина Фотиева взяла его и унесла. Но вскоре она вернулась и пригласила Урецкого пройти в кабинет Владимира Ильича. Еще в вагоне, по пути в Москву, паренек выучил наизусть придуманные им слова приветствия, но он так и не успел их произнести, потому что Владимир Ильич поторопился выйти навстречу и первый поздоровался с ним у самых дверей. Ленин тут же усадил Урецкого на диван и, сев рядом с ним, забросал его вопросами о рейсе «Красной звезды», о настроении и условиях жизни участников поездки и затем вдруг, понизив голос, как будто собираясь выведать у него какой-то важный секрет, стал расспрашивать своего собеседника, как он относится к Максиму Горькому и, в частности, как смотрит на такой вопрос, не пригласить ли и Горького на пароход, найдет ли Алексей Максимович там подходящие условия для отдыха, в котором очень нуждается. Смущенный тем, что сам Ленин спрашивает у него совета, Урецкий поспешил заверить, что все необходимое для отдыха любимого писателя будет, конечно, сделано.

Во время этой беседы, длившейся около часа, Ленин заставил Урецкого рассказать кое-что и о себе и вписал в его записную книжку свои телефоны. По одному из них Урецкий должен был позвонить перед отъездом на тот случай, если Владимир Ильич захочет дать ему какие-нибудь поручения. На другой день, получая в Секретариате ВЦИК железнодорожный билет до Казани — куда вскоре должна была прибыть «Красная звезда», — Урецкий там же получил и то самое «единственное» сбереженное Надеждой Константиновной письмо Владимира Ильича, которое теперь опубликовано в 37-м томе его Сочинений.

«Дорогая Надюша. Очень рад был получить от тебя весть», — пишет Владимир Ильич и тут же сообщает о своем намерении привлечь к участию в поездке по Волге и Максима Горького.

«...Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с

Горьким. Он — парень очень милый; капризничает немного, но это ведь мелочь»¹.

Ленин сообщал также, что просьбы о помощи, с которыми обращались к Надежде Константиновне, он старается по мере возможности удовлетворить.

«Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще, — заканчивает Владимир Ильич свое письмо и в конце его повторяет: — ...Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь вполне работоспособна»².

Прежде чем отправить это письмо, Ленин дал в Казань телеграмму: «Письмо твое от Урецкого получил и с ним отправил ответ»³.

Вернувшись в Москву, Надежда Константиновна познакомилась Владимира Ильича со своим дневником, заполненным полученными во время поездки сведениями и впечатлениями. Ленин высказал тогда мнение, что этот дневник следовало бы издать. Но это намерение не было осуществлено из-за того, что записи, по словам Надежды Константиновны, куда-то запропастились, и она смогла опубликовать из них только несколько страничек, восстановленных по черновикам.

Писатель Е. Герасимов, решивший после находки дневника повторить рейс «Красной звезды», поставил себе целебную задачу — спустя сорок лет найти людей, упоминаемых в дневнике Надежды Константиновны.

История полученного Надеждой Константиновной письма Ленина, вероятно, так и осталась бы непроясненной, если бы писателю незадолго до его отъезда на Волгу не попалась на глаза заметка в воскресном приложении к газете «Известия». В ней сообщалось, что упоминаемый в телеграмме Ленина к Крупской Урецкий живет в Москве. Писатель тут же отправился по указанному в заметке адресу.

Пожилой человек, с которым он в этот день познакомился, действительно оказался Исааком Захаровичем Урецким, заведовавшим на пароходе «Красная звезда» книжным магазином. Он и рассказал писателю все подробности, с которыми связана история пересылки интересующего нас письма Ленина.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 454.

² Там же.

³ Там же, стр. 455.

Но, утверждая, что она сберегла только это письмо Владимира Ильича, Надежда Константиновна сама не знала, что в ее бумагах хранилось еще одно его личное письмо, полученное во время того же двухмесячного рейса парохода «Красная звезда». Оно было обнаружено уже после ее смерти. Письмо это было послано Лениным неделей позже и адресовано в Пермь. Владимиру Ильичу стало известно о приступе сердечной болезни, скрытом от него Надеждой Константиновной в первом письме, и он сделал из этого вывод, что она работает «не в меру».

«Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько. Иначе не будешь работоспособна к зиме! Не забывай этого!» — повторяет он свои советы и в этом же письме передает новости, которые должны были ободрить Надежду Константиновну, придать ей новые силы: «На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбургa. На юге — перелом, но еще нет серьезной перемены к лучшему. Надеемся, будет»¹.

Горький, видимо, «закапризничал». Владимир Ильич сообщает, что не удалось уговорить его отдохнуть, «хотя уговаривал усердно».

Зная, что Надежда Константиновна беспокоится о его здоровье, не пренебрегает ли Владимир Ильич своим отдыхом, он спешит добавить, что провел два дня в Горках с сестрой и братом: «Липы цветут. Отдохнули хорошо».

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 37, стр. 456.

ИСКАТЬ, И СНОВА ИСКАТЬ

В этой книге рассказана история розыска лишь некоторых утраченных рукописей В. И. Ленина. Но есть и другие интересные находки и открытия неутомимых исследователей и собирателей богатейшего ленинского литературного наследия, о которых можно было бы рассказать. Найденные работы В. И. Ленина составили целые тома, и все же поиски нельзя считать законченными. Неизвестные рукописи Владимира Ильича еще могут быть найдены как в Советском Союзе, так и за границей. Хранилища Института марксизма-ленинизма нередко пополняются ценнейшими ленинскими работами, о которых никому не было известно. Например, в 1940 году была случайно найдена рукопись, пролежавшая тридцать пять лет между страниц библиотечной книги! А ведь это была важнейшая статья В. И. Ленина «Наши задачи и совет рабочих депутатов», написанная в начале ноября 1905 года в форме письма в редакцию газеты «Новая жизнь», — статья, в которой Ленин впервые указал на значение Советов как органов восстания и зачатков новой, революционной власти. Владимир Ильич написал ее в Стокгольме по дороге из Франции в Россию. Статья не была опубликована, видимо, потому, что некоторые редакторы «Новой жизни» не разделяли взглядов автора. Кто-то из них положил рукопись в книгу петербургской Публичной библиотеки (ныне библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), где ее нашел случайно один читатель.

Еще дольше, шестьдесят с лишним лет, пролежал в бумагах Государственного исторического архива Ленинградской области такой документ:

«Его высокоородию господину прокурору СПб Окружного суда

Помощника прис/яжного/ пов/еренного/
Владимира Ульянова /камера № 193/

Прошение

Имею честь просить о передаче сестре моей Анне Ильиничне Елизаровой прилагаемых при этом

- 1) Письма,
- 2) Рукописи № 1 («Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни») и
- 3) Рукописи № 2 («Очерки политической экономии начала XIX века»).

Пом/ощник/ прис/яжного/ пов/еренного/

В. Ульянов

СПБ 2 дек/абра/ 1896»¹.

На прошении тюремный цензор наложил резолюцию: «Рукописи просмотрены. Выдать. 14/XII к наряду». А в правом верхнем углу рукой Анны Ильиничны написано: «Обе рукописи получила, Анна Елизарова».

Благодаря этой находке выяснился неизвестный прежде факт — наряду со статьей «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», опубликованной в 1-м томе Сочинений В. И. Ленина, Владимиром Ильичем была написана и работа «Очерки политической экономии начала XIX века». Рукопись до сих пор не разыскана.

Задолго до первой мировой войны в Швейцарию из сибирской ссылки бежал социал-демократ, большевик Григорий Львович Шкловский. Он часто встречался там с Лениным и много лет переписывался с ним. Но далеко не все письма Владимира Ильича к нему уцелели. «Погибли они, — по словам Шкловского, — не от руки царских жандармов, а от не менее гаденьких рук полиции и прокуратуры «демократической» и «свободолюбивой» Швейцарии». Гаденькие руки перерыли бумаги Шкловского, после того как летом 1914 года почтальон принес ему телеграмму из Поронина. Ленин предлагал секретарю бернской секции заграничной организации РСДРП вместе с парижскими большевиками немедленно наладить выпуск листовок против войны.

¹ «Неделя», 1962, № 3.

Особенно много писем В. И. Ленина пропало в ноябре 1918 года, когда Шкловский был выслан из Швейцарии и в его квартире три дня хозяйничали сыщики.

Институт марксизма-ленинизма настойчиво разыскивал ленинские документы и за границей, и совсем недавно, в сентябре 1962 года, представитель института Л. К. Виноградов сообщил историкам и архивистам, собравшимся в редакции «Недели», о том, что в Швейцарии найдено около сорока ленинских документов, в том числе и письма к Г. Л. Шкловскому. В этих письмах много ценных сведений о неутомимой борьбе Ленина против социал-шовинистов и подготовке Циммервальдской конференции. Одно из писем к Шкловскому нашлось не в Швейцарии, а в Берлине. Его помог разыскать Институт марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии.

В иных случаях поиски ленинских работ продолжают даже тогда, когда известно, что рукопись уничтожена по требованию самого Владимира Ильича. «*Никто не должен знать, где и кем издано. Все черняки сжечь!!*»¹ — писал Ленин В. А. Карпинскому, посылая в Женеву для переиздания манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». «Не забудьте, пожалуйста, *всю* нашу переписку уничтожить»², — внушал Владимир Ильич и С. Н. Равич, жене Карпинского, помогавшей выпускать «Листок циммервальдской левой». Слово «*всю*» подчеркнуто. Черновики сжигались, но сами письма ведь могли уцелеть у адресатов.

Иногда вслед за находкой рукописи удается найти и связанную с ней переписку. Еще в Поронине по просьбе редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат Ленин начал писать статью о Марксе. Она появилась в 28-м томе словаря в сильно урезанном виде. По цензурным соображениям были изъяты целые главы («Тактика классовой борьбы» и «Социализм»), «без чего Маркс не есть Маркс»³.

Вскоре после Октябрьской революции ленинская работа о Марксе была издана отдельной брошюрой, но опять-таки без изъятых глав. «К сожалению, я лишен возмож-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 117.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 380.

³ Там же, стр. 278.

ности воспроизвести здесь этот конец, ибо черновик остался где-то в моих бумагах в Кракове или в Швейцарии»¹, — сообщил в предисловии В. И. Ленин.

Пробел удалось восстановить в 1923 году, когда нашли подлинник статьи, который Владимир Ильич послал в редакцию Гранат вместе с письмом. Стало известно, что Ленин не раз писал секретарю редакции словаря. Но где же эти письма?

Они нашлись совершенно неожиданно. В декабре 1949 года сотрудница библиотеки Московского университета Ц. П. Алюпова, перелистывая тоненькую брошюру в серой обложке из серии «Обществоведение», чтобы написать новую карточку для каталога, обнаружила между страниц несколько листков испанской бумаги. То были адресованные секретарю редакции словаря Гранат три письма В. Ильина и написанная тем же почерком открытка из Швейцарии. На ней стояло имя отправителя: «В. И. Ульянов».

Как же попали письма Владимира Ильича в книгохранилище Московского университета?

В 1940 году, после смерти одного из братьев Гранат, его библиотеку передали университету. В числе переданных книг оказалась и эта брошюра с ленинскими письмами.

Читатель познакомился с историей некоторых рукописей, хранившихся в Швейцарии в «чемодане Фрея», в поронинско-краковском архиве. Но интересна и судьба других ленинских архивов: финляндского (на даче «Ваза»), стокгольмского, парижского.

Трудно представить себе, что ленинские документы и после Октября могли быть утрачены! И все же такие случаи были. Летом 1918 года, когда к Петрограду приближались немецкие войска, часть архива из кабинета В. И. Ленина в Смольном была эвакуирована на Урал. Дорожный ящик спрятали в Екатеринбурге, но там он попал в руки захвативших город белогвардейцев из частей генерала Гайды. Судьба этих документов неизвестна.

Прошло около сорока лет с того дня, когда ЦК РКП(б) предложил членам партии передать в Институт Ленина хранящиеся у них ленинские документы. Но такие документы продолжают поступать до сих пор.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 29.

В одной из предыдущих глав говорилось об известном искровце Иване Ивановиче Радченко. Он выполнял ряд важных заданий Ленина и в послеоктябрьский период, но в 1937 году был оклеветан и незаконно репрессирован. Была лишена свободы также и его жена, Алиса Ивановна.

Единственный сын Радченко, Алексей, попытался спасти отцовский архив, вывез его из московской квартиры и запрятал под полом на даче в поселке Челюскинская.

Во время Великой Отечественной войны Алексей Радченко погиб на фронте. Алиса Ивановна после XX съезда КПСС была реабилитирована и возвратилась в Москву. Осматривая свою дачу, она решила заменить сгнившие половицы. В образовавшейся под полом луже лежал какой-то большой сверток. Это были остатки личного архива Ивана Ивановича Радченко. Верхние листы отсырели и сгнили. Остальные Алиса Ивановна просушила и нашла среди них несколько неопубликованных записок Ленина к ее мужу, относящихся уже к советскому времени, когда Иван Иванович руководил торфяной промышленностью.

А сколько еще не разыскано произведений В. И. Ленина, писем, телеграмм, напечатанных после Октября в местных и специальных изданиях, давно переставших выходить? Вот каким образом был выявлен текст одного письма Владимира Ильича, написанного в 1921 году.

Молодой инженер-электрик Феликс Корнельевич Межлаук разыскивал литературные работы Валерия Ивановича Межлаука, бывшего заместителя председателя СНК СССР и председателя Госплана, трагически погибшего в 1938 году. Жертвами культа личности Сталина оказались и три брата В. И. Межлаука — Иван, Валентин и Корнелий. В газете «За индустриализацию» от 7 ноября 1932 года Феликс Корнельевич нашел статью одного из них — Ивана Ивановича Межлаука. Статья называлась «Коммунистический вексель» и рассказывала о социалистических обязательствах, которые дали металлурги Донбасса партии и лично В. И. Ленину в день четвертой годовщины Октября — 7 ноября 1921 года.

В статье, в частности, кратко сообщалось о письме Владимира Ильича горнякам Петровских шахт. Это письмо В. И. Ленин передал в 1921 году И. И. Межлауку, возглавлявшему Петровские государственные заводы и рудники в Енакиево.

«...В то время жизнь на заводе и на шахтах еле-еле

теплилась, — рассказывал И. И. Межлаук. — Из пяти доменных печей на заводе кое-как работала только самая маленькая домна «самовар», дававшая не более 100 тонн в сутки». Перелом наступил, когда изменили систему заработной платы, уничтожили уравниловку, стали выдавать больше продуктов.

Приехав в Москву, И. И. Межлаук сообщил Ленину, что в апреле 1921 года производительность труда забойщиков Петровских рудников превысила довоенную. Владимира Ильича это сообщение так обрадовало, что он тут же написал теплое письмо горнякам.

Ф. К. Межлаук узнал, что об этом письме в Институте марксизма-ленинизма нет сведений. Но каким образом могло оно пропасть? В воспоминаниях И. И. Межлаука ничего не говорится о дальнейшей судьбе ленинского письма.

«Не хранилось ли это письмо в личных бумагах Ивана Ивановича, потом бесследно утраченных? — промелькнула тревожная мысль. — Или оно осталось в Донбассе? Но в таком случае его должны были давно передать в Институт марксизма-ленинизма». Инженер продолжал наводить справки. Его внимание однажды привлекла небольшая книжечка Александра Бека «Письмо Ленина». В ней говорилось тоже об одном утраченном письме Владимира Ильича к донецким рабочим, но не к горнякам, а к металлургам. Член Реввоенсовета одной из армий Южного фронта Клявин после окончания гражданской войны назначается директором бездействующего Старо-Петровского комбината. Клявину удается оживить омертвевшее предприятие. Кривая выплавки чугуна поползла вверх. Приехав в Москву, директор рассказал Ленину, каким образом удалось этого добиться: на заводе ввели «хлебную сдельщину». Успешный опыт старо-петровских рабочих заинтересовал Владимира Ильича, он тут же взял ручку и написал им приветственное письмо.

Сюжетная линия рассказа на этом не кончается. Писатель показывает тяжелую обстановку, которая сложилась весной 1921 года в Донбассе. В Старо-Петровске ухудшилось продовольственное положение: часть посланных на завод вагонов с хлебом переадресовали в другое место. Выплавка металла упала, потухали доменные печи. Наступил момент, когда, по словам писателя, мера напряжения сил, которую никогда нельзя определить заранее, была

перейдепа. Однажды Клявина внезапно вызвали по телефону из доменного цеха. На литейном дворе директор увидел возбужденную толпу. На кирпичных стенах печи, на броне кауперов были выведены мелом огромные буквы: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»

«Чувствуя, что сейчас произойдет что-то страшное, Клявин вдруг, словно озаренный, выхватил из бокового кармана бумажник и, сразу охрипнув, закричал: — А письмо Ленина забыли?» Далее рассказано о том, как угрюмый старик горловой неторопливо взял письмо и стал вслух читать ленинские слова. Письмо к Клявину не возвратилось. Оно словно растаяло, растворилось среди тех, кому было адресовано. После передавали, что письмо читали где-то в шахте, но кто его держал или видел последним, осталось неизвестным...

Надо ли говорить, что старо-петровская печь не погасла, она единственная на юге продержалась летом 1921 года до нового хлеба».

А где же письмо?

«Письмо утрачено, вероятно, безвозвратно,— заключает рассказ писатель.—...Среди старых рабочих Донбасса живет эта легенда. Да и легенда ли это?»

Такой же вопрос задавал себе и молодой инженер.

В рассказе было много деталей, совпадавших с воспоминаниями Ивана Ивановича Межлаука. Там тоже говорилось о Петровских заводах, о первых трудовых успехах, о встрече директора с Лениным. Как и Иван Иванович Межлаук, Клявин был раньше членом Реввоенсовета армии, а до революции — учительствовал...

Не о письме ли, которое Иван Иванович получил от В. И. Ленина, написал свой рассказ А. Бек? Если да, то кто ему сказал об этом?

Феликс Корнельевич разыскал писателя. Александр Бек сообщил, что рассказ написан им со слов... Ивана Ивановича Межлаука, которого он и вывел в рассказе под фамилией Клявин.

Поиски снова уперлись в тупик. Инженер еще раз внимательно перечитал некоторые уцелевшие письма родных, в том числе своего отца, жившего в 1921 году вместе с Иваном Ивановичем в Донбассе. Никаких сведений о судьбе ленинского письма он не обнаружил.

— А неужели Иван Иванович, коммунисты Петровского комбината могли ограничиться только тем, что на

собрании рабочих прочитали письмо? Если такое письмо Ильича было, то руководство комбината обязательно издало бы его листовкой или опубликовало в печати.

Но, прежде всего, когда могло быть написано такое письмо? Иван Иванович Межлаук докладывал Ильичу об успехах горняков за апрель 1921 года. Следовательно, ленинское письмо могло быть написано не раньше мая. Но и не позже этого месяца, потому что через два или три дня после десятой партконференции, состоявшейся 26—28 мая, Иван Иванович уехал из Москвы в Енакиево.

Придя к такому выводу, Ф. К. Межлаук отправился в Ленинскую библиотеку. Он узнал там, что в Енакиево в 1921 году выходила газета «Путь Советов». К сожалению, ни одним номером ее за этот год библиотека не располагала.

Но, может быть, в Енакиево выходили еще какие-нибудь издания? Инженер начал просматривать журнальную картотеку и неожиданно обнаружил в ней карточку «Вестник рабочего правления Петровских государственных заводов и рудников». В библиотеке нашлось всего два номера этого мало кому известного издания. Июньского журнала, в котором могло быть напечатано письмо, не оказалось. Все же Ф. К. Межлаук внимательно прочел оглавление июльского. Никаких следов информации о письме Ленина!

А может быть, есть хотя бы беглое упоминание о письме в какой-либо статье или заметке журнала? Феликс Корнельевич стал внимательно читать материалы «Вестника...». И вдруг на 49-й странице — заголовок: «Приветственное письмо т. Ленина к горнякам Петровского куста».

А под заголовком на две колонки набран текст:

«25-го мая 1921 г. Товарищам горнякам Петровского куста. Товарищ Межлаук передал мне о большом успехе Вашей работы за апрель м-ц 1921 года, на забойщика по 294 пуда при 291 п. в 1914 г. Шлю товарищам горнякам поздравление с редким большим успехом и самое лучшее приветствие. С такой работой мы все трудности преодолеем и электрифицируем Донбасс и Криворожский район, а в этом все.

С коммунистическим приветом *В. Ульянов (Ленин)*».

На той же странице был напечатан и отчет о докладе И. И. Межлаука, который он сделал после возвращения из

Москвы. Докладчик подробно рассказал, как Владимир Ильич просматривал диаграммы добычи угля, доставленные из Донбасса. Даже за такое, казалось бы незначительное, повышение производительности труда, увеличение добычи угля меньше чем на два килограмма в сутки по сравнению с 1914 годом¹, В. И. Ленин горячо благодарил шахтеров, называя этот показатель «редким большим успехом».

Судьба подлинника письма до сих пор неизвестна, но при утрате рукописи ее заменяет первая публикация. Таковую публикацию и нашел инженер Ф. К. Межлаук.

Бывает и так: документ уцелел, но прочитать его долгое время не удастся. Совсем недавно, в июле 1962 года, были прочитаны страницы пяти глав (от конца четвертой до начала десятой) первоначального варианта статьи Ленина «Очередные задачи Советской власти».

В 27-м томе четвертого издания собрания Сочинений были опубликованы по стенографической записи лишь заключительные главы этой статьи. В примечании к статье указано, что начало ее не сохранилось. По-видимому, его считали безвозвратно утраченным. (Если есть хоть малейшая надежда найти рукопись, в примечании указывается: «Рукопись не разыскана».)

Приступая к подготовке материалов для 36-го тома пятого издания Сочинений В. И. Ленина, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма Д. Л. Кудрячина получила из Центрального партийного архива фотокопии глав статьи «Очередные задачи Советской власти», уже опубликованных в четвертом издании. К ним были приложены и фотокопии так называемого «дешифранта» — расшифрованных записей стенографиста, которому Владимир Ильич диктовал статью. Эти записи долгое время хранились в личном архиве Марии Ильиничны Ульяновой.

Подготовитель тома Д. Л. Кудрячина просматривала записи вместе со своим помощником младшим научным сотрудником института Н. А. Амилеевым. «Дешифрант ли это?» — усомнились они. Расположенные столбиками слова не складывались во фразы, казались вырванными

¹ Кстати сказать, в дни XXII съезда КПСС горняки отдельных участков енакиевской шахты «Красный Октябрь» добывали за смену около 1800 пудов угля на каждого рабочего, то есть на 1500 пудов больше, чем в 1914 году.

из текста. Возможно, это выдержки из уже известных глав ленинской статьи. К такому выводу пришли сначала исследователи. Но скоро отказались от своего предположения, решив, что это, видимо, черновые записи, сделанные стенографистом «для себя». Однако спустя некоторое время Н. А. Амплеев сделал новую попытку исследовать дешифрант. В нем встречались слова: «5 глава», «6 глава», то есть как раз обозначения тех глав, которые считались утраченными. Невозможно ли по обрывкам фраз хотя бы приблизительно ознакомиться с содержанием этих глав?

Николай Андреевич Амплеев пытался разными способами прочитать текст. На фотокопиях дешифранта он был расположен четырьмя столбиками. Над каждым стояла цифра. Сперва исследователь читал одну за другой первые строки каждого столбца, но получалась бессмыслица. Потом он пытался понять текст, читая строки в разных комбинациях на одном листе. Но и эта попытка не принесла успеха.

Продолжая исследование, Амплеев заметил, что сочетание слов на одном листе иногда связано по смыслу с какой-нибудь строкой другого листа. Он обнаружил еще одну особенность. Сочетания слов приобретали смысл лишь в тех случаях, когда находились в столбиках, обозначенных одинаковыми цифрами. Исследователь разложил листы по этому признаку, образовалось несколько групп по четыре листа. Но не был известен порядок листов в каждой группе.

Можно ли это установить? Ответ пришел совсем неожиданно. На обороте одного из листов дешифранта Н. А. Амплеев прочитал:

«Принес часть переведенной стенограммы. Я пришел было сам для того, чтобы представить Вам сегодня приехавшую стенографистку Анну Александровну Грушину, которая могла бы продолжать писать под Вашу диктовку. Вместе с тем я хотел познакомить Вас с способом пользоваться этими тетрадками, которые я не мог переписать на машинке, будучи очень занят в Военном комиссариате, а найти переписчика мне не удалось. Если Вам затруднительно будет читать в таких тетрадках, прошу прислать ее завтра в Военный комиссариат, м. б., удастся там воспользоваться машинкой.

Ст. Я. Хлебников»

Из этой записки стенографиста Я. Хлебникова, адресованной Владимиру Ильичу, исследователь понял, что речь идет о каком-то особом способе чтения дешифранта. Что это за способ, из записки нельзя было узнать. Но в ней говорилось о тетрадках, которые стенографист не успел переписать на машинке. Амплеев кропотливо исследовал текст, и наконец ему удалось раскрыть секрет. В одной из фотокопий была пометка: «Смотри пятую тетрадь». Нашлась и она. Все пять тетрадей нужно было читать одновременно. За строкой в первой тетради следовала соответствующая строка во второй, затем — в третьей, и так до конца.

Видимо, для того чтобы быстрее подготовить экземпляр статьи для В. И. Ленина, стенографист Хлебников диктовал ее одновременно пяти переписчикам. И каждый записывал только те слова, которые диктовались именно ему. Вот почему нельзя было прочитать столбцы в каждой тетради отдельно.

Теперь удалось восстановить текст, казалось, навсегда утраченных глав первого варианта ценнейшей теоретической работы В. И. Ленина.

Высказанные Владимиром Ильичем в этих главах мысли сохранили все свое значение и в наши дни. «Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, — пишет В. И. Ленин в начале пятой главы, — представляет еще ту особенность, что речь идет теперь — и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов — о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика»¹. Владимир Ильич напоминает, что обычно со словом «управление» связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно или даже чисто политическую. «Между тем, самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»².

Придавая первостепенное значение экономике как важнейшему условию создания социалистического обще-

¹ «Правда», 28 сентября 1962 г.

² Там же.

ства, Ленин уже на основании практического опыта четырехмесячного существования Советской власти делал вывод, что «задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову... к задаче экономической реорганизации».

...Эта книга уже была подписана в печать, когда в «Правде» появилось сообщение о находке еще одного ленинского документа. История его кратка, но своеобразна. Вот что рассказала газета:

22 января 1963 года в ленинградский Музей Великой Октябрьской социалистической революции пришел член КПСС с 1919 года, персональный пенсионер Г. Н. Чернышев. Он принес записку В. И. Ленина, которую берег более четырех десятилетий.

На бланке Председателя Совета Народных Комиссаров красными чернилами написано:

«Часовому

Пропустите в мою квартиру подательницу, товарища Фотиеву секретаря С.Н.К.

Предс. СНК.

В. УЛЬЯНОВ (Ленин)».

Григорий Наумович Чернышев в 1919 году учился на 1-х Московских пулеметных курсах и вместе с другими курсантами нес караульную службу в Кремле. В одно из таких дежурств, 4 февраля 1919 года, к нему подошла Л. А. Фотиева. У нее не было с собой пропуска, и часовой, естественно, не пропустил ее. Тогда Фотиева пошла к Ильичу и принесла записку. Сдавая пост, Г. Н. Чернышев оставил у себя документ и с тех пор хранил его.

* * *

*

«...Есть ли надежда собрать нам в Москве *все* опубликованное Марксом и Энгельсом?»¹ — запрашивал В. И. Ленин в феврале 1921 года директора только что созданного Института Маркса — Энгельса. Владимир Ильич интересовался, собирает ли институт письма Маркса и Энгельса. Он хотел, чтобы литературное наследие основоположников научного коммунизма тщательно изучалось и сохранялось.

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 402.

Сейчас в Институте марксизма-ленинизма собрано более шести тысяч документов Маркса и Энгельса и свыше тридцати тысяч документов Ленина, среди них и вышеприведенная записка Владимира Ильича. Слово «все» в ней четко выделено.

Перечитывая ленинскую записку, невольно думаешь:

— Есть ли надежда собрать все написанное Владимиром Ильичем, все то, что по разным причинам затерялось, не оставив никаких следов?

Ответ подсказывает опыт неутомимых собирателей бесценного наследия:

— Можно не сомневаться в том, что это будет сделано!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
«Желтецькие тетрадки»	5
По следам самарских рефератов	18
Уральские находки	26
Розыски продолжаютя	36
Одна из шести	50
Чьи листовки?	63
Значок на седьмой странице	72
Молоком между строк	79
Разъяснение к «объяснению»	83
Под каким псевдонимом?	93
Судьба одной переписки	108
Вопреки «сторонним препятствиям»	129
Тайну хранит Волга	140
Бой на полях черновиков	147
Пачка школьных тетрадок	158
Сквозь строки конспектов	167
Без подписи, но... автор — Ленин	181
Чемодан Фрея	194
Ошибка шпики Фикуса	207
Архив остается в Польше	214
Тревожные сигналы	222
Следы еще двух архивов	227
Только письма... а где же статьи?	237
Ценное пополнение	243
Заметки на пустом конверте	250
Папка Надежды Константиновны	255
Книжечка в дерматиновом переплете	263
«Вы чуточку переконспирировалж...»	267
Разбирая «россыпи»...	281
Логика доказательств	289
История одного письма	301
Искать, и снова искать	306

Пересветов Роман Тимофеевич

ПОИСКИ БЕСЦЕННОГО НАСЛЕДИЯ. (О судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина). М., Госполитиздат, 1963.

319 с.

ЗК23

Редактор *А. Дмитренко*

Художник *С. Голубев*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *О. Семенова*

Сдано в набор 20 ноября 1962 г. Подписано в печать 27 февраля 1963 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 10. Условн. печ. л. 16,4.
Учетно-изд. л. 15,82. Тираж 40 тыс. экз. А 03032.
Заказ № 3972. Цена 55 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16,